

Стратегический обзор Strategic Review 2025

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Г. АРБАТОВА

ИМЭМО РАН
МГИМО МИД РОССИИ

EDITED BY
ALEXEI ARBATOV

ИМЭМО
MGIMO UNIVERSITY

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

Strategic Review 2025

**Edited by Alexei Arbatov,
Academician of the RAS,
Doctor of Science
(History)**

**Primakov National Research
Institute of World Economy
and International Relations
of the Russian Academy of
Sciences (IMEMO)**

**Moscow State Institute
of International Relations
(MGIMO University) of
the Ministry of Foreign
Affairs of Russian
Federation**

**Moscow
MGIMO University
Publishing House
2026**

Стратегический обзор 2025

ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАДЕМИКА
РАН, ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ
НАУК А. Г. АРБАТОВА

Национальный исследовательский
институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е. М. Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН)

Московский государственный
институт международных
отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации (МГИМО
МИД России)

Москва
Издательский
дом МГИМО
2026

УДК 327
ББК 66.4(0)
С83

Рекомендовано к опубликованию НИС
Ученого совета ИМЭМО РАН

Рецензенты:

О. О. Криволапов,
кандидат политических наук
Э. Г. Соловьев,
кандидат политических наук

Авторский коллектив:

К. В. Богданов, Е. И. Добрева, А. С. Ермаков,
А. В. Загорский, С. М. Иванов,
А. В. Куприянов, А. И. Никитин, С. К. Озноб-
ищев, Н. П. Ромашкина, Д. В. Стефанович,
Н. Ю. Сурков

С83 **Стратегический обзор 2025** /отв. ред. —
А. Г. Арбатов ; ИМЭМО РАН ; МГИМО МИД
России. — Москва : Издательский дом
МГИМО, 2026. — 362[2] с. — Текст рус.,
англ.

ISBN 978-5-9228-3129-1

УДК 327
ББК 66.4(0)

Выпуск регулярного издания «Стратегический обзор» посвящен анализу наиболее острых и актуальных проблем международной безопасности, стоявших перед мировым сообществом в 2025 г. Авторами изучена эскалация Украинского кризиса и его переговорная динамика, влияние прихода новой администрации в США на европейскую политику безопасности, а также зарождающееся многомерное противостояние США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подробно рассмотрены состояние и перспективы проекта ПРО США «Золотой купол», а также перспективы применения искусственного интеллекта в военном деле. Региональный блок издания посвящен военно-стратегическим аспектам индо-пакистанской конфронтации, развитию конфликтов на Ближнем Востоке, а также анализу политики безопасности Ирана.

ISBN 978-5-9228-3129-1
DOI 10.63861/3129-1

© ИМЭМО РАН, 2026
© МГИМО МИД России, 2026

приоритет2030[^]

лидерами становятся

Издание подготовлено при поддержке
Программы развития МГИМО
«Приоритет-2030»

The publication was supported by MGIMO
University "Priority-2030" programme

Recommended for publication by
the IMEMO Academic Council

Reviewers:

О. О. Krivolapov,
Cand. of Sciences (Politics)
E. G. Solovyev,
Cand. of Sciences (Politics)

Authors:

K. V. Bogdanov, E. I. Dobрева, A. S. Ermakov,
A. V. Zagorsky, S. M. Ivanov, A. V. Kupri-
yanov, A. I. Nikitin, S. K. Oznobishchev,
N. P. Romashkina, D. V. Stefanovich,
N. Yu. Surkov

Strategic Review 2025 /ed. by Alexei
Arbatov ; IMEMO ; MGIMO University. —
Moscow : MGIMO University Publishing
House, 2026. — 362[2] p. — Text in
Russian and English.

ISBN 978-5-9228-3129-1

The issue of Strategic Review regular publication is devoted to the analysis of the most pressing and relevant international security issues facing the global community in 2025. The authors examine the escalation of the Ukrainian crisis and its negotiation dynamics, the impact of the new U.S. administration on European security policy, and the emerging multidimensional confrontation between the U.S. and China in the Asia-Pacific region. The state and prospects of the U.S. Golden Dome missile defense project, as well as the prospects for the use of artificial intelligence in military affairs, are examined in detail. The regional section of the publication is devoted to the military-strategic aspects of the Indo-Pakistani confrontation, the development of conflicts in the Middle East, and an analysis of Iranian security policy.

ISBN 978-5-9228-3129-1
DOI 10.63861/3129-1

© 2026, IMEMO
© 2026, MGIMO University

Содержание

Table of Contents

7	Предисловие	189	Introduction
17	Украинский кризис в 2025 году: динамика и перспективы урегулирования. Константин Богданов	199	The Ukrainian Crisis in 2025: Dynamics and Prospects for Resolving. Konstantin Bogdanov
33	Европейская безопасность: эффект Трампа. Андрей Загорский, Сергей Ознобищев	215	European Security: The Trump Effect. Andrey Zagorsky, Sergey Oznobishchev
65	Новый проект противоракетной обороны США. Александр Ермаков	245	New U.S. Missile Defense Project. Alexander Ermakov
77	Искусственный интеллект в военном деле. Наталья Ромашкина, Дмитрий Стефанович	257	Artificial Intelligence in Military Affairs. Natalia Romashkina, Dmitry Stefanovich
95	Противостояние США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Александр Никитин	273	U.S.-China Confrontation in Asia-Pacific. Alexander Nikitin
123	Индия и Пакистан: ядерный тупик и перспективы его преодоления. Алексей Куприянов	299	India and Pakistan: Nuclear Stalemate and Prospects for Its Overcoming. Alexey Kupriyanov
141	Взрывоопасный Ближневосточный регион. Станислав Иванов	315	Volatile Middle East Region. Stanislav Ivanov
165	Региональная безопасность в восприятии Тегерана. Евдокия Добрева, Николай Сурков	337	Regional Security as Perceived by Tehran. Evdokia Dobрева, Nikolay Surkov
183	Заключение	353	Conclusion
359	Об авторах	359	Authors

Предисловие

«Стратегический обзор 2025» — это третий выпуск ежегодного издания, которое является совместным проектом Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) и Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России).

В настоящем коллективном труде представлен анализ главных событий и процессов в области международной безопасности. К сожалению, приходится констатировать, что на момент завершения работы над третьим изданием «Обзора» прежние конфликты продолжались, возникали новые кризисы, а система стратегической стабильности оставалась в неустойчивом состоянии.

На протяжении многих лет США игнорировали предложения Москвы о взаимном моратории на развертывание ракет средней дальности наземного базирования, выдвинутое после денонсации Договора 1987 г. о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) первой администрацией Трампа в 2019 г. Подготовка к развертыванию таких американских систем в Германии и на Филиппинах, их временное размещение там под предлогом учений не застали Россию врасплох. Еще в ноябре 2024 г. она произвела боевое испытание новейшей баллистической ракеты средней дальности «Орешник» в неядерном оснащении, применив ее для удара по украинскому ракетному заводу «Южмаш». Но

в конце концов терпение Москвы закончилось, и в августе 2025 г. она отказалась от «сохранения одностороннего моратория на развертывание аналогичных вооружений» и начала подготовку решений «по конкретным параметрам мер реагирования»¹. В ходе совместных военных учений России и Белоруссии «Запад 2025» в сентябре 2025 г. отрабатывалось применение нестратегического ядерного оружия. Идет подготовка размещения в Белоруссии российских ракет средней дальности «Орешник» в дополнение к тактическому ядерному оружию, развернутому там ранее.

Взаимное размещение в Европе Россией и США ракет средней дальности вернет мир к ситуации до 1987 г., когда такие средства с коротким подлетным временем создавали для СССР угрозу удара по центрам принятия решений и моментальной ядерной эскалации любого вооруженного конфликта Варшавского Договора и НАТО. Теперь ситуация может быть намного хуже — с учетом новых геостратегических реалий и текущего военного конфликта на Украине и вокруг нее.

Ныне три главных столпа системы контроля над вооружениями находятся под угрозой. Во-первых, продленный срок действия Договора СНВ-3 истекает 5 февраля 2026 г. В сентябре Москва предприняла попытку сохранить договор, но результат этой инициативы зависит от дальнейшей линии Вашингтона и согласования сторонами ряда деталей.

Во-вторых, внутри США и России есть настроения в пользу отказа от Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Неожиданное заявление Дональда Трампа о «возобновлении ядерных испытаний» от 30 октября может еще больше подорвать этот договор.

В-третьих, падение этих двух центральных опор системы контроля над вооружениями достаточно скоро развалит Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Едва ли можно сомне-

1 Заявление МИД России по вопросу о моратории на развертывание ракет средней и меньшей дальности наземного базирования // МИД России, 04.08.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2039749/.

ваться, что вслед за этим упадут и оставшиеся элементы «домино»: договоры о неразмещении оружия массового уничтожения в космосе и на дне морей и океанов, безъядерные зоны на многих континентах, конвенция о физической защите ядерных материалов, а возможно и конвенции о запрещении химического и биологического оружия.

Вместе с тем, можно констатировать, что события 2025 г. отличались большей динамикой, чем в предыдущем году. Заметные перемены в международное положение внесла политика новой администрации США под руководством президента Д. Трампа. В частности, возобновился прямой диалог высокого уровня между США и Россией. Одновременно заметно осложнились отношения Вашингтона с союзниками по НАТО и на Тихом океане, а также с КНР, Индией и другими странами.

Вторая администрация Трампа, в отличие от демократических предшественников, сделала попытку способствовать мирному урегулированию украинского конфликта, отказалась от цели нанести «стратегическое поражение» России и проявила стремление к нормализации с ней дипломатических, экономических и политических отношений. Несмотря на украинский конфликт, вернувшись в Белый дом, Трамп стал высказываться в пользу ядерного разоружения: «Мы бы хотели достичь денуклеаризации... Говорю вам, президенту Путину реально понравилась идея сократить ядерные [вооружения]... У нас была хорошая беседа с Китаем. Они бы присоединились, и это стало бы прекрасной штукой для мира»². Позднее Трамп уточнил свою позицию и вспомнил про ДСНВ-3: «У нас есть ограничения, и у них есть ограничения, как вы знаете, в ядерной сфере... Когда вы убираете ядерные ограничения, это большая проблема»³.

2 President Trump Gives Virtual Remarks to World Economic Forum // The White House, 23.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-trump-gives-virtual-remarks-to-world-economic-forum/>.

3 Трамп: США намерены обсуждать с Россией перспективы ядерного разоружения // ТАСС, 25.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24613527>.

Конечно, нескладные экспромты Трампа на ядерную тему, шатание из одной крайности в другую не внушают оптимизма. Как и было предсказано в «Стратегическом обзоре 2024», приход в Белый дом импульсивного и склонного к деструктивным шагам президента на какое-то время заставил притихнуть зарубежных любителей игры в «ядерное устрашение». Очередной сюрприз был преподнесен новым президентом в августе 2025 г., когда, рассердившись на некоторые высказывания российских деятелей (опубликованные в личном качестве), Трамп заявил, что приказал двум атомным подводным лодкам США выдвинуться «в определенные районы» с целью противостояния «российской угрозе»⁴. Наверное, президенту не сообщили, что как минимум 6–7 стратегических ракетных подводных лодок США постоянно находятся на боевом дежурстве в океане (как и часть российских подводных ракетносцев). Там они скрытно курсируют в пределах досягаемости своих ракет до назначенных целей, им никуда не надо выдвигаться для нанесения удара и тем более запрещено каким-либо образом обнаруживать себя, чтобы кому-то «противостоять». Тем не менее, в конце сентября на встрече с генералитетом Трамп с гордостью напомнил о своем твердом приказе «выдвинуть одну или две подводные лодки к берегам России»⁵ (так сказать, кто их считает?).

В первой главе настоящего «Обзора» анализируется развитие событий, связанных с главным современным кризисом международной безопасности, имеющим место на Украине и вокруг нее. После вытеснения украинских войск из Курской области в течение года российское продвижение по всему фронту носило медленный, но неуклонный характер. Усугублялись проблемы

4 Stewart P., Landay J., Jones R. Trump Orders Nuclear Submarines Moved after Russian “Provocative Statements” // Reuters, 02.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/trump-orders-nuclear-submarines-moved-after-russian-provocative-statements-2025-08-02/>.

5 Snider M. “Two N-words” Video Shows Trump Refer to Racial Slur in Discussing Nuclear Threat // USA Today, 01.10.2025. URL: <https://eu.usatoday.com/story/news/nation/2025/09/30/trump-n-word-nuclear-threat-video/86437657007/>.

Вооруженных сил Украины, основной из которых была нехватка личного состава сухопутных войск на ключевых направлениях и средств обороны от беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и ракет. Обе стороны проводили массированные атаки с применением беспилотников и других средств вглубь территории друг друга. В июне Украина осуществила в российском тылу масштабный удар по базам российской дальней авиации.

Тем не менее, между сторонами состоялось несколько раундов переговоров о мирном урегулировании. Регулярными и все более масштабными становились обмены пленными и телами погибших военнослужащих. Однако первые успехи, достигнутые в контактах сторон в этом году, носили весьма ограниченный характер.

2025 год принес определенное улучшение шансов на восстановление прагматического диалога России и Западом по вопросам безопасности. В этом смысле наиболее заметным событием стали переговоры лидеров России и США на Аляске 15 августа. По их итогам американские официальные круги, весной активно продвигавшие идею прекращения огня как условия начала мирного процесса, восприняли концепцию начала переговоров сразу о всеобъемлющем соглашении об урегулировании конфликта. Этот момент можно считать тактической победой Москвы в политико-дипломатическом взаимодействии с США.

Президент Трамп изначально считал возможным легко разрешить украинский кризис своим политическим напором и давлением на обе стороны. Однако первые шаги по восстановлению российско-американских контактов показали Вашингтону всю сложность украинской проблематики. Эволюция позиции администрации говорит о том, что этот факт начинает осознаваться за океаном, и этим объясняются флуктуации в риторике и практической политике США, в частности, после выступления Трампа в ООН 23 сентября.

С другой стороны, эти же контакты свидетельствуют, что при смене идеологической парадигмы относительно легко восстановить саму инфраструктуру диалога, пребывавшего в забвении с первых дней боевых действий 2022 г., и начать вырабатывать практические варианты пакетного размена уступок для завершения военной фазы украинского кризиса. По сути, несмотря

на ожесточенный характер боевых действий на фронтах, они ведутся теперь за обеспечение тех или иных условий мирного урегулирования (например, выдвинутых президентом В. Путиным в июне 2024 г. и вновь упомянутых им в августе 2025 г.). На какое-то время казалось, что угроза ядерной эскалации конфликта отошла на задний план, но с конца сентября она вновь возросла — прежде всего, из-за расширения глубоких атак БПЛА и ракетных ударов противоборствующих сторон.

Вторая глава «Стратегического обзора 2025» посвящена проблематике европейской безопасности, в которой украинской конфликт тоже занимает центральное место. Возвращение Трампа в Белый дом усилило сомнения европейских стран в надежности американских гарантий безопасности. На июньском саммите альянса в 2025 г. европейские страны согласились существенно повысить свои оборонные расходы и взять на себя большее бремя поддержки Украины. Однако, помимо украинского кризиса, напряженность трансатлантических отношений усиливалась ввиду продолжающегося разворота американской внешней и военной политики в направлении Азиатско-Тихоокеанского (Индо-Тихоокеанского в американской терминологии) региона.

В 2025 г. в европейских странах укрепилось мнение о необходимости снизить зависимость от США в сфере обороны и безопасности. Большой размах набрала дискуссия о «европеизации» НАТО, формировании «европейской стратегической автономии» и собственного потенциала ядерного «сдерживания России». Поэтому растущую роль в стимулировании гонки вооружений на континенте играет Европейский союз (ЕС), хотя и не претендует на создание альтернативной НАТО организации коллективной обороны. На этом фоне задача формирования новой общеевропейской архитектуры безопасности, включающей Россию, не рассматривается в европейских столицах как перспективный проект в обозримом будущем.

В третьей главе рассматривается актуальная тема года — провозглашенный Трампом проект глобальной многоступенчатой системы противоракетной обороны (ПРО), названный «Золотой купол». Примечательно, что Трамп несколько раз охарактеризовал

«Купол» как «интегрированную, многоуровневую систему обороны от всех видов угроз, включая БПЛА». Предполагается широкое внедрение элементов искусственного интеллекта в систему управления и развертывание на орбите множества перехватчиков.

Пока складывается впечатление, что, по аналогии с системой «Звездных войн» (СОИ) Рональда Рейгана, бюджетные и технические проблемы повлекут замедление и свертывание программы. Преемники Трампа, вполне вероятно, будут видоизменять эту инициативу или существенно ограничат ее, как неоднократно случалось с программой ПРО за последние десятилетия. Тем не менее, «Золотой купол», как отмечают авторы «Обзора», на ближайшие годы станет важнейшим фактором в американо-российском, американо-китайском и мировом стратегическом ландшафте, будет определять направления военного строительства целого ряда стран и возможную повестку переговоров об ограничении стратегических и космических вооружений.

Четвертая глава сфокусирована на другом передовом направлении развития технологий, революционно меняющих облик войны. Речь о внедрении систем с искусственным интеллектом (ИИ). В еще большей степени, чем другие прорывные технологии, ИИ может способствовать или укреплению стратегической стабильности, или, наоборот, ее расшатыванию. Очевидно, что технологии ИИ не поддаются традиционным методам контроля над вооружениями. Однако эти технологии могут стать предметом межгосударственного диалога для обеспечения более четкого взаимного понимания принципов и границ внедрения ИИ в системы управления стратегическими ядерными силами с целью предотвращения неуправляемой эскалации возможных конфликтов.

В пятой главе анализируются проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Там столкновение планов и амбиций США и КНР не сочетается с их экономической взаимозависимостью. Однако оно обостряется на протяжении последнего десятилетия — прежде всего, в силу наступательной позиции Вашингтона. Сложилось многослойное противостояние, в котором основную роль играют тарифные войны и санкционная политика в экономике и финансах.

Наряду с этим, за последние годы Китай последовательно наращивал боевой состав своей стратегической ядерной триады и развешиваемых ракет средней дальности, включая средства двойного назначения. Это побудило зарубежных экспертов поставить под сомнение китайскую традиционную ядерную доктрину, основанную на принципах неприменения ядерного оружия первыми и поддержания минимально достаточного уровня ядерного сдерживания. В США уже общепринято считать, что КНР планирует достичь, как минимум, стратегического паритета с Соединенными Штатами. Это служит обоснованием как новой американской политики ядерного сдерживания, направленной одновременно против Китая и России, так и плана возрождения программы глобальной эшелонированной системы ПРО. Противостояние США и КНР в конфликтных ситуациях вокруг Тайваня, Корейского полуострова и в Южно-Китайском море латентно поддерживает угрозу военного столкновения двух гигантов, которое может быстро эскалировать на ядерный уровень и принять глобальный масштаб.

Шестая глава посвящена второму срезу противостояния ядерных государств в Азии — отношениям Индии и Пакистана, которые одновременно испытали ядерное оружие в 1998 г. Ныне Пакистан в своей ядерной доктрине делает упор на первое применение ядерного оружия в случае вторжения превосходящих индийских сил общего назначения, для чего ставит акцент на ядерные средства малой дальности. Ядерная доктрина Индии основана на концепции неприменения ядерного оружия первой и ориентируется на ответный ядерный удар по Пакистану. Однако в свете пакистанской ядерной доктрины Индия допускает применение ядерного оружия тактической и средней дальности в ответ на ядерный удар по индийским силам общего назначения не только на своей, но и на чужой территории.

Одновременно ядерная доктрина Индии направлена на сдерживание потенциалом ответного удара превосходящих ядерных сил КНР, для чего большие капиталовложения делаются в системы большой дальности, наземно-мобильные и морские ракетные системы.

В апреле–мае 2025 г. между Индией и Пакистаном произошел относительно крупный вооруженный конфликт, в ходе которого применялись ракетные удары и использовалась боевая авиация и индийский авианосец. Этот конфликт знаменателен тем, что де-факто ядерные державы около двух недель вели активные военные действия. К счастью, их удалось быстро прекратить. Но, учитывая сложное переплетение ядерных доктрин сторон и планов применения их обычных и ядерных сил, а также нерешенность застарелых противоречий, нет никаких гарантий, что в следующий раз подобный конфликт не перейдет «ядерный порог» и не повлечет катастрофу для Южной Азии с глобальными последствиями.

В седьмой главе «Обзора» рассмотрены события 2025 года на Ближнем и Среднем Востоке. Этот традиционно взрывоопасный регион добавил к общей картине мира целый ряд кризисов и вооруженных столкновений региональных государств с участием великих держав извне. Военная операция США против Ирана, 12-дневная ирано-израильская война, вовлечение в конфликты Сирии, Ливана, Йемена, сектора Газы, авиаудар Израиля по столице Катара Дохе вносили вклад в беспрецедентную со времен холодной войны турбулентность мира.

Восьмая глава, вопреки сложившемуся формату «Обзора», посвящена событиям того же региона, что и седьмая. Резкая эскалация вооруженного конфликта Израиля и США с Ираном в июне 2025 г. дала повод обратить внимание на восприятие ситуации со стороны Тегерана в контексте его отношений с окружающими странами и негосударственными движениями, отношения к ядерной программе, причин и итогов осуществленных Израилем и США военных операций. Без учета этих моментов нельзя рассчитывать на мирное урегулирование данного конфликта. Результаты израильско-американских авиаударов по ядерной инфраструктуре Ирана оцениваются специалистами по-разному. Однако в мировом экспертном сообществе едва ли можно встретить мнение, что июньская война способствовала укреплению мирового режима нераспространения ядерного оружия — особенно в свете предстоящей в 2026 г. очередной обзорной конференции ДНЯО.

Украинский кризис в 2025 году: динамика и перспективы урегулирования

КОНСТАНТИН БОГДАНОВ

В течение 2025 г. на фронте специальной военной операции (СВО) продолжились тенденции, отмеченные нами в предыдущем выпуске «Обзора»¹. Российское продвижение в Донбассе носило медленный, но неуклонный характер. Западными аналитиками отмечалось значительное развитие российской тактики вооруженной борьбы², количественное наращивание применения Вооруженными силами России беспилотных летательных аппаратов (БПЛА)³ и совершенствование тактики их применения и организационно-штатных структур⁴. Одновременно с этим продолжали усугубляться прежние проблемы Вооруженных сил Украины, основной из которых становится нехватка пехоты на ключевых направлениях. Данное соотношение преимуществ и недостатков пока не приводит к обрушению линии фронта с реализацией оперативных прорывов, однако уже можно говорить о системной тенденции — в особенности на фоне обострения противоречий в западном лагере после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа и опасений сокращения военной помощи Украине.

2025 г. принес определенное улучшение шансов на восстановление прагматического диалога России с Западом по вопросам безопасности, что необходимо для достижения устойчивого решения, которое окончательно урегулирует Украинский кризис, устранив его первопричины. Однако первые успехи, достигнутые

-
- 1 Арбатов А. Г., Богданов К. В. Украинский кризис и стратегические отношения России и Запада / В кн.: *Стратегический обзор 2024* / Под ред. А. Г. Арбатова. Москва: МГИМО-Университет, 2024.
 - 2 Santora M., Varenikova M. Russia Goes After Ukraine With Distant Strikes and New Tactics // The New York Times, 09.08.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/08/09/world/europe/russia-ukraine-frontline.html>.
 - 3 Wilson R., Kent L., Schrickel Y. How Russia's Drone Attacks Have Reshaped the War in Ukraine // CNN, 02.09.2025. URL: <https://edition.cnn.com/world/russia-drone-attacks-ukraine-war-intl-vis>.
 - 4 Kirichenko D. Russia's Growing Rubicon Drone Force Is a Major Threat to Ukraine // Forbes, 03.09.2025. URL: <https://www.forbes.com/sites/david-kirichenko/2025/09/03/russias-growing-rubicon-drone-force-is-a-major-threat-to-ukraine/>.

Россией в контактах с США в этом году, носили крайне ограниченный характер. По сути, речь идет лишь о возобновлении регулярного общения на первом треке.

Стратегическая ситуация в целом складывалась успешно для России, что и обусловило характер дипломатических контактов. Отказ Москвы от прекращения огня (а по сути, от замораживания конфликта без предварительных условий) вытекал из нежелания давать украинской стороне время для укрепления постепенно истощающегося силового потенциала и из стремления воспользоваться ослаблением противника для достижения целей СВО. В этом смысле наиболее конструктивным развитием ситуации стал августовский результат переговоров России и США. По его итогам американские официальные лица, весной активно продвигавшие идею прекращения огня как старта мирного процесса, заговорили вместо этого о выходе сразу на всеобъемлющее соглашение об урегулировании. Этот момент можно было считать важной тактической победой Москвы в политико-дипломатическом противостоянии с Западом.

Однако значительная часть Запада продолжает требовать безоговорочного прекращения ведения боевых действий как первого шага урегулирования, без сопутствующих публичных договоренностей, обязательств сторон и гарантий безопасности, адресованных озабоченностям России. Кроме того, уже осенью 2025 г., после того, как вторая планируемая встреча президентов в Будапеште была отложена, американская администрация опять заговорила об «остановке» боевых действий⁵, что показывает сохраняющуюся шаткость оснований для диалога.

Ход боевых действий

Год начался с продолжения операции российских вооруженных сил по уничтожению группировки ВСУ, вторгшейся на терри-

5 Budapest Summit Blocked by Russia's Unwillingness to "Stop" at Ukraine, Trump Says // TASS, 07.11.2025. URL: <https://tass.com/world/2040791>.

торию Курской области в августе 2024 г. Планомерное вытеснение украинских войск с территории России продолжалось всю зиму и часть весны. В начале февраля ВСУ предприняли новые попытки атаковать на этом направлении, но были остановлены, а к началу марта к активным действиям перешли российские войска. К 13 марта была освобождена Суджа⁶. 14 марта президент Украины Владимир Зеленский объявил о том, что операция ВСУ в Курской области «свою задачу выполнила», прямо указав на ее свертывание⁷. К концу апреля территория Курской области в основном была зачищена от украинских войск.

26 апреля начальник Генштаба ВС России Валерий Герасимов сообщил, что в боях за освобождение Курской области участвовали военнослужащие из КНДР⁸; 28 апреля эта информация была официально подтверждена Пхеньяном⁹. В дальнейшем информация о военном сотрудничестве России и КНДР начала появляться регулярно. Так, в июне секретарь Совета Безопасности РФ Сергей Шойгу сообщил, что Пхеньян направит в Россию 1000 саперов и до 5000 военных строителей для разминирования и восстановления российской территории¹⁰.

-
- 6 Степанов А. Бойцы РФ освободили Суджу — единственный захваченный ВСУ город в Курской области // Российская газета, 13.03.2025. URL: <https://rg.ru/2025/03/13/sudzha-nasha.html>.
 - 7 Зеленский заявил, что курская операция ВСУ «выполнила свою задачу» // РБК, 14.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/03/2025/67d462be9a794755634ad5dc>.
 - 8 Герасимов отметил роль военных КНДР в освобождении Курской области // ТАСС, 26.04.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/23791087>.
 - 9 WPK Central Military Commission Highly Praises Combat Sub-units of Armed Forces of DPRK for Performing Heroic Feats in Operations to Liberate Kursk Area of Russian Federation // KCNA, 28.04.2025. URL: <http://www.kcna.kp/en/article/q/65e93d8a71e2fc200437c1459d7e150811d1c-d156746ab9a99680c015c20b8f49cc217b0f65acc54df87a22d320ecace.kcmsf>.
 - 10 КНДР направит тысячи саперов и военных строителей для восстановления Курской области // Интерфакс, 17.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1031606>.

Украина активно продолжала воздушное наступление. 11 марта состоялась крупнейшая на тот момент атака дальних украинских беспилотников на российские территории: было запущено свыше 340 ед., из них более 90 — по целям в Московском регионе¹¹. В результате атаки погибли три человека, около 20 получили ранения. В зимне-весенний период наблюдались попытки атаковать нефтехранилища и нефтеперерабатывающие заводы в России. В ответ Россия также проводила крупномасштабные воздушные удары в глубину территории Украины, в основном с применением беспилотников.

На фоне развития дипломатических контактов с США президент России Владимир Путин отдал приказ об одностороннем прекращении огня с вечера 19 апреля («пасхальное перемирие»)¹². Украинская сторона отнеслась к инициативе критически, однако позже заявила о намерении соблюдать перемирие «зеркально» — в зависимости от соблюдения российской стороной. Уже 20 апреля стороны выступили с неоднократными заявлениями о нарушении режима прекращения огня, обвиняя в этом друг друга¹³. Вместе с тем режим прекращения огня, продлившийся до полуночи 21 апреля, отмечался как действенная мера, резко снизившая интенсивность боевых действий.

Второе временное прекращение огня было введено решением президента Путина в дни празднования 80-летия Победы

11 Российские военные сообщили о 343 сбитых ночью беспилотниках // Интерфакс, 11.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1013050>.

12 Путин объявил пасхальное перемирие в ходе СВО // Интерфакс, 19.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1021714>.

13 Военные РФ зафиксировали 4900 нарушений режима пасхального перемирия // Интерфакс, 21.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1021842>; Faulconbridge G., Polityuk P. Kyiv and Moscow Accuse Each Other of Countless Violations of One-Day Easter Ceasefire // Reuters, 21.04.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/ukraines-zelenskiy-says-russian-army-trying-create-impression-easter-ceasefire-2025-04-20/>.

в Великой Отечественной войне¹⁴. Режим был введен в ночь с 7 на 8 мая и действовал до полуночи 11 мая. Ситуация в целом также выглядела спокойнее обычного фона, однако стороны и в этот раз обвиняли друг друга в массовых нарушениях¹⁵.

После майских праздников Россия возобновила воздушные атаки на Украину, все в больших масштабах применяя дальние беспилотные комплексы типа «Герань». Средние темпы применения дальних беспилотников, по данным западных аналитиков, опирающихся на украинские сведения, выросли к этому моменту примерно в 8–9 раз с сентября 2024 г.¹⁶ Последующие месяцы раз за разом ставили рекорды как по общему числу использованных в атаках БПЛА и ракет, так и их единовременному применению. Например, июньские потолки в разовых запусках составляли более 470 воздушных целей (ракет и, главным образом, дронов), июльские — свыше 730 ед., а в начале сентября перевалили за 800 ед. Наблюдатели начали отмечать нарастающее перенасыщение украинской ПВО, что приводило к нанесению всё большего урона в ходе налетов¹⁷.

Украинская сторона имела крайне ограниченные возможности симметрично отвечать на подобное наращивание воздуш-

14 По решению Президента России в дни 80-летия Победы российская сторона объявляет перемирие // Официальный сайт президента России, 28.04.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76807>.

15 Минобороны РФ подвело итоги перемирия на дни празднования Победы // Фонтанка, 11.05.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/11/75444590/>; Russia and Ukraine Accuse One Another of Ceasefire Violations // Reuters, 10.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-says-ukraine-keeps-trying-breach-border-2025-05-09/>.

16 Drone Saturation: Russia's Shahed Campaign // Center for Strategic and International Studies, 13.05.2025.

17 Grynzspan E. En Ukraine, la Défense Antiaérienne Peine à Faire Face à L'Intensification Des Frappes Russes // Le Monde, 26.05.2025. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2025/05/26/en-ukraine-la-defense-antiaerienne-peine-a-faire-face-a-l-intensification-des-frappes-russes_6608414_3210.html.

ного давления и в основном сосредоточила удары своих дальних беспилотников на инфраструктурных объектах в глубине России. В ходе лета украинская тактика применения дальних беспилотников менялась. Так, в июле 2025 г. значительное давление оказывалось на аэропорты европейской части России, что несколько раз привело к транспортным коллапсам с отменой десятков вылетов. По-видимому, расчет состоял в оказании психологического давления на мирное население, именно в этот момент массово отбывавшее в отпуска. Ту же цель преследовала масштабная кибератака на ИТ-инфраструктуру компании «Аэрофлот», проведенная 28 июля и на какое-то время парализовавшая нормальное функционирование авиаперевозчика¹⁸.

С конца июля 2025 г. Украина сосредоточила систематические атаки беспилотников на российских нефтеперерабатывающих заводах с предположительной целью спровоцировать топливный кризис в разгар уборочной кампании.

Однако основные эффектные ходы по переносу войны вглубь России были сделаны сразу в конце весны. В ночь с 31 мая на 1 июня в Брянской и Курской областях были подорваны автомобильный и железнодорожный мосты соответственно¹⁹ — причем железнодорожный был взорван в момент прохождения грузового состава, а обломки автомобильного рухнули на железнодорожное полотно, что привело к сходу с рельсов пассажирского состава, врезавшегося в них. В результате погибли семь человек, свыше 100 — пострадали.

В начале июня в европейской части России произошли еще несколько попыток подрыва объектов транспортной инфраструктуры, в частности в Воронежской и Белгородской областях.

18 Арялина М. Кибератака на «Аэрофлот»: как долго придется устранять последствия // Ведомости, 28.07.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/07/28/1127530-aeroflot-ustranyat-posledstviya>.

19 Путин назвал терактом подрыв ж/д путей в Курской и Брянской областях // Интерфакс, 04.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1029558>.

3 июня состоялась неудачная попытка подорвать одну из опор Крымского моста²⁰.

Одновременно с этим 1 июня Украина провела в российском тылу масштабную атаку на самолеты Дальней авиации (операция «Паутина»). Ударам подверглись стоянки тяжелых бомбардировщиков и самолетов дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) в Оленьей (Мурманская область), Дяги-лево (Рязанская область), Белой (Иркутская область) и Иваново (Ивановская область). По ряду косвенных сведений, планировалась также атака на аэродром Украинка (Амурская область), однако, судя по всему, она была сорвана — об этом свидетельствует заявление Минобороны России²¹. Нападение было синхронизировано по времени и осуществлялось одновременным запуском малых ударных FPV-дронов коптерного типа из переоборудованных контейнеров автофур, проезжавших мимо аэродромов. По заявлениям российской стороны, в ходе атак «произошло возгорание нескольких единиц авиационной техники»²², но все поврежденные самолеты подлежат восстановлению²³.

2 июля украинским ракетным ударом был поражен командный пункт в приграничном районе Курской области. В результате погиб ряд офицеров 155-й бригады морской пехоты, а также заместитель главкома ВМФ Михаил Гудков, ранее командовавший этой бригадой²⁴.

20 Песков: Крымский мост не пострадал от атаки Киева // ТАСС, 04.06.2025. URL: <https://tass.ru/politika/24133377>.

21 Заявление Минобороны России // Минобороны России, 01.06.2025. URL: <https://mil.ru/news/c798b89f-a893-4d80-bd25-cba0195dc7a1>.

22 Там же.

23 Рябков: РФ восстановит самолеты, поврежденные в ходе атаки Украины 1 июня // ТАСС, 05.06.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24142441>.

24 Главком ВМФ: погибший Гудков завоевал авторитет в войсках победами на поле боя // ТАСС, 08.07.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24455577>.

Все эти операции, несомненно, должны были создать рычаг при подготовке переговоров с Россией на максимально выгодных условиях, одновременно скрашивая для ВСУ картину ситуации на фронте. Российские войска все лето продолжали активное продавливание украинской обороны, формируя заготовки «карманов» вокруг ее узлов, которые при удачном стечении обстоятельств можно будет обратить в «мешки». Велись активные боевые действия по приданию соответствующего начертания линиям боевого соприкосновения в окрестностях Купянска, Константиновки и Покровска. К концу июля окончательно были взяты под контроль Торецк с окрестностями и Часов Яр²⁵. Особое внимание уделялось району Славянска и Краматорска — оставшейся под контролем Украины территории Донецкой народной республики, по которой, в частности, проходит канал «Северский Донец — Донбасс», питающий водой весь остальной регион²⁶.

Нехватка в ВСУ пехоты для занятия даже имеющихся полевых укреплений начала приводить к тактическим казусам, вызывавшим панику. 11 августа российские мобильные группы совершили глубокий прорыв в районе северо-восточнее Доброполя²⁷, на короткое время поставив вопрос о целостности украинских коммуникаций в Славянск-Краматорском оборонительном районе в случае продолжения продвижения. Однако успех оперативного развития не получил. Подобного рода эпизоды хорошо характеризуют боевые действия малых сил в разреженных боевых порядках, причиной чему служит общая нехватка личного состава для проведения масштабных наступлений и активное использование разведывательных и ударных беспилотников, превраща-

25 Путин: российские войска освободили Часов Яр несколько дней назад // ТАСС, 01.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24687833>.

26 Пушилин назвал взятие Славянска ключом к водоснабжению ДНР // Ведомости, 17.05.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/strana/new_regions/news/2025/05/17/1110754-pushilin-nazval-vzyatie.

27 ТАСС: ВС РФ перерезали дорогу между Красноармейском и Доброполем // ТАСС, 12.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24760595>.

ющих линию фронта в широкую и неплотно занятую войсками полосу, хорошо просматриваемую и простреливаемую.

На конец октября 2025 г. российские войска планомерно изолировали позиции ВСУ в районе Покровска — Мирнограда, продолжая охватывать фланги группировок, обороняющихся под Константиновкой и Купянском.

Гуманитарные вопросы

Россия придает большое значение гуманитарным контактам с Украиной, связанным с обменом пленными и телами погибших. Как заметил в связи с этим президент Путин, «гуманитарная составляющая имеет значение, потому что это создает условие для... субстантивного обсуждения сути проблемы»²⁸.

Эти обмены велись в течение года с разной интенсивностью. Первый состоялся 15 января, были переданы по 25 человек с каждой стороны²⁹. Сразу после этого, 5 февраля, прошел более масштабный обмен пленными — по 150 человек³⁰. В день объявления пасхального перемирия (19 апреля) Украина передала России 261 человека, Россия Украине — 277³¹. Обмен пленными шел при посредничестве ОАЭ.

16 мая на переговорах российской и украинской делегаций в Стамбуле была достигнута договоренность об обмене пленными по формуле «1000 x 1000», который и прошел в три этапа с 23 по

28 Путин заявил о важности гуманитарных обменов пленными с Украиной для переговоров // Интерфакс, 27.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1033426>.

29 Россия и Украина провели обмен пленными в формате 25 на 25 // Интерфакс, 15.01.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1003052>.

30 Россия и Украина провели обмен пленными в формате 150 на 150 // Интерфакс, 05.02.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1006475>.

31 Россия и Украина провели обмен пленными // ТАСС, 19.04.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/23729055>.

25 мая³². 2 июня в Стамбуле были достигнуты новые договоренности, во исполнение которых в течение июня-июля прошел цикл как минимум из восьми обменов³³; всего было обменены около 1200 человек с обеих сторон.

В августе обмены пленными продолжились. 14 августа прошел обмен по схеме «84х84»³⁴, а 24 августа — «146х146»³⁵. Последний обмен включал также несколько граждан России и Украины, попавших в места заключения до 2022 г.

Также шли обмены телами погибших. 28 марта Россия передала Украине 909 тел, получив 43³⁶. 18 апреля состоялся второй этап обмена: еще 909 тел передано Украине, в Россию возвращено 41 тело³⁷. 19 августа Россия передала Украине 1000 тел, Украина вернула 19³⁸. Обмены продолжались всю осень.

-
- 32 Как проходил обмен пленными между Россией и Украиной по формуле «1000 на 1000» // Коммерсантъ, 25.05.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753491>.
- 33 Россия и Украина провели очередной обмен пленными // Интерфакс, 26.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1033236>.
- 34 Россия и Украина провели обмен пленными по формуле 84 на 84 // Интерфакс, 14.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1042228>.
- 35 Россия и Украина провели обмен пленными // ТАСС, 24.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24860715>.
- 36 Россия вернула тела 43 погибших военных // РБК, 28.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2025/67e6a3499a7947ef199229c3>.
- 37 Россия и Украина обменялись телами погибших военных // РБК, 18.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/04/2025/680231a59a79479a6ffc7585>.
- 38 Мединский: Россия передала Украине 1 тыс. тел погибших военнослужащих // ТАСС, 19.08.2025. URL: <https://tass.ru/politika/24821205>.

Российско-американские контакты

Начиная с февраля 2022 г. российско-американские связи по линии официального обсуждения Украинского кризиса, по сути, оборвались. Взятый администрацией Дж. Байдена курс на «стратегическое поражение» России, облаченный в риторику о том, что Москва должна «заплатить за всё», быстро создал патовую ситуацию для самой американской дипломатии. Ставка на громкий успех украинского контрнаступления лета 2023 г. провалилась, а за этим сорвался и расчет на односторонний диктат условий. В результате команда Байдена оказалась заложницей неудачи той высокорисковой игры, которую она заказала, не имея для этого сильных карт.

Оттолкнувшись от этого «дипломатического нуля», Д. Трамп с момента прихода в Белый дом посчитал возможным легко разрешить Украинский кризис. Президент явно пребывал в плену иллюзий, что проблема лишь в том, что команда Байдена вела плохую дипломатию с русскими, и теперь достаточно лишь активизировать контакты, после чего ситуация немедленно разрешится.

Этим настроением были пронизаны многочисленные заявления Трампа и первые контакты представителей новой администрации с Москвой. 12 февраля Трамп проводит телефонные переговоры с Путиным, заявляет о том, что они прошли «фантастически» и война вот-вот закончится прекращением огня. За день до того, 11 февраля, Москву посетил доверенное лицо Трампа — посланник Стив Уиткофф — формально для организации обмена заключенными между Россией и США, но по сообщению многочисленных источников — в т. ч. и для подготовки расширения контактов. 27 февраля в Стамбуле прошли первые технические консультации двух стран на уровне министерств иностранных дел для решения накопившихся разногласий.

18 марта проходит третий телефонный разговор двух лидеров. 18 и 24 марта в Эр-Рияде проведены предварительные контакты между американской и российской сторонами по украинскому вопросу. Результаты встреч носили ограниченный

характер, особенно на фоне завышенных ожиданий, которые активно инспирировал в медиапространстве президент Трамп. В итоге удалось достичь договоренности по безопасности судоходства в Черном море, а также деэскалации ударов по энергетической инфраструктуре³⁹.

3 апреля состоялся визит директора Российского фонда прямых инвестиций Кирилла Дмитриева (участника эр-рядских контактов) в США, а 11 апреля в Санкт-Петербурге состоялась встреча Стива Уиткоффа с Владимиром Путиным. 25 апреля в Москве Уиткофф вновь общался с Путиным, а также с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и помощником президента Юрием Ушаковым.

В ходе этих встреч был заложен фундамент для проведения упоминавшихся выше российско-украинских переговоров 16 мая в Стамбуле — первых с 2022 г. Основным результатом стало решение гуманитарных вопросов. Стороны также обменялись условиями прекращения огня на фронте, после чего контакты прервались. Насколько можно судить, обе стороны остались совершенно не удовлетворены тем, что они получили от своих визави в качестве стартовых условий для такого перемирия. Второй раунд переговоров прошел там же 2 июня.

В мае-июне, когда стал понятен масштаб тупика на российско-украинском треке, прошла новая волна контактов России и США — три телефонных разговора между Путиным и Трампом (19 мая, 4 и 14 июня). После этого, в начале июля, состоялась встреча Сергея Лаврова с главой Госдепа Марко Рубио в Куала-Лумпуре (Малайзия).

Результатом этой подготовительной работы стал Аляскинский саммит 15 августа — визит Владимира Путина в Анкоридж (Аляска, США). Несмотря на то, что встреча закончилась без подписания итогового документа и без комментариев сторон по существу достигнутых договоренностей, сразу после него

39 О чем Россия, Украина и США договорились в Эр-Рияде. Главное // Коммерсантъ, 25.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604660>.

резко поменялась риторика американских властей. Трамп отбросил идею немедленного прекращения огня на Украине и вместо этого заговорил о переходе сразу к всеобъемлющему мирному урегулированию.

После Аляскинского саммита набранные темпы переговорного процесса вновь упали, однако в конце октября удалось договориться о возможном проведении второй личной встречи президентов США и России в Венгрии⁴⁰. Встрече должна была предшествовать интенсивная работа обоих внешнеполитических ведомств по подготовке повестки нового саммита⁴¹. Но по итогам контактов глав дипломатических ведомств обеих стран, хоть и названных «продуктивными», встреча была отложена, однако не отменена. С американской стороны причиной называлось нежелание России пойти на немедленное прекращение огня⁴². Российская сторона в начале ноября 2025 г. заявила, что идет активное «наполнение конкретики тех рамок, которые были сформулированы президентами во время встречи в Анкоридже», однако на данный момент условия для проведения встречи еще не сложились⁴³.

40 Комментарий помощника Президента России Юрия Ушакова по итогам телефонного разговора Владимира Путина с Президентом США Дональдом Трампом // Официальный сайт президента России, 16.10.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78237>.

41 Bergengruen V., Linskey A. Trump Bets Personal Diplomacy Will Break Ukraine War Logjam // The Wall Street Journal, 17.10.2025. URL: <https://www.wsj.com/world/trump-bets-personal-diplomacy-will-break-ukraine-war-logjam-9e942b59>.

42 Putin-Trump Summit on Hold After Russia Rejects Ceasefire // Reuters, 22.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/european-leaders-issue-statement-backing-trumps-ukraine-ceasefire-position-2025-10-21/>.

43 МИД РФ: пока нет условий для встречи Трампа и Путина // Коммерсантъ, 05.11.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180179>.

В целом российская стратегия в кампании 2025 г. оставалась прежней: планомерное наращивание силового давления для постепенного создания на Украине и в странах Запада ощущения бесперспективности текущей политики, нацеленной на «стратегическое поражение России». Такая стратегия имеет конечной целью полный развал ВСУ и массовое дезертирство с фронта с последующим политическим хаосом в Киеве, что создаст максимально выгодные для России условия для переговоров о мирном соглашении.

Украина также придерживалась своей прежней стратегии: горизонтальная эскалация конфликта в глубину территории России в надежде спровоцировать внутривнутриполитические и экономические проблемы в стране, а также сформировать максимально выгодные Киеву стартовые условия для возможных мирных переговоров.

Украинская операция «Паутина», однако, вышла за пределы этого понятного сценария. Самолеты Дальней авиации имеют двойное назначение. С одной стороны, это носители высокоточного оружия большой дальности в обычном оснащении, что позволяло активно применять их в ходе боевых действий с первых дней Украинского конфликта. Многие наблюдатели с украинской стороны поспешили придать этому форму финального обоснования операции: раз Россия применяет тяжелые бомбардировщики в кампании, значит это законная цель для украинских ударов.

Однако, с другой стороны, эти же тяжелые бомбардировщики являются носителями ядерного оружия. Атака на них, как и осуществлявшиеся еще с декабря 2022 г. неоднократные нападения на авиабазу Энгельс (Саратовская область)⁴⁴, зримо показывает проблему «переплетения» ядерных и неядерных факторов

44 Военные РФ заявили о перехвате беспилотников при попытке атаки аэродромов под Рязанью и Саратовом // Интерфакс, 05.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/875473>.

стратегической стабильности в условиях современных вооруженных конфликтов. Авантюрное стремление добиться сиюминутного успеха несет в себе существенные риски ядерной эскалации. Вопрос много лет обсуждался в международном экспертном сообществе, и на данном этапе стало очевидным, что происходящее разрушение «ядерно-конвенционального барьера» должно стать предметом самых серьезных дискуссий на первом и втором треках, посвященных поддержанию стратегической стабильности.

Относительный успех первых тактов восстановления российско-американских контактов показал, с одной стороны, всю сложность украинской проблематики. Невозможно расшить одним кавалерийским наскоком туго сплетенный клубок взаимных противоречий, объективных угроз безопасности, субъективных озабоченностей — тем более, что перечень действующих лиц включает и основные европейские державы. Эволюция позиции администрации Трампа, вошедшей было в процесс с идеями быстрого окончания вооруженного противостояния, показывает, что этот факт начинает публично осознаваться. Однако переговорный процесс по-прежнему неустойчив и весьма подвержен колебаниям из-за субъективных факторов и беспрецедентной непоследовательности, которую американская сторона привносит в контакты с Россией.

С другой стороны, эти же контакты показали, насколько несложно восстановить саму инфраструктуру диалога, пребывавшую в забвении с первых дней боевых действий 2022 г., а также начать вырабатывать практические варианты пакетного размена уступок и формировать наброски будущего мира, который надлежит установить в Европе по итогам завершения военной фазы Украинского кризиса. Путь к окончательному урегулированию в виде новой архитектуры безопасности в Европе не будет легким, однако положенное в 2025 г. начало предметного обсуждения его будущих контуров все же вселяет осторожный оптимизм.

Европейская безопасность: эффект Трампа

АНДРЕЙ ЗАГОРСКИЙ
СЕРГЕЙ ОЗНОБИЩЕВ

Возвращение Дональда Трампа в Белый дом повлияло на ситуацию в Европе. Д. Трамп изменил политику США в отношении украинского кризиса, сделал ставку на прекращение военных действий и урегулирование конфликта. США отошли от жесткой антироссийской риторики, хотя периодически и возвращались к языку ультиматумов. Одновременно Вашингтон побуждал Киев пойти на уступки, угрожая прекращением и временно приостанавливая оказание ему военной помощи. Эти изменения в политике США нарушили сформировавшийся в 2022–2024 гг. консенсус западных стран, что проявилось при согласовании общей позиции в отношении России в июне 2025 г. на саммитах «Группы семи» в Кананаскисе (Канада) и НАТО в Гааге (Нидерланды) и в голосовании в Генеральной Ассамблее ООН. Политика Вашингтона способствовала возобновлению контактов и диалога между Россией и США, включая личную встречу президентов В. Путина и Д. Трампа в августе, а также возобновлению прерванных в апреле 2022 г. по инициативе Киева прямых переговоров представителей России и Украины.

Возвращение Трампа в Белый дом предсказуемо усилило сомнения европейских стран в надежности американских гарантий безопасности. Европейские члены НАТО оказались перед выбором между попытками договориться с США, идя на уступки, и перспективой полагаться на собственные силы¹. Июньский саммит альянса в 2025 г. оформил компромисс: европейские страны согласились существенно повысить свои оборонные расходы и взять на себя бремя поддержки Украины в обмен на подтверждение приверженности Вашингтона обязательствам в рамках НАТО.

Однако неопределенность в трансатлантических отношениях не исчезла на фоне продолжающегося разворота американской политики в направлении Азиатско-Тихоокеанского (Индо-Тихоо-

1 Horowitz L. U.S. Extended Nuclear Deterrence in Europe: Three Scenarios. SWP Comment No. 32. // Stiftung Wissenschaft und Politik, 2025. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2025C32_usa_nuclear_deterrence_europe.pdf.

кеанского в американской терминологии) региона. В европейских странах утвердилось понимание необходимости снизить зависимость от США в сфере безопасности и обороны². Активизировалась дискуссия о «европеизации» НАТО и формировании собственного (европейского) потенциала «сдерживания России». Все более заметную роль в стимулировании гонки вооружений на континенте стал играть Европейский союз (ЕС), не претендуя при этом на то, чтобы сформировать альтернативную НАТО организацию коллективной обороны.

Переговоры по урегулированию украинского кризиса

16 мая, 2 июня и 23 июля 2025 г. в Стамбуле (Турция) прошли три раунда переговоров России и Украины. Их основным результатом стали договоренности об обмене пленными и передаче тел погибших солдат и офицеров. На первой встрече стороны договорились подготовить предложения по урегулированию конфликта. Соответствующие меморандумы были представлены на встрече 2 июня³, однако в силу противоположных подходов сторон летом 2025 г. они предметно не обсуждались.

Украинская сторона исходила из того, что обсуждению содержательных вопросов урегулирования должно предшествовать прекращение огня минимум на 30 дней с возможным продлением без каких-либо условий. Содержательные вопросы урегулирова-

2 Von Ondarza N. Contours of an EU Partnership and Alliance Strategy. SWP Comment No. 9. P. 1 // Stiftung Wissenschaft und Politik, 2025. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2025C29_EU_alliance_strategy.pdf.

3 Опубликовано полный текст российского меморандума по Украине // Коммерсантъ, 02.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7774862>; Ukrainian Proposals for June 2 Talks with Russia in Istanbul // Reuters, 01.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/ukrainian-proposals-june-2-talks-with-russia-istanbul-2025-06-01/>.

ния, включая постоянное прекращение огня, гарантии безопасности и невозобновления военных действий, территориальные и финансовые вопросы предлагалось рассмотреть на встрече глав государств России и Украины с участием президента США, а также, возможно, лидеров Турции и европейских стран.

Российская сторона предлагала начать с согласования Договора об окончательном урегулировании, включая международно-правовое признание вхождения в состав России Крыма, Луганской и Донецкой народных республик (ЛНР и ДНР), Запорожской и Херсонской областей; отказ Украины от вступления в военные союзы и коалиции, запрет любой военной деятельности третьих государств и размещения иностранных вооруженных формирований, военных баз и военной инфраструктуры на ее территории; установление предельной численности для воинских формирований Украины, количества вооружений и военной техники; обеспечение прав, свобод и интересов русского и русскоязычного населения; придание русскому языку статуса официального; законодательный запрет героизации и пропаганды нацизма и неонацизма, роспуск националистических организаций и партий; снятие всех действующих и отказ от введения новых экономических санкций, запретов и ограничительных мер между Россией и Украиной; отказ от взаимных претензий в связи с нанесенным в ходе боевых действий ущербом.

Москва неоднократно предлагала краткосрочное приостановление боевых действий, но оговаривала долгосрочное прекращение огня рядом условий: начало полного вывода военных формирований Украины с территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей и его завершение в течение 30-дневного прекращения огня; прекращение мобилизации и начало демобилизации вооруженных сил; прекращение зарубежных военных поставок и оказания иной иностранной военной помощи Украине, включая оказание услуг спутниковой связи и предоставление разведданных; объявление даты проведения президентских и парламентских выборов. Договор об окончательном урегулировании конфликта был бы подписан после формирования новых органов власти Украины.

В ходе третьего раунда переговоров Москва предложила создать рабочие группы по политическим, гуманитарным и военным вопросам, которые продолжили бы обсуждение этих вопросов в режиме онлайн⁴. Киев не проявил интереса к данной инициативе.

В августе 2025 г. урегулирование украинского кризиса стало предметом обсуждения на встрече президентов Путина и Трампа на Аляске.

Саммит НАТО

Прошедший 24–25 июня 2025 г. в Гааге саммит НАТО должен был внести ясность в то, в каком направлении будут развиваться трансатлантические отношения при Трампе с учетом его политики, направленной на сокращение вовлеченности США в обеспечение безопасности и обороны Европы, и требований нарастить оборонные расходы европейских стран с двух до пяти процентов от валового внутреннего продукта (ВВП).

В публичном пространстве внимание было приковано к тем мерам, которые были предприняты в ходе подготовки саммита для минимизации влияния «фактора Трампа» на судьбу альянса. До последнего момента не было ясности относительно сроков пребывания президента США в Гааге. Чтобы исключить повторение ситуации, возникшей на саммите «Группы семи» в Каннах, который Трамп покинул досрочно, рабочую программу в Гааге предельно сократили⁵. Итоговая декларация оказалась беспрецедентно краткой. В ней было всего пять пунктов, вклю-

4 О чем Россия и Украина договорились на новых переговорах в Стамбуле // РБК, 23.07.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2025/6880ef349a794728b4722f6d>.

5 FT: рабочая программа саммита НАТО сокращена до одного заседания из-за Трампа // ТАСС, 19.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24281769>.

чая выражение признательности правительству Нидерландов за оказанное гостеприимство. Для сравнения, в Декларации Вашингтонского саммита (2024 г.) было 38 пунктов, а в Заявлении по итогам встречи в верхах в Вильнюсе (2023 г.) — 90. Европейцы явно стремились договориться с новым президентом США о параметрах будущего сотрудничества в рамках НАТО, не останавливаясь, как констатирует журнал *Politico*, перед «раболопием» и «выходившим за разумные рамки подхалимством»⁶.

Характерными чертами саммита стали более сдержанная проукраинская риторика и критика в адрес России. Вопрос о перспективах вступления Украины в альянс не обсуждался. Однако в принятой декларации говорится, что фундаментальными угрозами и вызовами для евроатлантической безопасности являются «долгосрочная угроза, исходящая от России», а также постоянная угроза терроризма. В ней также подтверждены «неизменные суверенные обязательства» стран НАТО по поддержке Украины⁷. Новый генеральный секретарь альянса, как и его предшественник, подтвердил, что «НАТО не является стороной конфликта». Однако очевидное для Москвы косвенное участие альянса в конфликте им все-таки было признано, хотя бы в виде того, что НАТО «координирует учебную подготовку и поставки военной техники, поступающей на Украину»⁸.

6 Politico сообщила о критике «подхалимства» и «раболопия» перед Трампом // РБК, 26.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/06/2025/685c95ae9a794711064a6869>; NATO Chief Calls Trump “Daddy” // Politico, 25.06.2025. URL: <https://www.politico.com/news/2025/06/25/nato-chief-calls-trump-daddy-00423485>.

7 Декларация Гаагского саммита, принята главами государств и правительств стран НАТО, участвовавшими в заседании Североатлантического совета в Гааге 25 июня 2025 года // NATO, 25.06.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm?selectedLocale=ru. «Суверенные» обязательства надо понимать как индивидуальные, а не коллективные обязательства членов альянса.

8 Speech by NATO Secretary General Mark Rutte Followed by a Q&A at the Comenius University, in Bratislava // NATO, 20.02.2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_233223.htm?selectedLocale=en.

Гаагский саммит решил стоявшую перед ним главную политическую задачу. Зафиксированный им компромисс предполагает согласие европейских стран на перераспределение бремени в рамках альянса и существенное повышение их военных расходов в обмен на подтверждение приверженности США коллективной обороне.

С одной стороны, страны НАТО обязались к 2035 г. ежегодно тратить 5% ВВП на основные оборонные потребности, включая расходы, связанные с обороной и безопасностью. Члены альянса будут ежегодно выделять не менее 3,5% ВВП для покрытия основных оборонных потребностей и достижения целевых показателей НАТО в области потенциала (эти расходы включаются в их оборонные бюджеты). Они также обязались ежегодно выделять до 1,5% ВВП на защиту критически важной инфраструктуры, сетей, обеспечение гражданской готовности и устойчивости, стимулирование инноваций и укрепление оборонно-промышленной базы (эти расходы не включаются в их оборонные бюджеты)⁹.

С другой стороны, в первом пункте декларации подтверждается приверженность членов альянса (включая США) коллективной обороне, закрепленная в статье 5 Вашингтонского договора, которая гласит, что нападение на одного является нападением на всех¹⁰. После саммита Трамп поставил под сомнение понимание данного пункта декларации как предоставление европейским странам безусловных американских гарантий безопасности. Представители Белого дома разъясняли: президент «хотел сказать», что пятая статья «не содержит жестко прописанных обязательств применения силы при нападении на одну из стран альянса, и вопрос использования вооруженных сил является открытым»¹¹.

9 Декларация Гаагского саммита. Указ. соч.

10 Там же.

11 Politico: Трамп словами о статье 5 НАТО хотел сказать об отсутствии жестких обязательств // ТАСС, 25.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-paporama/24348339>. Такая интерпретация статьи 5, в принципе, корректна: для ее задействования необходимо принятие Советом НАТО решения консенсусом.

За кадром публичного обсуждения итогов саммита осталось *его главное военно-политическое решение*. На встрече в верхах был завершен начатый после принятия в 2022 г. новой стратегической концепции цикл оборонного планирования альянса. После одобрения в 2023 г. новых планов обороны началась работа по определению «минимально необходимых» сил и средств для их реализации. В Гааге были утверждены согласованные 5 июня министрами обороны стран НАТО целевые показатели в области потенциала, распределенные между государствами-членами¹².

В открытых источниках сообщается, что целевые показатели военного потенциала альянса могут быть увеличены примерно на 30%¹³. В направленном весной 2024 г. членам альянса документе военного командования НАТО «Минимальные требования к боееспособности» речь шла об увеличении количества боевых групп бригадного уровня с 82 до 131. Особый акцент делался на наращивании потенциала противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО-ПРО), высокоточного оружия большой дальности, производства боеприпасов, на логистику и транспорт. Количество подразделений ПВО-ПРО предлагалось увеличить с 293 до 1467¹⁴. В ноябре 2024 г. еврокомиссар по вопросам обороны и космоса А. Кубилюс также говорил о необходимости дополнительно сформировать

12 NATO Defence Ministers Agree on New Capability Targets // Government Offices of Sweden, 05.06.2025. URL: <https://www.government.se/press-releases/2025/06/nato-defence-ministers-agree-on-new-capability-targets/>. Тогда же было согласовано решение о повышении оборонных расходов европейских стран до 5% от ВВП.

13 Ruitenbergh R. NATO to Ask Allies for 30% Capability Boost, Top Commander Says // Defense News, 14.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/03/14/nato-to-ask-allies-for-30-capability-boost-top-commander-says/>.

14 Von Junghorst T. NATO Fordert 49 Weitere Kampftruppen-Brigaden // Die Welt, 06.10.2024. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article253847236/Absicherung-gegen-Russland-Nato-fordert-49-weitere-Kampftruppen-Brigaden.html>.

49 европейских бригад¹⁵. Накануне заседания министров обороны в июне 2025 г. информационное агентство *Reuters* сообщало, что количество бригад, которые должны будут развернуть союзники по НАТО в Европе, предполагается увеличить с 80 до 120–130¹⁶.

Имеющейся в открытом доступе информации недостаточно для качественной оценки решения НАТО о наращивании потенциала. У нас нет сведений о том, какие бригады и когда планируется сформировать, какой у них будет уровень готовности в соответствии с новой Моделью сил НАТО. Цели по наращиванию потенциала дифференцированы по срокам. Краткосрочные цели рассчитаны на ближайшие 6 лет, а среднесрочные — на период от 7 до 19 лет¹⁷. Остается открытым вопрос о том, в какой степени европейские страны альянса к 2030 г. действительно выполнят сформулированные сегодня цели. Исторически они никогда не достигали согласованных целей и сейчас отстают от планов по наращиванию потенциала, одобренных в 2021 г.¹⁸

Неопределенность относительно распределения утвержденных в 2025 г. целевых показателей остается. Она связана с перспективой сокращения сил и средств США в Европе. Сейчас на континенте на постоянной основе размещены 85 тыс. американских военнослужащих, в т.ч. 20 тыс. на ротационной основе на восточном фланге альянса¹⁹. В открытых источниках сообща-

15 Hearing of Andrius Kubilius, Commissioner-Designate (Defence and Space). P. 19 // European Union, 06.11.2024. URL: https://hearings.elections.europa.eu/documents/kubilius/kubilius_verbatimreporthearing-original.pdf.

16 Siebold S. NATO to Ask Berlin for Seven More Brigades Under New Targets, Sources Say // Reuters, 28.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/nato-ask-berlin-seven-more-brigades-under-new-targets-sources-say-2025-05-28/>.

17 NATO Defence Ministers agree... Op. cit.

18 Ruitenberg. Op. cit.

19 U.S. to Withdraw Some Troops from Europe's Eastern Flank, Romania Says // FRANCE 24, 29.20.2025. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20251029-romania-says-us-will-cut-some-troops-in-europe>.

ется о планах их сокращения²⁰, параметры которого определятся не раньше начала 2026 г. после завершения Пентагоном обзора размещения американских сил за рубежом²¹. Но уже в октябре 2025 г., не дожидаясь завершения обзора, в США было принято решение о сокращении численности американских войск, размещенных в 2022 г. сначала в Румынии, а затем в Болгарии, Венгрии и Словакии²². При этом подчеркивается, что речь не идет ни о масштабном выводе американских войск из Европы, ни об отказе от обязательств по коллективной обороне в рамках НАТО²³. Тем не менее, в результате ожидаемого сокращения военного присутствия США европейским странам придется взять на себя дополнительные обязательства в рамках гаагских целевых показателей²⁴.

-
- 20 Vandiver J. Trump Aims to Cut U.S. Force in Europe by 20,000, Compel Subsidies From Allies, Italian Report Says // Stars and Stripes, 24.01.2025. URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2025-01-24/trump-europe-troop-cuts-16590074.html>.
- 21 Cook L., McGrath S. The U.S. Draws Down Some Troops on NATO's Eastern Flank // Defense News, 29.10.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/10/29/the-us-draws-down-some-troops-on-natos-eastern-flank/>.
- 22 Сокращение числа военных США на востоке НАТО не повлияет на оборонные планы ЕС // Интерфакс, 29.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1055457>.
- 23 Timu A., Valero J., Drozdiak N. U.S. Withdraws Some Troops from Europe But Denies Broader Pullback // Bloomberg, 29.10.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-29/romania-says-us-told-allies-it-will-reduce-troops-in-east-europe>.
- 24 Robertson N. NATO Wants a 'Focused' Summit Amid Wars in Iran and Ukraine // Defense News, 25.06.2025. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2025/06/24/nato-wants-a-focused-summit-amid-wars-in-iran-and-ukraine/>; Spatafora G. No Surprises? Preparing for the U.S. Defence Strategy and Posture Review // EU Institute for Security Studies, 24.07.2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/commentary/no-surprises-preparing-us-defence-strategy-and-posture-review>.

В 2025 г. дискуссии о судьбе альянса практически никак не сказались на его деятельности. НАТО продолжает амбициозную программу военных учений²⁵. США не сократили свое участие в них²⁶. Страны альянса не торопятся выполнить решение 2022 г. о наращивании до бригадного уровня военного присутствия на восточном фланге. Только Канада и Германия планируют завершить формирование многонациональных бригад — соответственно, в Латвии в 2026 г. и в Литве в 2027 г. Остальные «опорные» государства ограничились отработкой оперативного усиления многонациональных батальонов до уровня бригады. Швеция приняла на себя роль «опорного» государства девятой многонациональной боевой группы на юге Финляндии²⁷.

Оценивая утвержденные в 2025 г. цели наращивания военного потенциала НАТО, важно отметить, что по своим масштабам они не только не идут в сравнение с потенциалом альянса времен «холодной войны», но и остаются значительно ниже тех уровней, которые были установлены для них в 1999 г. так и не вступившим в силу Соглашением об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (АДОВСЕ). Только Польша к 2030 г. может превысить потолок численности личного состава ее вооруженных сил, хотя вооружений и техники у нее по-прежнему значительно меньше, чем предусмотрено АДОВСЕ²⁸.

Гаагские договоренности о перераспределении бремени в рамках НАТО между США и европейскими странами ставят

25 NATO Exercises 2025: The Complete Guide to Allied Readiness // Großwald, 05.05.2025. URL: <https://www.grosswald.org/nato-exercises-2025/>.

26 Vandiver J. U.S. Forces Continuing to Join NATO Exercises, Officials Say Following Reports of Exit // Stars and Stripes, 10.03.2025. URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2025-03-10/nato-exercises-us-europe-17094572.html>.

27 Военное присутствие НАТО на востоке Североатлантического союза // НАТО, 06.06.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm?selectedLocale=ru

28 См.: *Western Military Capability in Northern Europe 2023. Part I: National Capabilities* / B. Ottosson, K. Pallin (eds). Stockholm: FOI, 2024. P. 126.

новые вопросы. В перспективе речь может пойти о более глубоко реформировании альянса, его «европеизации», включая укрепление европейского компонента в структуре сил НАТО, перераспределение ключевых постов в его военных и гражданских структурах, и в т. ч. о возможном назначении европейца на пост Верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами в Европе²⁹.

Сомнения в Европе относительно прочности гаагского компромисса сохраняются³⁰. По этой причине тема независимой от США обороноспособности европейских стран остается предметом обсуждений. Одной из ее составляющих является достигнутая Великобританией и Францией в июле 2025 г. договоренность о создании совместной группы по координации политики ядерного сдерживания³¹. Но европейцы стараются избежать необходимости формирования альтернативного НАТО оборонного альянса и стремятся сохранить военно-политическую связку с США.

Военные поставки Украине

Ввиду различий в подходах администрации Трампа и европейских стран в отношении украинского кризиса оказание ими военной и иной помощи Киеву претерпело в 2025 г. существенные изменения. Европейским странам придется взять на себя большее бремя этой помощи, поскольку США взяли курс на ее сокращение, если не прекращение.

29 Spatafora G. Fit for Purpose? Reforming NATO in the Age of Trump 2.0. EU ISS Brief No. 13. P. 4 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/2025-06/Brief_2025_13_NATO%20and%20European%20defence.pdf.

30 Spatafora. No Surprises?... Op. cit.

31 Northwood Declaration: 10 July 2025 (UK–France Joint Nuclear Statement) // Government of the United Kingdom, 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/northwood-declaration-10-july-2025-uk-france-joint-nuclear-statement>.

С 2022 г. американские военные поставки Украине оцениваются почти в 65 млрд евро. Европейские поставки за тот же период сопоставимы по своим масштабам. Страны ЕС выделили на эти цели 51 млрд, а Великобритания и Норвегия, не являющиеся членами ЕС — 12 млрд евро³². Даже в случае полного прекращения американской помощи Украине ее замещение в финансовом отношении считается приемлемым вызовом. Согласно оценкам, это потребовало бы от европейских стран увеличить финансирование военной помощи Украине на 0,12% ВВП³³.

Более серьезной проблемой стало бы замещение тех поставок, основную часть которых до 2025 г. обеспечивали США, и особенно той номенклатуры, по которой европейские страны не имеют сопоставимых аналогов. Так, в общих поставках Украине ракетно-артиллерийских систем и боеприпасов доля США до 2025 г. составляла 98%, снарядов калибра 152–155 мм и систем противовоздушной обороны (ПВО) большой дальности — 80%. Доля США в поставках других вооружений (боевые бронированные машины, системы ПВО малой и средней дальности, гаубицы, танки) была скромнее, но их замещение потребовало бы существенного наращивания европейскими странами собственного производства. Союзники США также не располагают сопоставимыми с американскими системами космической разведки и наблюдения³⁴.

После короткого периода неопределенности относительно возможности использования для оказания военной помощи Украине не только оставшихся от администрации Байдена, но и выде-

32 Scazzieri L. Plugging the Gap: How Europe Can Keep Ukraine Supplied With the Means to Defend Itself. EU ISS Brief No. 14. P. 1 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/2025-06/Brief_2025_14_Ukraine.pdf.

33 Ibid. P. 1–2.

34 Ibid. P. 2.

ления новых средств³⁵, была согласована новая «сделка»: американские поставки продолжатся, но их будут оплачивать союзники США. На встрече с Трампом в июле 2025 г. Генеральный секретарь НАТО Марк Рютте заявил, что ряд членов альянса (прежде всего Германия, а также Великобритания, Нидерланды, Дания, Канада, Норвегия, Швеция и Финляндия) готовы оплачивать американские военные поставки Украине³⁶. В качестве первого шага обсуждался вопрос о поставках стоящих на вооружении европейских стран комплексов ПВО-ПРО *Patriot* и их замещении закупками этих систем в США³⁷.

Перераспределение ролей в альянсе сказалось и на координации помощи Киеву. В 2025 г. она продолжалась в рамках заседаний контактной группы по координации поставок вооружений Украине в «формате Рамштайн»³⁸. В январе 2025 г. прошло 25-е заседание группы — первое после избрания Трампа. Оно проходило под председательством покидавшего свой пост министра обороны США Л. Остина, который подчеркнул в своем обращении исключительно масштабный вклад Вашингтона в военный потенциал Украины³⁹.

35 CBS: Трамп может выделить дополнительную военную помощь Украине // Коммерсантъ, 12.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7888110>.

36 Remarks by NATO Secretary General Mark Rutte With the President of the United States of America, Donald J. Trump at the White House // NATO, 14.07.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_237051.htm.

37 Мерц заявил о планах добиваться закупок у США систем ПВО *Patriot* для Киева // Интерфакс, 10.07.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1035629>.

38 Этот формат получил свое название по имени американской военной базы вблизи г. Рамштайн (Германия).

39 Сысоев И. Встреча западных союзников Киева в Германии может оказаться последней // Российская газета, 09.01.2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/09/vstrecha-zapadnyh-soiuznikov-kieva-v-formate-ramshtajn-mozhet-okazatsia-poslednej.html>.

Главная цель заседания заключалась в определении стратегических целей и ключевых потребностей Киева как минимум до конца 2027 г. Речь шла в первую очередь о поставках систем ПВО, бронетехники, артиллерии, дронов и военной авиации. Требовал решения вопрос о том, кто оплатит это оружие в случае реализации уже просматривавшегося нового курса Вашингтона на сворачивание финансирования Украины.

Это было последнее заседание контактной группы под председательством США. Ее следующее, 26-е заседание прошло в феврале под председательством министра обороны Великобритании Дж. Хили. При этом инициатива отказаться от американского лидерства в пользу Лондона принадлежала Трампу. На заседании министр обороны США П. Хегсет заявил, что европейские страны должны играть главную роль в предоставлении Украине помощи в сфере безопасности⁴⁰. Характерной чертой снижения «симпатий» руководства США к Киеву стало решение американской стороны не проводить в рамках «Рамштайна» встречу министров обороны США и Украины. При этом Хегсет заявил, что считает вступление Украины в НАТО «нереалистичной перспективой»⁴¹.

27-е заседание в формате «Рамштайн» в апреле 2025 г. продемонстрировало дальнейшее дистанцирование Вашингтона от ведущей роли в планировании и обеспечении европейской безопасности. Накануне заседания Хегсет «прямо и недвусмысленно» заявил, что приоритетом США является «сдерживание войны с Китаем на Тихом океане», поэтому европейские страны должны обеспечивать свою безопасность самостоятельно⁴². Сопредседа-

40 Строкань С. «Рамштайн» меняет припев // Коммерсантъ, 12.02.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498206>.

41 Глава Пентагона: США считают нереалистичным вступление Украины в НАТО // ТАСС, 12.02. 2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23121031>.

42 Союзники Украины на 27-й встрече в формате «Рамштайн» пообещали выделить ВСУ оружия на 21 млрд евро // Телеканал «Красная Линия»,

телями встречи стали представители Великобритании и Германии. Начальники генеральных штабов Франции, Великобритании и Украины обсудили перспективу размещения иностранных войск на Украине, которой был обещан очередной пакет помощи, на этот раз — стоимостью в 27 млрд долл.

Очередной пакет помощи был обещан и на 28-м заседании контактной группы в июне 2025 г. Со стороны Вашингтона продолжали поступать сигналы о растущем снижении внимания США к «украинскому направлению» деятельности НАТО. Министр обороны США демонстративно прибыл не на встречу контактной группы, а на следующий день, 5 июня, для участия во встрече министров обороны НАТО⁴³.

В целом альянс продолжал уделять повышенное внимание поддержке Украины. Рютте объявил о повышении обещанных ранее на 2025 г. объемов помощи до 35 млрд евро⁴⁴.

Европейский союз

В условиях перераспределения бремени расходов на оборону и на военную поддержку Украины в рамках НАТО союзники США реализуют несколько стратегий⁴⁵.

В краткосрочном плане речь идет о наращивании производства оборонной продукции в европейских странах с учетом

11.04.2025. URL: <https://www.rline.tv/news/2025-04-11-soyuzniki-ukrainy-na-27-y-vstreche-v-formate-ramshtayna-poobeshchali-vydelit-vsuzoruzhiya-na-21-mlrd/>.

43 Baldor L. Hegseth Will Skip a Meeting on Organizing Military Aid to Ukraine for a First on the U.S. // Associated Press, 04.06.2025. URL: <https://apnews.com/article/hegseth-ukraine-military-assistance-war-c9f1eead0b95ef6b-c7ab2ba799a272cd>.

44 Рютте: страны ЕС и Канада поставят Киеву в 2025 году оружия на €35 млрд. // ТАСС, 23.06.2025 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24330037>.

45 Scazzieri. Plugging the Gap... Op. cit. P. 3.

их обязательств по наращиванию потенциала альянса, а также об инвестировании в производство вооружений на Украине. Начиная с 2024 г. ряд европейских стран закупает военную технику для Киева непосредственно у украинских производителей, фактически оплачивая ее производство (данный вариант получил название «датской модели», поскольку Копенгаген первым пошел по этому пути). В том же году ЕС направил на поддержку оборонно-промышленного комплекса (ОПК) Украины 1,4 млрд евро.

Военное производство в европейских странах постепенно набирает обороты. Германия планирует нарастить свои оборонные расходы до 3,5% ВВП к 2029 г. В 2025 г. ее оборонный бюджет был увеличен до 95 млрд евро, или 2,4% ВВП. В 2029 г. он должен составить 162 млрд евро. В эти средства включены 9 млрд евро ежегодно на оказание помощи Украине⁴⁶.

Производство 155-мм снарядов в странах ЕС с периода до 2022 г. выросло с приблизительно 300 тыс. до 2 млн в год⁴⁷. Наращивается производство артиллерийских систем. Модернизируются немецкий танк *Leopard 2*, итальянский *Ariete*, французский *Leclerc Evolution*, британский *Challenger*. Немецкая корпорация *Rheinmetall* в 2023 г. открыла завод по производству танков в Венгрии и в сотрудничестве с *Leonardo* планирует начать производство нового танка *KF51 Panther* в Италии, предложив также производить эти танки на Украине. Консорциум в составе *Airbus*, *Dassault* и *Leonardo* планирует начать в 2026 г. производство сред-

46 Höller L. Germany Plans to Double Its Defense Spending Within Five Years // Defense News, 26.06.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/06/26/germany-plans-to-double-its-defense-spending-within-five-years/>; Martinez M. How Will Germany Pay for Rapid Rise in Defence Spending? // Reuters, 24.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/how-will-germany-pay-rapid-rise-defence-spending-2025-06-24/>.

47 Scazzieri L. Rebuilding Europe's Defences: How to Unlock a Coordinated Defence Surge. EU ISS Brief No. 22. P. 1 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/rebuilding-europes-defences-how-unlock-coordinated-defence-surge>.

невисотного БПЛА *Eurodrone* с дальностью полета 2000 км и грузоподъемностью 2 т. Модернизируются системы ПВО-ПРО: немецкая IRIS-T и франко-итальянская SAMP/T NG⁴⁸.

Продолжается закупка европейцами американских вооружений и боеприпасов для пополнения собственных запасов и для Украины, особенно — тех типов вооружений, аналоги которых европейские страны не производят. Налаживается производство американских систем вооружения в Европе. В мае 2025 г. немецкая *Rheinmetall* и американская *Lockheed Martin* подписали меморандум о создании в Германии Центра компетенций с целью производства ракет и ракетной техники, включая тактические баллистические ракеты ATACMS, мобильную реактивную систему залпового огня GMLRS/GMLRS-ER на основе американской HIMARS, ракет PAC-3 для комплекса ПВО-ПРО *Patriot*, противотанковых ракет класса «воздух-земля» *Hellfire* и JAGM. *Rheinmetall* рассчитывает выйти на серийное производство этих ракет после 2027 г.⁴⁹

В долгосрочном плане речь идет об инвестициях в разработку и производство вооружений и стратегических средств, по которым европейские страны сегодня критически зависят от США, прежде всего — современных систем управления войсками, космических средств разведки и связи, средств стратегической ПВО-ПРО, высокоточного оружия большой дальности, средств обнаружения и поражения систем ПВО противника, военно-транспортной ави-

48 См.: Гриняев С.М. «Готовность 2030». Планы и возможности Брюсселя по милитаризации Европы. Аналитическая записка Института Европы РАН (Выпуск II). 2025. № 11 (379) // Институт Европы РАН, 2025. URL: <https://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2025/an379.pdf>; Ruitenbergh R. KNDS, Rheinmetall, Thales Move Ahead on Next-Generation Tank Project // Defense News, 24.01.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/01/24/knds-rheinmetall-thales-move-ahead-on-next-generation-tank-project/>

49 Rheinmetall and Lockheed Martin to Establish European Production Hub for ATACMS and PAC-3 Missiles // Defence Industry Europe, 18.05.2025. URL: <https://defence-industry.eu/rheinmetall-and-lockheed-martin-to-establish-european-production-hub-for-atacms-and-pac-3-missiles/>.

ации большой дальности, средств дозаправки в воздухе, тяжелых вертолетов. По оценкам экспертов, соответствующие разработки могут занять от пяти до десяти лет⁵⁰.

Одновременно осуществляются разработки боевого танка нового поколения и истребителей пятого и шестого поколений. В январе 2025 г. франко-германская KNDS, *Rheinmetall* и французская *Thales* подписали соглашение о разработке основного боевого танка нового поколения (MGCS), который в 2035–2040 гг. должен будет заменить танки *Leopard 2* и *Leclerc* в вооруженных силах Германии и Франции⁵¹. С 2018 г. франко-германо-испанский консорциум работает над созданием истребителя шестого поколения — «перспективной авиационной боевой системы» (*Future Combat Air System*, FCAS)⁵². Из-за возникших в 2025 г. разногласий между французским (*Dassault*) и немецким (*Airbus*) участниками проекта сроки его завершения, скорее всего, сдвинуты ближе к 2050 г.

Вопросы оборонной политики относятся к сфере исключительной компетенции членов Евросоюза, они не готовы делегировать Брюсселю свои полномочия. Однако в последние годы ЕС играет все более заметную роль в возрождении европейского ОПК, стимулируя совместную разработку, производство и закуп-

50 Wolff G., Steinbach A., Zettelmeyer J. The Governance and Funding of European Rearmament. Bruegel Policy Brief. 2025. No. 15. P. 3–5 // Bruegel, May 2025. URL: https://www.bruegel.org/sites/default/files/2025-05/PB%2015%202025_0.pdf; Spatafora G. Turning Money Into Action: What Next Steps for European Defence? // EU Institute for Security Studies, 11.03.2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/commentary/turning-money-action-what-next-steps-european-defence>; Ruitenbergh R. Mind the Gaps: Europe's To-Do List for Defense Without the U.S. // Defense News, 25.02.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/02/25/mind-the-gaps-europes-to-do-list-for-defense-without-the-us/>.

51 Ruitenbergh. KNDS, Rheinmetall, Thales Move Ahead... Op. cit.

52 Гриняев. Указ. соч.; Future Combat Air System (FCAS): Shaping the Future of Air Power // Airbus, [n.d.]. URL: <https://www.airbus.com/en/products-services/defence/future-combat-air-system-fcas>.

ки вооружений и боеприпасов его членами. Цель, которую преследует Евросоюз, заключается в постепенном формировании единого рынка и повышении доли произведенной его членами конечной продукции оборонного назначения в их закупках.

В 2017 г. ЕС были учреждены программа Постоянного структурированного сотрудничества (*Permanent Structured Cooperation*, PESCO) и Оборонный фонд (*Defense Fund*), софинансировавший проекты в рамках программы. В 2023 г. был принят Акт о поддержке европейской оборонной промышленности через совместные закупки, а в 2024 г. — инициирована Европейская оборонно-промышленная стратегия. Кредитование совместного производства продукции двойного назначения осуществлялось Европейским инвестиционным банком. Однако масштабы этих программ считались относительно незначительными⁵³.

6 марта 2025 г. на внеочередном саммите Евросоюза был одобрен амбициозный план «Перевооружить Европу» (*ReArm Europe*), а 19 марта ЕС представил «Белую книгу о европейской обороне—Готовность 2030», в которой определены ключевые направления оборонной политики Евросоюза до 2030 г.: противовоздушная и противоракетная оборона; артиллерийские системы; боеприпасы и ракеты (пополнение запасов не менее чем на 2 млн крупнокалиберных снарядов в год); беспилотные системы и системы противодействия дронам; военная мобильность; развитие технологий искусственного интеллекта, квантовых и кибер-технологий; стратегические средства и защита критической инфраструктуры⁵⁴.

53 Von Ondarza. Op. cit. P. 2.

54 White Paper for European Defence — Readiness 2030 // European Commission. 2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White%20paper%20for%20European%20defence%20-%20Readiness%202030.pdf. См. также: Clapp S., Höflmayer M., Lazarou E., Pari M. *ReArm Europe Plan / Readiness 2030* // European Parliamentary Research Service (EPRS) Briefing, 2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI\(2025\)769566_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI(2025)769566_EN.pdf).

Поставлена цель «мобилизовать» на эти цели до конца 2030 г. 800 млрд евро, которые будут инвестированы в европейский ОПК. 150 млрд евро из этой суммы предоставит Евросоюз для финансирования совместных закупок европейскими странами продукции оборонного назначения. Еще 650 млрд евро предстоит «мобилизовать» государствам-членам ЕС. Впрочем, это лишь часть средств, которые европейские страны планируют потратить на перевооружение — одна только Германия собирается за тот же период израсходовать на эти цели 649 млрд евро⁵⁵. План также предусматривает инвестиции в развитие ОПК Украины, который фактически предлагается интегрировать с укрепляющимся европейским ОПК.

Для реализации этого амбициозного плана Евросоюз предоставляет своим членам ряд финансовых стимулов.

Во-первых, до конца 2030 г. Брюссель смягчает условия фискального пакта 2012 г. (Договор о стабильности, координации и управлении в экономическом и валютном союзе) и допускает возможность превышения странами установленных пактом ограничений (суверенный долг не должен превышать 60%, а дефицит бюджета при условии выполнения первого требования — 3% ВВП страны), если такое превышение связано с увеличением оборонных расходов.

Не все государства смогут воспользоваться таким смягчением. Оно представляет интерес для тех из них (в частности, для Германии), которые уже достигли пороговых значений по государственному долгу и дефициту бюджета. Новое правило ЕС позволит им выйти за эти рамки: до 2030 г. Германия планирует дополнительные заимствования в размере 400 млрд евро⁵⁶. Но смягчением бюджетного правила не смогут воспользоваться страны, показатели госдолга и бюджетного дефицита которых находятся ниже соответственно 60% и 3% от ВВП⁵⁷. Таким образом

55 Höller. Op. cit; Martinez. Op. cit.

56 Ibid.

57 Wolff, Steinbach, Zettelmeyer. Op. cit. P. 10.

ЕС стимулирует государства увеличивать оборонные расходы за счет наращивания государственного долга, а не альтернативными способами — путем повышения налогов или сокращения других, в частности, социальных расходов.

Во-вторых, в мае 2025 г. ЕС принял положение о новом финансовом инструменте «Деятельность в интересах безопасности Европы» (*Security Action for Europe, SAFE*), предназначенном для «мобилизации» на финансовых рынках 150 млрд евро и предоставления странам-членам займов для совместных закупок вооружений и военной техники⁵⁸. Такие займы смогут получать не только члены ЕС, но и отдельные партнеры, с которыми Евросоюз заключил соглашения о сотрудничестве в области безопасности и с которыми будут подписаны дополнительные соглашения в рамках нового финансового инструмента при том условии, что вклад европейских компаний в конечную закупаемую продукцию будет составлять не менее 65%. После мартовского внеочередного саммита Брюссель начал соответствующие консультации с рядом государств НАТО, не являющихся членами Евросоюза⁵⁹.

Фактически при этом к странам-членам ЕС приравниваются не только Норвегия, тесно интегрированная с ЕС в рамках Европейского экономического пространства, но и Украина. Члены ЕС, желающие получить средства по линии нового финансового инструмента, должны будут представить не просто план оборонно-промышленных инвестиций и предполагаемых закупок, но и указать, каким образом это будет способствовать поддержке Украины и обеспечивать ее участие в планируемых закупках. Вклад Норвегии и Украины будет засчитываться в 65-процентную долю европейских компаний в конечной продукции. Похожие ус-

58 SAFE: Security Action for Europe // Council of the European Union, 27.05.2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/27/safe-council-adopts-150-billion-boost-for-joint-procurement-on-european-security-and-defence/>.

59 Von Ondarza. Op cit. P. 2.

ловия ЕС предлагает Великобритании, с которой на майском саммите 2025 г. было подписано партнерское соглашение в области обороны и безопасности, включая соглашение о сотрудничестве Великобритании с Европейским оборонным агентством. Консультации ведутся с Турцией и Канадой, но на них правило 65% не будет распространяться⁶⁰.

К июлю 2025 г. 18 стран ЕС проявили интерес в получении займов в рамках нового финансового инструмента в общей сложности в размере 127 млрд евро⁶¹.

Стратегическая автономия

К сомнениям европейцев в надежности американских гарантий безопасности в начале 2025 г. добавились опасения в отношении того, что Трамп в условиях возобновившегося диалога с Россией договорится с Москвой об урегулировании украинского кризиса через голову союзников и Киева и попросту «сдаст» Украину России. На этом фоне тема независимой от США обороноспособности европейских стран остается значимым предметом обсуждений. Однако ЕС не претендует на роль организации коллективной обороны. Во всех его документах стратегического планирования в сфере Общей политики безопасности и обороны (ОПБО) подчеркивается, что коллективная оборона входит в сферу ответственности НАТО, а не Евросоюза.

У ЕС нет собственных командно-штабных структур. Нет планов обороны и нет целей по формированию потенциала, анало-

60 Ibid. P. 4–5.

61 Эти страны включают Бельгию, Болгарию, Венгрию, Грецию, Испанию, Италию, Кипр, Латвию, Литву, Польшу, Португалию, Румынию, Словакию, Финляндию, Францию, Хорватию, Чешскую Республику и Эстонию. См.: Eighteen EU Members Apply for a Total of \$147 Billion From Defence Fund // Reuters, 30.07.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/finance/eighteen-eu-members-apply-total-147-billion-defence-fund-2025-07-30/>.

гичных принятым в НАТО в 2025 г. Европейское оборонное агентство занимается в основном планами оборонно-промышленного сотрудничества стран-членов. За исключением крупных стран, таких как Германия или Франция, являющихся членами НАТО, у стран-членов ЕС нет сил и средств, которые не были бы переданы в распоряжение штабов НАТО в рамках новой Модели сил или в составе боевых групп на восточном фланге.

На этом фоне в начале 2025 г. президент Франции Э. Макрон возобновил выдвигавшееся им ранее предложение начать с заинтересованными странами стратегический диалог о роли французского ядерного оружия в обороне Европы⁶². Впервые это предложение поддержал канцлер ФРГ Ф. Мерц⁶³, а премьер-министр Польши Д. Туск, выступая в парламенте, сообщил, что обсуждает с Парижем возможность «раскрыть над страной французский ядерный зонтик»⁶⁴. В ответ в экспертной среде и в публичном пространстве вновь развернулась дискуссия о том, как могло бы выглядеть европейское ядерное сдерживание, не исключая при этом возможность размещения французского ядерного оружия на территории стран ЕС, а также о том, какие проблемы могут этому помешать⁶⁵.

62 Macron Seeks Talks on How French Nuclear Weapons Could Protect Europe // Financial Times, 05.03.2025. URL: <https://www.ft.com/content/a6e951ba-271e-4e1d-acba-6dbb328bbe40>.

63 Germany's Merz Wants European Nuclear Weapons to Boost U.S. Shield // Reuters, 09.03.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germanys-merz-wants-european-nuclear-weapons-boost-us-shield-2025-03-09/>.

64 McGuigan S. Poland's Donald Tusk Wants Access to Nuclear Weapons to Deter Putin as He Announces Plan to Give Military Training to Every Adult Male in His Country to Build 500,000-Strong Army // Daily Mail, 08.03.2025. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14475967/Polands-Donald-Tusk-access-nuclear-weapons-plan-build-army.html>.

65 См.: Perot E. Revisiting Deterrence: Towards a French Nuclear Umbrella Over Europe? SDS Policy Brief. 2025. No. 6 // Center for Diplomacy, Security and Strategy, 2025. URL: <https://csds.vub.be/publication/revisiting-deterrence-towards-a-french-nuclear-umbrella-over-europe/>; Sorg A. Force de l'Europe: How Realistic Is a French Nuclear Umbrella? // War

Ответов на поставленные в ходе начавшейся дискуссии вопросы пока нет. Однако при этом в мае 2025 г. Э. Макрон заявил, что Франция готова начать обсуждение вопроса о размещении французских самолетов с ядерным оружием в других европейских странах⁶⁶, что до настоящего времени исключалось французской ядерной доктриной, а в июле он поручил министру обороны страны провести консультации («стратегический диалог») с заинтересованными странами, итоги которых предстоит подвести в конце года⁶⁷. Диалог сегодня развивается прежде всего между Францией, Великобританией и Германией. Подключается к нему и Польша.

10 июля 2025 г. Франция и Великобритания достигли договоренности о создании совместной группы по координации политики ядерного сдерживания⁶⁸, а также подписали более широкое второе «ланкастерское» соглашение, в котором подтвердили, что угроза для любого из двух государств будут рассматриваться как угроза для другого⁶⁹. 29 августа Париж и Берлин обсуждали данную тему на заседании франко-германского Совета обороны и безопасности⁷⁰. В сентябре президент Польши К. Навроцкий ставил вопросы о европейском ядерном сдерживании в ходе визита в Париж.

on the Rocks, 04.03.2025. URL: <https://warontherocks.com/2025/03/force-de-leurope-how-realistic-is-a-french-nuclear-umbrella/>.

66 Франция начнет диалог с ЕС по использованию ядерного оружия // РИА Новости, 13.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250713/frantsija-2028907373.html>.

67 Там же.

68 Northwood Declaration. Op. cit.

69 Lancaster House 2.0: Declaration on Modernising UK–French Defence and Security Cooperation // Government of the United Kingdom, 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/lancaster-house-20-declaration-on-modernising-uk-french-defence-and-security-cooperation>. Первое «ланкастерское» соглашение было подписано в 2010 г.

70 Conclusions of the Franco-German Defence and Security Council // Élysée, 02.09.2025. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/09/02/conclusions-of-the-franco-german-defence-and-security-council>.

На данном этапе, однако, очевидно, что партнеры Франции по «стратегическому диалогу» не готовы обсуждать вопросы оборонной политики в отрыве от НАТО. Единственный рассматриваемый ими вариант «стратегической автономии» — возможность при необходимости действовать через НАТО без участия США. Это предполагает усиление «европейской опоры» альянса (его «европеизацию»). Европейцы стараются избежать необходимости формирования альтернативного НАТО оборонного альянса, а возможность договориться о роли французского и британского ядерных потенциалов рассматривается только как дополнение к американским гарантиям и страховка на случай, если Вашингтон откажется от своих обязательств.

В марте 2025 г., высказываясь в пользу диалога с Францией и Великобританией о возможности совместного использования их ядерного потенциала в интересах обороны Европы, Мерц подчеркивал, что речь идет не о замене, а о дополнении ядерных гарантий США⁷¹. Рассуждая о французском «ядерном зонте», Туск одновременно говорил и о том, что необходимость тесного сотрудничества с США и НАТО не подлежит обсуждению⁷², а Навроцкий отмечал, что Польша рассчитывает на поддержку Франции в программе НАТО совместного использования ядерного оружия (*nuclear sharing*): «Партнерство между Польшей и Францией заключается именно в этом»⁷³.

В «ланкастерском» соглашении 2025 г. Лондон и Париж подчеркивают: «Мы несем совместную ответственность за укрепление евроатлантической безопасности и в связи с этим напоминаем критическое значение сдерживания, которое обеспечивается НАТО. Мы подтверждаем важность умножения наших усилий по поддержке НАТО и совместных действий в ее рамках. Мы также осознаем зна-

71 Germany's Merz Wants European Nuclear Weapons... Op. cit.

72 McGuigan. Op. cit.

73 Президент Польши заявил о готовности к размещению ядерного оружия // Интерфакс, 17.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1047702>.

чение более сильной и способной европейской обороны, которая вносит позитивный вклад в трансатлантическую и глобальную безопасность, дополняет и обеспечивает оперативную совместимость с НАТО. В этой связи мы подчеркиваем, что Европейский союз является уникальным и крайне важным партнером НАТО»⁷⁴.

В выводах по итогам заседания франко-германского Совета обороны и безопасности от 29 августа 2025 г. тоже отмечается, что повышение ответственности Европы за собственную оборону предполагает укрепление европейской опоры НАТО, а трансатлантический альянс является фундаментом европейской безопасности. При этом Париж и Берлин подчеркнули необходимость дальнейшего углубления сотрудничества ЕС и НАТО в сфере европейской безопасности и обороны⁷⁵. Франция и Германия договорились также начать стратегический диалог. Его первые итоги будут подведены в конце 2025 г.

ОБСЕ и Европейское политическое сообщество

С 2022 г. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) находится в состоянии перманентного кризиса⁷⁶. Все это время организация живет без утвержденного бюджета. Пространство для консенсуса сузилось до минимума. Обсуждения в Постоянном совете сводятся к полемике вокруг украинского кризиса. За первое полугодие 2025 г. в ОБСЕ было принято всего четыре решения: о сроках, повестке дня и организационных условиях проведе-

74 Lancaster House 2.0. Op. cit.

75 Conclusions of the Franco-German Defence and Security Council. Op. cit.

76 См.: Загорский А.В., Ознобищев С.К. Европейская безопасность / В кн.: *Стратегический обзор 2023* / Под ред. А.Г. Арбатова. Москва: МГИМО-Университет, 2024. С. 105–108; Загорский А.В., Ознобищев С.К. Гонка вооружений в Европе / В кн.: *Стратегический обзор 2024* / Под ред. А.Г. Арбатова. Москва: МГИМО-Университет, 2024. С. 82–86.

ния ежегодной Конференции по обзору проблем в области безопасности⁷⁷, о выделении дополнительных средств службе проведения конференций и переводов⁷⁸, о продлении мандата Миссии ОБСЕ в Молдове до конца 2025 г.⁷⁹, о сроках и повестке дня проведения Экономико-экологического форума⁸⁰. Ссылаясь на финансовые соображения, действующий Председатель ОБСЕ 2025 г. Финляндия отказалась от проведения в декабре ежегодной встречи Совета министров и обратилась к Австрии, где находится штаб-квартира организации, с просьбой организовать эту встречу в Вене.

Острой полемикой была отмечена состоявшаяся в Хельсинки 31 июля—1 августа конференция «Хельсинки+50», посвященная 50-летию подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В ней приняли участие в основном представители западных стран, включая сотрудников неправительственных организаций. Центральными темами конференции стали украинский кризис и права человека. В этих условиях в Москве было принято решение не принимать участие в конференции на высоком уровне. Россию на ней представлял заместитель постоянного представителя России при ОБСЕ М. Буякевич⁸¹.

77 Решение № 1506. Сроки, повестка дня и организационные условия проведения ежегодной Конференции по обзору проблем в области безопасности (ЕКОБ) 2025 года // ОБСЕ, 03.04.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/6/592058.pdf>

78 Decision no. 1507. 2025 additional provisional expenditure authorization for the conference and language services programme. PC.DEC/1507 // OSCE, 19.06.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/5/594023.pdf>

79 Decision no. 1508. Extension of the Mandate of the OSCE Mission to Moldova. PC.DEC/1508 // OSCE, 19.06.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/3/594029.pdf>

80 Decision no. 1509. Dates and Agenda of the 2025 Economic and Environmental Dimension Implementation Meeting. PC.DEC/1509 // OSCE, 24.07.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/f/595783.pdf>

81 Черненко Е. Оружие финские парни. Как ОБСЕ встретила полвека своего бытия // Коммерсантъ, 31.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru>

На этом фоне, прежде всего, в России, усиливается критика организации. В июне 2025 г. министр иностранных дел России С. Лавров заявил: «ОБСЕ разрушена почти до основания. Консенсус растоптан».⁸² Все чаще в качестве альтернативы общеевропейской организации говорится о востребованности «общеконтинентального» евразийского диалогового формата или большого «Евразийского партнерства». Приверженцы ОБСЕ признают: если ситуация не изменится и государства — участники организации не вернуться к диалогу, ОБСЕ в лучшем случае «останется на искусственном жизнеобеспечении»⁸³.

В конце 2024 г. на встрече Совета министров в Валлетте (Мальта) были заполнены вакантные должности Генерального секретаря ОБСЕ, директора Бюро по демократическим институтам и правам человека, Верховного комиссара по делам национальных меньшинств. Было также принято решение о том, что функции действующего Председателя в 2026 г. будет исполнять Швейцария. Новый Генеральный секретарь Ф. Синирлиоглу (Турция) отличается сдержанностью в своих высказываниях и призывает государства-участники возродить политический диалог в рамках организации⁸⁴. В целом все эти решения носят краткосрочный характер и не устраняют неопределенность в отношении судьбы ОБСЕ, однако сохраняют возможность ее ис-

ru/doc/7925860; Черненко Е. Б значит бесперспективность. Как разрушается ОБСЕ — крупнейшая в мире региональная организация // Коммерсантъ, 31.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7925564>.

82 Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на «Форуме будущего 2050», Москва, 9 июня 2025 года // МИД России, 09.06.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/2024956/.

83 Hill W.H. Russia, The United States, and the OSCE: A Cloudy Future? P. 3 // Security and Human Rights Monitor, 01.08.2025. URL: https://www.shrmonitor.org/assets/uploads/2025/08/Hill_10.58866_BIHD5746.pdf.

84 Helsinki+50 Conference. Secretary General Feridun H. Sinirlioglu's Keynote Speech. Helsinki, 31 July // OSCE, [n.d.]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/3/595828_0.pdf.

пользования в будущем для обсуждения новой архитектуры европейской безопасности.

Параллельно с ОБСЕ продолжается практика проведения раз в полгода саммитов *Европейского политического сообщества* (ЕПС). Они представляют собой площадку для диалога стран-членов ЕС с государствами, которые поддерживают тесные отношения с Евросоюзом (соответственно, без участия России и Беларуси). Этот диалог становится более структурированным. На встречах наряду с пленарными заседаниями проводятся тематические круглые столы. В кулуарах саммита проходят встречи для обсуждения актуальных проблем в узком составе⁸⁵.

Первый саммит ЕПС прошел в Праге (Чехия) в октябре 2022 г. Пятая встреча глав государств и правительств участвующих в ЕПС стран была организована в Будапеште (Венгрия) 7 ноября 2024 г., шестая — в Тиране (Албания) 16 мая 2025 г. Основными темами обсуждений на этих встречах были безопасность и укрепление оборонного потенциала Европы, миграция, экономическая безопасность и снижение зависимости от критического импорта, различные аспекты связанности европейских стран, включая энергетику, транспорт, информационно-коммуникационные технологии, глобальную торговлю.

Изменения в политике Вашингтона после возвращения Трампа в Белый дом положили начало коррекции системы европейской безопасности. Насколько долгосрочными и устойчивыми окажутся эти процессы, покажет время.

Первый очевидный «эффект Трампа» — перераспределение бремени в рамках НАТО. США остаются в Европе, но европейским странам, для которых альянс продолжает быть централь-

85 См.: Загорский, Ознобищев. Европейская безопасность. Указ. соч.; Загорский, Ознобищев. Гонка вооружений в Европе. Указ. соч.

ной организацией по безопасности, придется платить больше за коллективную оборону.

Второй «эффект Трампа» — стимулирование гонки вооружений. Европейские страны теперь исходят не только из повышенных обязательств в рамках НАТО, но и планируют «сдерживать» Россию самостоятельно. ЕС стимулирует возрождение европейского ОПК, но не претендует на замещение НАТО в качестве организации коллективной обороны и координирует свою политику с альянсом.

Третий «эффект Трампа» — возвращение в практическую дипломатию вопроса о завершении украинского кризиса политическим путем, хотя эта перспектива пока остается не очевидной.

Четвертый «эффект Трампа» — окно возможностей для нормализации российско-американских отношений. Однако даже если эта возможность будет реализована, перспектива формирования включающей Россию архитектуры европейской безопасности остается неопределенной.

Новый проект противоракетной обороны США

АЛЕКСАНДР ЕРМАКОВ

Одним из важнейших факторов, который будет в ближайшие десятилетия влиять на сложившийся в мире «ядерный ландшафт», без сомнения, станут планы США по кардинальной модернизации своей системы глобальной противоракетной обороны (ПРО) с развертыванием в ее составе космических перехватчиков. Эта деятельность непосредственно связана с другими влияющими на него факторами — ростом стратегических ядерных сил Китая, появлением новых ядерных держав и новых носителей.

При этом даже об общем облике планируемой системы известно крайне мало и его могут радикально поменять в любой момент.

Давний интерес

В прошедшие десятилетия США, с одной стороны, проявляли серьезнейший интерес к ПРО, но, с другой стороны, особенностью национального подхода к вопросу стало постоянное перекраивание, отмена и перезапуск планов. В 1950-х—1970-х годах несколькими президентскими администрациями прорабатывался целый ряд систем, отдельные элементы которых активно испытывались. В 1975–1976 гг. на боевом дежурстве даже состояла система *Safeguard*, развернутая уже после заключения Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО), обладавшая ограниченными возможностями и прикрывавшая только одну базу межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и стратегической авиации. Эти системы основывались на наземных противоракетах и наземных же средствах целеуказания.

Однако наиболее известная американская программа ПРО — Стратегическая оборонная инициатива президента Р. Рейгана (СОИ, «Звездные войны») — должна была использовать космические средства и, как следствие, наиболее важна для рассмотрения на фоне свежей инициативы Д. Трампа. СОИ широко освещалась в отечественных источниках, но при ее несомненно огромном политическом значении, как внутреннем, так и международном, реальная деятельность за время двух президентских сроков Рей-

гана свелась к проработке многочисленных концепций облика и экспериментам, носившим скорее научный характер. Не было утверждено никакого плана развертывания системы. В отличие от предшествующих и последующих американских программ ПРО, не было испытано перехватчиков какого-либо типа.

Администрация Б. Клинтона в 1996 г. предложила развернуть в три этапа «Национальную ПРО» (*National Missile Defense, NMD*) в виде сначала 20, потом 100 и 250 перехватчиков типа GBI, которые должны были обеспечить перехват пяти боеголовок без ложных целей, до 10 МБР с простейшими ложными целями и до 20 МБР, соответственно¹.

Администрация Дж. Буша-мл и последующие до самого недавнего времени продолжали в целом придерживаться концепции ПРО, предложенной при Клинтоне, которая получила название «Наземной системы перехвата на среднем участке траектории» (*Ground-Based Midcourse Defense, GMD*). В качестве основного позиционного района был выбран Форт-Грили на Аляске. Еще пять пусковых установок есть на базе Военно-космических сил США Ванденберг в Калифорнии: четыре снаряжены «дежурными» GBI постоянно и одна используется для испытаний, поскольку Ванденберг это в первую очередь испытательный центр². К началу 2010-х годов на Аляске было развернуто 26 перехватчиков, в 2013 г. президент Б. Обама объявил о плане увеличить их количество до 40, что и было выполнено в ноябре 2017 г.³

-
- 1 Grego L., Lewis G., Wright D. Shielded from Oversight: The Disastrous U.S. Approach to Strategic Missile Defense Appendix 1: The Development of the GMD System. P. 1. // Union of Concerned Scientists, 2016. URL: <https://www.ucs.org/sites/default/files/attach/2016/07/Shielded-from-Oversight-appendix-1.pdf>.
 - 2 *Ground-Based Midcourse Defense (GMD) Program Overview*. Washington, D.C.: Missile Defense Agency, 2016. P. 6.
 - 3 Judson J. U.S. Installs Final Ground-Based Missile Interceptor to Counter ICBM Threat // Defense News, 07.11.2017. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/07/final-ground-based-missile-defense-interceptor-in-place-at-fort-greely/>.

В феврале 2018 г., при первой администрации Д. Трампа, корпорация *Boeing* получила контракт на строительство еще 20 пусковых шахт GBI и установку там противоракет⁴. В марте 2025 г. было сообщено о завершении строительства этих шахт, но, несмотря на периодические новости о поставке противоракет, общее количество развернутых перехватчиков не сообщается⁵. По состоянию на лето 2025 г. можно считать, что количество противоракет на Аляске близко к 60. Примечательно, что, хотя прошло четверть века и сменилось несколько президентов, они все еще не развернули ПРО Клинтона даже «второго этапа» (то есть с сотней перехватчиков GBI), что по планам того времени, конечно, не должно было занять столько времени.

Единственным развернутым в США средством, кроме GBI, которое теоретически способно поражать МБР, является корабельная противоракета SM-3 (*Standard Missile 3*) в модификации *Block II*A. SM-3 — трехступенчатая твердотопливная ракета, которая, как GBI, выводит на курс перехвата заатмосферный кинетический перехватчик. Динамические характеристики ракеты позволяют забрасывать перехватчик достаточно высоко, чтобы поражать даже низкоорбитальные спутники. Это было продемонстрировано в феврале 2008 г., когда на высоте около 240 км был сбит неисправный американский разведывательный спутник *USA-193*⁶. SM-3 оперативно развернута и применялась ВМС США в боевых условиях для перехвата

4 Judson J. Boeing Wins \$6.6B Deal to Support Missile Defense System, Build More Interceptors // Defense News, 01.02.2018. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/01/boeing-wins-66-billion-deal-to-support-missile-defense-system-build-more-interceptors/>.

5 Judson J. Boeing Grows Alaska-based Homeland Missile Defense Silo Count by 20 // Defense News, 05.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/air-warfare/2025/03/04/boeing-grows-alaska-based-homeland-missile-defense-silo-count-by-20/>.

6 Day D. Burning Frost, the View From the Ground: Shooting Down a Spy Satellite in 2008 // The Space Review, 21.06.2021. URL: <https://www.thespacereview.com/article/4198/1>.

ракет средней дальности в ходе ударов Ирана по Израилю, по заявлениям — успешно.

Предположительно, система *Aegis BMD*, включающая SM-3, может бороться с МБР, но только в случае идеального размещения точки пуска противоракеты не просто под траекторией МБР, но и сразу после окончания активного участка полета МБР на восхождении или при снижении боевых блоков (до входа в атмосферу). При отражении нападения со стороны КНДР подобные возможности уже имеются, но для противодействия атаками из России или Китая корабли с противоракетами придется размещать в Северном Ледовитом океане или в Охотском море, что вряд ли возможно.

Подводя итоги краткой характеристике современных средств перехвата МБР, развернутых в рамках национальной ПРО США, можно отметить следующее.

1. Их возможности по перехвату крайне ограничены, в лучшем случае они способны отразить удар нескольких МБР примитивной конструкции.
2. Несмотря на политическое значение и активное обсуждение, фактически в США за четверть века после выхода из ДПРО были развернуты лишь те средства перехвата, которые даже в 1990-х годах относились к ранним этапам построения системы.
3. Реальная деятельность военных и промышленности, вероятно, направлена на наработку технологий и испытания; таким образом, она мало отличается от работ 1960-х годов, вопреки политическим заявлениям о наличии реального средства защиты страны.

Золотой купол над Америкой

Вышеуказанные программы могли дать только «косметический» эффект, и в лучшем случае ПРО имела бы какой-то потенциал для надежной защиты от страны с возможностями КНДР. В случае противостояния с Китаем или, тем более, Россией она принесла

бы крайне незначительную пользу. Вернувшегося в 2025 г. в Белый Дом Д. Трампа такое положение вещей явно не устраивало. Одним из первых своих указов он подписал указ о создании «Железного купола для Америки»⁷.

Тезисы указа, которые следует отметить:

- угроза баллистических, гиперзвуковых и крылатых ракет остается «наиболее катастрофической» для США;
- построение эффективной ПРО — часть политики «мира посредством силы»;
- задачами политики в области ПРО является защита населения и критической инфраструктуры, а также обеспечение гарантированного ответного удара;
- ПРО нового поколения должна обеспечивать защиту от баллистических, гиперзвуковых и крылатых ракет и иных воздушных угроз, происходящих от любых противников, включая великие державы;
- для обеспечения этого должны быть разработаны и развернуты космические перехватчики МБР, действующие на активном участке траектории;
- должны быть развернуты дополнительные наземные средства перехвата для отражения контрценностных ударов (то есть атак на крупные города);
- поддерживаются ранее анонсированные программы модернизации ПРО;
- должны быть разработаны и развернуты дополнительные средства «доставочного перехвата»;
- в дополнение к кинетическим средствам перехвата предлагается разработать и «некинетические» (вероятно, возобновить активные НИОКР по лазерному, электромагнитному и иному подобному оружию).

7 Trump D. The Iron Dome for America // The White House, 27.01.2025.
URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/the-iron-dome-for-america/>.

Название было открыто позаимствовано у израильского тактического комплекса ПРО, который удачно показывал себя в отражении атак кустарных ракет малой дальности. Однако через месяц его сменили на более «премиальное»: «Золотой купол» (*Golden Dome*). Это облегчило и работу с поиском наглядных образов: в пропагандистских материалах быстро закрепились золотая полусфера, закрывающая США от ракетных угроз.

Следующее масштабное обращение Д. Трампа по вопросу строительства «Золотого купола» состоялось 20 мая, когда президент объявил, что руководителем программы назначен заместитель командующего Военно-космическими силами США генерал Майкл Гетлейн, а также что «система будет полностью боеготовой к концу срока [президента Трампа]»⁸. Трамп назвал и общую планируемую стоимость «Купола» — якобы всего 175 млрд долл., из которых первые 25 млрд уже одобрены в рамках закона о дополнительном бюджетном финансировании. По меньшей мере, часть первого транша пойдет на дополнительное финансирование уже идущих программ, таких как разрабатываемые противоракеты GPI и NGI, или увеличение темпов выпуска SM-3⁹.

Примечательно, что в ходе второго крупного выступления по поводу «Золотого купола» Трамп только мельком упомянул наиболее обсуждаемое новшество — космические перехватчики. Однако он несколько раз охарактеризовал «Купол» как «интегрированную многоуровневую систему обороны от всех видов угроз (включая БПЛА)». Нужно упомянуть и планы включения в программу Канады — для космического эшелона ее участие не

8 Stone M., Mason J. Trump Selects \$175 Billion Golden Dome Defense Shield Design, Appoints Leader // Reuters, 21.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-make-golden-dome-announcement-tuesday-us-official-says-2025-05-20/>.

9 Insinna V., Hitchens T., Marrow M., Roque A. How SASC, HASC Want to Spend Reconciliation on Golden Dome, Munitions // Breaking Defense, 29.06.2025. URL: <https://breakingdefense.com/2025/07/how-sasc-hasc-want-to-spend-reconciliation-on-golden-dome-munitions/>.

нужно, а вот для защиты от аэродинамических целей с северного направления необходимо.

Именно более тесная информационно-командная увязка имеющихся средств ПВО/ПРО станет одной из первых задач, которые будут решать в рамках построения «Золотого купола» — о чем, в частности, заявлял и генерал М. Гетлейн¹⁰. Предполагается широкое внедрение элементов искусственного интеллекта в средства управления перехватом, распределения огневых средств по целям и т. д.¹¹ В очередной раз поднимается вопрос о развертывании еще одного позиционного района противоракет NGI на Среднем Западе (северная часть основной территории Штатов)¹².

На перспективу, в рамках программы SHIELD, рассматриваются планы создания новой «универсальной» противоракеты для перехвата гиперзвуковых планирующих средств, крылатых ракет, аэродинамических целей и БРСД, вероятно для замены комплексов *Patriot* и ТНААД¹³. Предполагается развернуть до 11 батарей подобных зенитных/противоракет, что станет самым значительным развертыванием зенитных вооружений на континентальной территории США с середины 1970-х годов, когда была снята с дежурства

-
- 10 Hadley G. Guetlein Talks Golden Dome Priorities, Says Missile Interceptors Are Feasible // Air & Space Forces Magazine, 23.07.2025. URL: <https://www.airandspaceforces.com/guetlein-first-priority-golden-dome-c2/>.
 - 11 Tucker P. New Golden Dome Details Emerge From Industry Day // Defense One, 14.08.2025. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2025/08/new-golden-dome-details-emerge-industry-day/407476/>.
 - 12 Stone M. Exclusive: Pentagon Golden Dome to Have 4-layer Defense System, Slides Show // Reuters, 13.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/pentagon-golden-dome-have-4-layer-defense-system-slides-show-2025-08-12/>.
 - 13 Roque A. MDA Outlines Golden Dome's SHIELD \$151 Billion Contracting Vehicle // Breaking Defense, 08.08.2025. URL: <https://breakingdefense.com/2025/08/mda-outlines-golden-domes-shield-151-billion-contracting-vehicle/>.

большая часть комплексов *Nike Hercules*¹⁴. Учитывая, что только эта программа оценивается в 151 млрд долл. на десять лет, становится лишним раз ясно, что названные Д. Трампом 175 млрд долл. на весь «Золотой купол» как интегрированную систему — это максимум траты лишь на период его президентского срока.

Однако речи об отказе от космического ударного компонента не идет. Он, очевидно, не будет развернут за время срока Д. Трампа. В лучшем случае в эти сроки удастся приступить к испытаниям технологий и ранних прототипов перехватчиков. По крайней мере, представители *Lockheed Martin*, одной из ведущих американских компаний в этой сфере, заявили, что планируют провести испытания космического перехватчика в 2028 г.¹⁵

В военном ведомстве США потратят не менее года только на определение облика желаемой системы. Косвенно на неуверенность американских военных в том, что они хотят получить, может указывать неоднократный перенос большой встречи с представителями промышленности, на котором планировалось обсудить их предложения и запросы заказчика¹⁶. На симпозиуме по вопросам космоса и противоракетной обороны, проводимом ежегодно в Центре имени фон Брауна, военные и государственные чиновники в последний момент получили строгий запрет как-либо комментировать «Золотой Купол», притом что он, конечно, был центральной темой и активно обсуждался представителями промышленности и аналитических центров¹⁷.

14 Tucker. Op. cit.

15 Tucker P. Lockheed Martin Aims to Test a Missile-killing Satellite by 2028 // Defense One, 05.08.2025. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2025/08/lockheed-martin-aims-test-missile-killing-satellite-2028/407212/>.

16 Sherman J. Pentagon Cancels Golden Dome Industry Summit Two Weeks After Presidential Launch // Inside Defense, 03.06.2025. URL: <https://insidedefense.com/daily-news/pentagon-cancels-golden-dome-industry-summit-two-weeks-after-presidential-launch>.

17 Hitchens T. At Missile Defense Conference, the First Rule of Golden Dome Is Don't Talk About Golden Dome // Breaking Defense, 06.08.2025. URL:

Только в конце июня был опубликован официальный запрос информации у промышленности о том, как могла бы выглядеть ПРО с космическими перехватчиками¹⁸. Конкретная архитектура системы в нем не раскрывается, но, судя по используемым определениям, Пентагон желал бы получить сеть из размещенных на орбите перехватчиков, способных поражать как стартующие баллистические ракеты еще в верхних слоях атмосферы, так и их боевые блоки, включая маневрирующие, уже в космосе. Непонятно, идет ли речь о крупных спутниках, оснащенных «батареями» из противоракет, или об индивидуальных аппаратах-носителях одной противоракеты (т. е. *Brilliant Pebbles* на новом техническом уровне).

Для целеуказания предполагается опираться на вышеупомянутые космические группировки, хотя через три года ни одна из них еще не будет развернута. В сентябре начали собирать заявки от компаний, желающих участвовать в разработке перехватчиков, причем из-за традиционных задержек с утверждением бюджета в Конгрессе на первом этапе промышленности придется вести работы за свой счет — в надежде на компенсации в будущем¹⁹.

Количество развернутых аппаратов и их орбиты пока не известны; вероятно, и не определены. Решения в этой области будут иметь большое значение. Так, например, для раннего перехвата ракет из Китая или КНДР оптимально наклонение орбиты около 45 град, но в этом случае перехватчики будут пролетать

<https://breakingdefense.com/2025/08/at-missile-defense-conference-the-first-rule-of-golden-dome-is-dont-talk-about-golden-dome/>.

- 18 Missile Defense Space Based Interceptors (SBI). Request for Information (RFI) // System for Award Management, 27.06.2025. URL: <https://sam.gov/opp/0e2c8bdac1704aafb3377aa92e3e01f6/view>.
- 19 Machi V. Space Force to Issue Space-Based Interceptor RFP on Sept. 5 // Aviation Week, 22.08.2025. URL: <https://aviationweek.com/defense/missile-defense-weapons/space-force-issue-space-based-interceptor-rfp-sept-5>; Machi V. Golden Dome's Rapid Timeline Collides With Industry Funding Fears // Aviation Week, 28.08.2025. URL: <https://aviationweek.com/defense/missile-defense-weapons/golden-domes-rapid-timeline-collides-industry-funding-fears>.

только над югом России. Самое простое решение — размещать спутники на полярной орбите — приведет к равномерно тонкому слою над всей Землей.

В случае, если атакующий запустит одновременно несколько МБР из одного района, для эффективного перехвата нужно развернуть тысячи аппаратов. Хотя с выводом множества малоразмерных спутников, благодаря революции в пусковых услугах последних лет, у США нет особых проблем, не стоит забывать, что подобная группировка потребует постоянной замены сходящих с орбиты аппаратов²⁰. Скорее всего, вокруг поддержания функционирования и регулярной модернизации «Купола» должна будет вырасти целая отрасль военно-промышленного комплекса.

Возникают вопросы и относительно достижимой эффективности «Золотого купола». В указе отмечалось, что он предназначен для защиты в т. ч. и от равных противников при отражении контрценностных ударов. Это представить достаточно трудно, так как даже не прибегая к специальным мерам прорыва космической ПРО, которые активно прорабатывались в СССР в 1980-е годы против СОИ, а просто проводя массированные залпы не только Россия, но и Китай сможет «перегрузить» космическую ПРО количеством целей и нанести сокрушительный контрценностный удар (традиционный эвфемизм для атаки на города).

Возможно, на деле американские военные планируют решить две отдельные задачи: создания средства надежной защиты от слабого контрценностного удара «страны-изгоя» и средства гарантии ответного удара в противостоянии с равными противникам. США могут рассчитывать решить таким образом проблему «одновременного, но независимого» сдерживания России и Китая. С помощью усиления ПРО они могут повысить устойчивость своих ядерных сил и систем управления без запуска гонки стратегических наступательных вооружений, которая последует,

20 Например, крупнейшая низкоорбитальная группировка спутников *Starlink* по естественным причинам теряет от 30 до 100 аппаратов ежемесячно.

если Вашингтон решит увеличить свои арсеналы в полтора-два раза. Для защиты от контрсилового удара, когда необходимо надежно поражать отдельные пусковые шахты МБР и защищенные командные пункты, а не городские агломерации, любой дополнительный фактор защиты со стороны ПРО весьма значителен.

Главный заказчик в Белом доме, как и неоднократно упоминаемый им в положительном ключе Р. Рейган, при этом может верить в ПРО любой надежности и любой направленности, тем более что она все равно не будет реализована при нем. Преемник Трампа может и перекроить инициативу под себя, а то и вовсе отменить ее и предложить собственную систему иного облика. Однако история столь же наглядно показывает: нет смысла ждать, что США откажутся от самой идеи ПРО и от попыток сделать ее эффективной. Это всего лишь вопрос цены, которую они готовы за нее платить.

Тем не менее, «Золотой купол» на ближайшие годы станет важнейшим фактором в американо-российском, американо-китайском, да и мировом стратегическом ландшафте. Он будет определять направления военного строительства целого ряда стран и возможную повестку переговоров об ограничении стратегических и космических вооружений.

Искусственный интеллект в военном деле

НАТАЛИЯ РОМАШКИНА
ДМИТРИЙ СТЕФАНОВИЧ

Искусственный интеллект (ИИ)¹ входит в перечень технологий, революционно меняющих облик войны. Он обеспечивает поиск и анализ информации, выработку решений, автоматическое формирование и выдачу исполнительных команд на разнообразные устройства. С помощью ИИ решаются задачи, отличающиеся большим объемом исходных данных, их неопределенностью и противоречивостью, трудностями комплексной обработки разнородной информации, изменяющейся во времени при жестких сроках на принятие решений².

Прогнозы возможного характера будущих войн показывают, что основные изменения в формах и способах применения вооруженных сил будут определяться не столько географическими и военно-политическими условиями, сколько прогрессом в создании новых образцов вооружений и военной техники (ВВТ) и совершенствовании принципов управления войсками и оружием. Военное доминирование будет определяться не только размером армий, но и качеством программ в сфере военного управления, в т. ч. в ИИ.

Искусственный интеллект на поле боя

В системах ведения боевых действий (оружие, датчики, навигация, авиаподдержка и наблюдение) ИИ используется, чтобы сделать операции более эффективными и менее зависимыми от уча-

1 Под ИИ понимается область исследований, в рамках которой разрабатываются модели, системы и комплексы кибернетических устройств, имитирующие и заменяющие интеллектуальную деятельность человека (восприятие различной информации и логическое мышление), а также практическое применение их результатов.

2 Искусственный интеллект (ИИ) // Военный энциклопедический словарь. Министерство обороны Российской Федерации, [б.д.]. URL: <https://mil.ru/services/encyclopedia/dictionary/list/f98068b6-083e-4bfb-bde5-13531f0dba05>.

ствия человека. Теоретически устранение полного человеческого контроля над системами ведения боевых действий снижает влияние ошибок и освобождает военнослужащих для других задач, однако эти процессы связаны с угрозами и этическими проблемами.

Лидерами в создании автономных и полуавтономных вооружений в настоящее время являются США. В январе 2023 г. Пентагон обновил документ, определяющий политику в этой сфере с учетом последних достижений ИИ³. Директива содержит руководящие принципы в области разработки и эксплуатации *автономных и полуавтономных систем вооружений*, включая управляемые боеприпасы, способные автоматически выбирать цель и поражать ее, а также *управляемых операторами систем обороны военных объектов*. По информации военного министерства США, обновления потребовались в связи с существенным технологическим прогрессом в области ИИ с момента выхода предыдущей редакции этого документа в 2012 г., а также с учетом намерения Китая стать мировым лидером в этой области к 2030 г. Одним из важнейших моментов, которые теперь отражены в документе, является расширенное видение роли искусственного интеллекта в будущем американских вооруженных сил⁴. Кроме того, была создана рабочая группа по автономным системам вооружений для консультирования военного министерства США.

Во многих странах перспективной считается разработка автономных боевых или обеспечивающих средств, способных действовать самостоятельно и, в случае потери связи с центром управления, продолжать выполнение задания либо возвращаться на заданную позицию. Традиционными примерами такой

3 Autonomy in Weapon Systems. DOD Directive 3000.09 // U.S. Department of War, 25.01.2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF>.

4 Albon C. Pentagon Updates Autonomous Weapons Policy to Account for AI Advances // Defense News, 25.01.2023. URL: <https://www.defensenews.com/artificial-intelligence/2023/01/25/pentagon-updates-autonomous-weapons-policy-to-account-for-ai-advances/>.

техники являются беспилотные летательные аппараты (БПЛА), а также наземные, надводные и подводные аппараты различного назначения.

Известны опыты одиночного и группового применения в ВВС США беспилотных «верных ведомых» совместно с многофункциональными истребителями F-16, F-22 и F-35. Активно идут разработки проектов автоматического группового взаимодействия различных платформ — например, ударно-разведывательных БПЛА с самолетами дальнего радиолокационного обнаружения и базовой патрульной авиации.

Примерами современных ударных БПЛА, разработанных в качестве «верного ведомого» по отношению к управляемому человеком истребителю, являются XQ-58 *Valkyrie* американской компании *Kratos Defense & Security Solutions*, рендер новой версии которого со встроенным шасси был представлен в апреле 2025 г.⁵, а также тяжелый дрон С-70 «Охотник» российской компании «Сухой» — «напарник» Су-57, который в 2025 г. был оборудован системой ИИ, выполняющей функции электронного второго пилота⁶.

БПЛА с системой *Skynode S*, разработанные совместно государственными и коммерческими партнерами в США, ЕС и на Украине, в нарастающих масштабах используются Вооруженными силами Украины (ВСУ) в боевых действиях против России. *Skynode* представляет собой мини-компьютер компактного размера и контроллер полета, которые помещают внутрь беспилотников, производимых украинскими компаниями. По информации компании *Auterion*, «это первое специально разработанное комплексное решение... дает украинским военным передовые возможности компьютерного зрения для противодействия по-

5 Trevithick J. XQ-58 Valkyrie with Built-In Landing Gear Shown in New Rendering // The War Zone, 16.04.2025. URL: <https://www.twz.com/air/xq-58-valkyrie-with-built-in-landing-gear-seen-in-new-rendering>.

6 В Су-57 внедрили искусственный интеллект // РИА Новости, 24.05.2025. URL: <https://ria.ru/20250524/pomoschnik-2018798216.html>.

терям в точности функций GPS – и радиочастотного наведения в рамках радиоэлектронной борьбы»⁷.

В последние годы на поле боя активно используются наземные робототехнические комплексы. Например, телеуправляемый гусеничный робот для поддержки пехоты MUTT (США)⁸; гусеничные дистанционно управляемые машины пехоты THeMIS (Германия) (предоставлялись ВСУ с 2022 г. для ведения боевых действий против России)⁹; боевой многофункциональный робототехнический комплекс «Уран-9» (Россия)¹⁰ для разведки и огневой поддержки тактического звена, снижения потерь личного состава подразделений при ведении боевых действий; комплекс пожаротушения «Уран-6» (Россия) и комплекс разминирования «Уран-14» (Россия), которые применяются инженерными войсками российской армии в зоне специальной военной операции (СВО) и на освобожденных территориях¹¹.

Морские автономные системы включают безэкипажное судно *Sea Hunter* (США), способное патрулировать обширные

7 Auterion Introduces Breakthrough Drone Technology for Kinetic Military Use to Help Democracies Defend Themselves // Auterion, 28.04.2024. URL: <https://auterion.com/auterion-introduces-breakthrough-drone-technology-for-kinetic-military-use-to-help-democracies-defend-themselves/>.

8 Multi-Utility Tactical Transport (MUTT) UGV // Army Technology, 08.07.2020. URL: <https://www.army-technology.com/projects/multi-utility-tactical-transport-mutt-ugv/>.

9 The Arms and Military Equipment Germany Is Sending to Ukraine // Die Bundesregierung, 17.04.2025. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/military-support-ukraine-2054992>.

10 Уран-9 // Специальное конструкторское бюро МО РФ, [б.д.]. URL: <https://skbmo.ru/uran9.html>.

11 Хроленко А. Влияние СВО на развитие «урановой» группы роботизированных комплексов // Sputnik Узбекистан, 18.01.2024. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20240118/svo-vliyaniye-razvitiye-kompleks-razminirovaniya-42091493.html>.

морские пространства¹²; подводный аппарат с ядерной энергетической установкой «Посейдон» (Россия)¹³; подводный аппарат для разведки и противолодочной обороны HSU-001 (Китай)¹⁴; надводный аппарат *Sea Baby* (Украина) (применялся в атаке на Крымский мост в 2023 г.)¹⁵.

Перспективным направлением дальнейшего совершенствования автономных средств является обеспечение возможности их группового взаимодействия. С этой целью Управление перспективных исследований военного министерства США (DARPA) реализует программы по групповому применению БПЛА, автономным надводным и подводным объектам, наземным мобильным роботизированным платформам различного назначения.

Из групповых вооружений с ИИ одно из самых эффективных на поле боя — это так называемый рой дронов, т. е. отряд из беспилотных аппаратов с роевым интеллектом, который предусматривает скоординированные действия большого количества агентов (бойдов), взаимодействующих между собой и окружающей средой. Хотя каждый бойд следует простым базовым правилам, в совокупности система демонстрирует сложное совместное поведение. Она действует фактически как единый большой организм, подобный рою пчел. При этом рой имеет общую цель, но отдельные дроны способны действовать независимо, а также передавать информацию другим членам группы. Американская

12 Trevithick J. Navy's Sea Hunter Drone Ship Has Sailed Autonomously To Hawaii And Back Amid Talk Of New Roles // The War Zone, 04.02.2019. URL: <https://www.twz.com/26319/usns-sea-hunter-drone-ship-has-sailed-autonomously-to-hawaii-and-back-amid-talk-of-new-roles>.

13 Торпеду «Посейдон» назвали оружием апокалипсиса: почему ее боится весь мир // News.ru, 10.04.2023. URL: <https://news.ru/weapon/pyat-tysyach-hirosim-pochemu-torpedu-posejdon-nazvali-oruzhiem-apokalipsisa>.

14 Strachan D.R. China Enters the UAV Fray // The Diplomat, 22.11.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/china-enters-the-uav-fray/>.

15 Newdick T. New Drone Boat Named Sea Baby Used In Kerch Bridge Attack // The War Zone, 16.08.2023. URL: <https://www.twz.com/new-drone-boat-named-sea-baby-used-in-kerch-bridge-attack>.

армия провела успешные испытания крупнейшего в мире на тот период роя из 103 микродронов *Perdix* еще в октябре 2016 г.¹⁶ В настоящее время уже десятки государств (США, страны ЕС, Россия, Великобритания, Турция, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты, ЮАР и др.) активно разрабатывают и используют такие вооружения в различных целях, причем речь идет о многотысячных роях. Так, 18 июня 2025 г. агентство *Fars* Исламской Республики Иран сообщило о запуске по территории Израиля «десятков дронов-уничтожителей» с боезарядами, которые поразили заданные цели¹⁷.

Для оптимизации процесса принятия стратегических решений в боевых условиях ИИ используется в обработке больших объемов данных из различных источников и создания комплексных моделей, показывающих связи, закономерности и потенциальные последствия тех или иных действий в значительно более короткий промежуток времени. ИИ также может проводить моделирование для проверки возможных сценариев и получения оптимальных результатов, в т. ч. в кризисной ситуации.

В настоящее время в различных странах разрабатываются системы управления с ИИ, позволяющие осуществлять централизованное планирование и координацию проведения военных действий различного масштаба — от тактических до стратегических — в воздушном, космическом, морском, наземном, кибер- и электромагнитном пространстве. В англоязычной литературе такие действия получили название «многосферное управление и контроль» (*Multi-Domain Command and Control*, MDC). Подобная система оперативно-стратегического звена управления на основе симбиотического (человеко-машинного) интеллекта создает-

16 Department of Defense Announces Successful Micro-Drone Demonstration // U.S. Department of War, 09.01.2017. URL: <https://www.war.gov/News/Releases/Release/Article/1044811/departament-of-defense-announces-successful-micro-drone-demonstration/>.

17 СМИ: армия Ирана начала шестой этап атаки дронов на Израиль // РИА Новости, 18.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250618/iran-2023721834.html>.

ся для ВВС США компаниями *Lockheed Martin*, *L3Harris* и *Alphabet*. В ходе реальных военных действий, помимо традиционных задач управления, предполагается сохранение этой системой своих функций при потере командования. Используя комплект существующих командных центров, система после выхода из строя отдельных элементов и уровней принятия решений должна автоматически создавать новую конфигурацию узлов управления для сохранения управляемости своих сил и средств.

В России разработка новых систем управления на основе ИИ проводится для совершенствования межвидового взаимодействия через единый контур управления разнородными средствами целеуказания, огневого поражения и радиоэлектронного подавления, применяемыми воздушно-космическими силами и сухопутными войсками¹⁸. Задачи использования ИИ включены в сферу деятельности созданного в 2022 г. в структуре Министерства обороны Российской Федерации Управления развития технологий искусственного интеллекта¹⁹. Исследованиями в области технологий больших данных, машинного обучения глубоких нейронных сетей и применения ИИ в перспективных системах связи занимается, в частности, научно-исследовательская лаборатория «Технологии искусственного интеллекта» холдинга «Росэлектроника» (входит в госкорпорацию «Ростех»)²⁰.

К современным системам командования, управления, связи, разведки, наблюдения и рекогносцировки для поддержки принятия решений относятся: *Project Maven* (США) с алгоритмами машинного обучения для анализа видеоматериалов с БПЛА (ис-

18 Галкин Д.В., Коляндра П.А., Степанов А.В. Состояние и перспективы использования искусственного интеллекта в военном деле // *Военная мысль*. 2021. № 1. С. 113–124.

19 В Минобороны РФ создали управление по работе с искусственным интеллектом // ТАСС, 17.08.2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/15492531>.

20 Искусственный интеллект: новое содержание военной мощи // *Звезда*, 23.09.2022. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2022921178-RPjz.html>.

пытывается на Украине в боевых действиях против России)²¹; командная информационная система «Андромеда-Д» (Россия) с элементами ИИ для обработки данных из различных источников²²; система объединенного боевого управления JOCAS (Китай) с технологиями ИИ для анализа разведывательной информации²³.

ИИ также активно используется для *распознавания целей* в боевых условиях. Он позволяет получить детальное представление о районе операции путем изучения за короткое время отчетов, документов, новостей, фото-, видео- и другой информации. При этом ИИ способен предсказывать поведение противника, предвидеть уязвимости, погодные и экологические условия, оценивать стратегии и предлагать планы по оказанию помощи, что позволяет экономить время и человеческие ресурсы.

Уже сегодня в ряде стран, в том числе и в России, загоризонтные радиолокационные станции (РЛС) задействуют ИИ для быстрого распознавания военных объектов среди сотен получаемых отметок различных воздушных целей. Кроме того, известно о применении ИИ в РЛС обнаружения для классификации мало-размерных целей — таких, например, как БПЛА²⁴.

БПЛА, оснащенные элементами ИИ для распознавания целей, активно используются на передовой. Это такие системы, как MQ-9 *Reaper* (США), способный длительное время находиться

21 Sanger D. In Ukraine, New American Technology Won the Day. Until It Was Overwhelmed // The New York Times, 25.04.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/23/us/politics/ukraine-new-american-technology.html>.

22 Ераносян В. Туманна «Андромеда» только для глаз противника // Звезда, 01.09.2020. URL: <https://zvezdaweb.ru/news/20208261143-q1xUL.html>.

23 Говорун В. В Китае создали первый ИИ, который может руководить всеми вооруженными силами страны // Naked Science, 17.06.2024. URL: <https://naked-science.ru/community/966182>.

24 Huizing A. et al. Deep Learning for Classification of Mini-UAVs Using Micro-Doppler Spectrograms in Cognitive Radar // *IEEE A&E Systems Magazine*. 2019. Vol. 34. No. 11. P. 46–56.

в воздухе, выполняя задачи по тактической поддержке сухопутных войск, стратегическому наблюдению, а также немедленной обратной связи для подтверждения цели и оценки ущерба²⁵; *Wing Loong II* (Китай), который рассматривается экспертами в качестве аналога MQ-9 *Reaper*²⁶; различные модификации ZALA (Россия), оснащенные автономной навигацией и способностью автоматического формирования отчетов; *Loyal Wingman* (Южная Корея), способный выполнять разведывательные миссии и автономно сопровождать пилотируемые истребители (этот БПЛА планируется к эксплуатации вместе с истребителем следующего поколения KF-21 *Boramae*)²⁷.

Ярким примером огромного спектра проблем, связанных с применением ИИ на поле боя, является система распознавания целей с использованием ИИ «Евангелие» (ивр. «Хабсора»), которая с 2023 г. до настоящего времени используется Армией обороны Израиля (ЦАХАЛ) при нанесении ударов по ХАМАС в секторе Газа²⁸. Эксперты из Израиля сообщают, что в текущих военных действиях ИИ «Евангелие» значительно ускорил процесс создания списков целей, поставив процесс на поток. Можно предположить, что источниками могут быть данные со спутников в любое время суток и в любую погоду; информация с дронов; данные от приборов, фиксирующих активность и содержание мобильной и радиосвязи; данные от приборов, фиксирующих передвижение

-
- 25 Anderson C. MQ-9 Reaper: The World's Most Lethal Hunter-Killer Drone // Defense Feeds, 22.04.2025. URL: <https://defensefeeds.com/military-tech/air-force/air-force-uavs/mq-9-reaper/>.
- 26 Crowley T. Wing Loong II Drone — A Comprehensive Overview // NSIN, 01.04.2025. URL: <https://www.nsin.us/wing-loong-ii/>.
- 27 South Korea's Loyal Wingman Air Combat Drone Unveiled // The War Zone, 25.02.2025. URL: <https://www.twz.com/air/south-koreas-loyal-wingman-air-combat-drone-unveiled>.
- 28 Davies H., McKernan B., Sabbagh D. "The Gospel": How Israel Uses AI to Select Bombing Targets in Gaza // The Guardian, 02.12.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/the-gospel-how-israel-uses-ai-to-select-bombing-targets>.

транспорта; фото и видео членов ХАМАС, данные об их одежде, модели поведения, об их домах, о членах их семей. По открытым данным, в систему «Евангелие» заложены данные о 30–40 тыс. лиц, подозреваемых в принадлежности к ХАМАС или «Исламскому Джихаду».

Это очень большие массивы данных, которые ИИ обрабатывает в тысячи раз быстрее человека. По разным источникам, ИИ выделяет 3–15 тыс. целей в месяц. Далее они проверяются дежурным командиром подразделения, который принимает окончательное решение о нанесении ударов. Однако вызывает сомнения способность человека качественно проанализировать то количество целей, которое выдает ИИ, и адекватно оценить риск для гражданских лиц.

Израильские военные утверждают, что ИИ учитывает количество гражданских жертв в специальном рейтинге и подчеркивают точность и минимальный ущерб для гражданского населения. Однако факты доказывают обратное: по данным Министерства здравоохранения сектора Газа на май 2025 г., с 7 октября 2023 г. в Газе погибло уже более 50 тыс. мирных жителей, а более 118 тыс. человек получили ранения²⁹. Кроме того, речь идет о масштабных разрушениях в городе, где застройку на огромной площади попросту сравняли с землей.

Несмотря на то, что атаки на сектор Газа ведутся не только на основе данных от «Евангелия», многие эксперты сомневаются в эффективности этой системы ИИ. В связи с этим правомерность их использования (в т. ч. с точки зрения гуманитарного права) находится под большим вопросом, в особенности если учитывать большое количество неизбежных отклонений на данном этапе развития ИИ.

29 Минздрав Газы сообщил о более 52,5 тыс. погибших с октября 2023 года // ТАСС, 04.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23848673>.

Искусственный интеллект в ракетно-ядерной сфере

ИИ в ракетно-ядерной сфере, особенно на ее стратегическом уровне, является наиболее чувствительной областью. В Ракетных войсках стратегического назначения России (РВСН) достижения в области технологий ИИ используются для создания систем поддержки принятия решений и интеллектуальных образцов вооружения (в частности, их бортовых систем управления) различного назначения. Цели внедрения ИИ в рассматриваемой сфере разнообразны, и связаны с обеспечением устойчивых систем передачи данных и оптимизацией материально-технического обеспечения. Обобщенно их можно свести к следующим условным группам:

- наращивание возможностей Системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН);
- повышение устойчивости контуров управления ядерными силами, как в мирное время, так и в ходе боевых действий;
- оптимизация маршрутов боевого патрулирования авиации, наземных ракетных комплексов, надводных и подводных кораблей;
- планирование поражения целей и оценка потенциала преодоления средств противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО-ПРО) противника.
- повышение эффективности логистики материально-технического обеспечения.

На стратегическом уровне наибольшую роль может играть использование ИИ для наращивания потенциала разведки и целеуказания для ударов по носителям ядерного оружия (ЯО) в реальном масштабе времени, чему в значительной степени способствует формирование мегасозвездий космических аппаратов связи и дистанционного зондирования Земли. При этом требуется наличие соответствующих средств поражения с малым полетным временем до самых отдаленных районов базирования и патрулирования всех платформ ядерной триады. Практика показывает, что для этого могут быть использованы автономные

средства поражения, в т. ч. ударные БПЛА. Опыт событий июня 2025 г. — украинской диверсионной операции против самолетов-ракетоносцев российской Дальней авиации, а также израильских ударов по объектам иранского ракетного и ядерного потенциала — показывает, что при этом могут использоваться также дистанционно-управляемые средства поражения, в т. ч. активируемые в непосредственной близости к целям. Вместе с тем, теоретически возможно создание гиперзвуковых средств доставки для автономных барражирующих боеприпасов³⁰. Уязвимость стратегических вооружений перед «роями дронов» также была ранее описана в научной литературе³¹.

Параллельно с этим технологии ИИ позволяют оптимизировать и противодействие подобным атакам, снижая вероятность успеха обезоруживающих ударов. В частности, в связи с оптимизацией анализа «сырых» разведывательных данных из всех возможных источников значительно сокращается возможность незаметной подготовки такого воздействия. Кроме того, системы ИИ позволяют выстраивать маршруты боевого патрулирования авиационных, наземных и морских стратегических платформ (а также их материально-техническое обеспечение) с учетом минимизации всех возможных угроз. ИИ также, вероятно, может быть задействован в автономных системах боевого управления Стратегических ядерных сил (СЯС), что позволит гарантировано доводить команды на боевое применение СЯС в любых условиях стратегической обстановки. Элементы ИИ в бортовых системах управления будут повышать способность к преодолению существующих и перспективных систем ПВО-ПРО. В России к таким системам, возможно, относятся гиперзвуковой плани-

30 Богданов К.В., Стефанович Д.В. Мировое ракетное распространение: вызовы и решения // *Общественные науки и современность*. 2022. № 2. С. 63–77.

31 Kallenborn Z., Bleek P. Swarming Destruction: Drone Swarms and Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear Weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25. No. 5–6. P. 523–543.

рующий крылатый блок «Авангард», автономная океанская система «Посейдон» и крылатая ракета неограниченной дальности «Буревестник». Идут разработки по внедрению ИИ в гиперзвуковое оружие и в США³².

Целью применения ИИ в *системах управления в комплексах противоракетной и противовоздушной обороны* является ускорение обработки данных, поступающих от средств контроля воздушно-космической обстановки и предупреждения о ракетном нападении, а также в автоматическом управлении средствами обороны. Типичным примером такой ситуации является отражение массированного удара средств воздушно-космического нападения различных типов, летящих на разных высотах, скоростях и с разных направлений.

Особое значение ИИ в военном деле приобретает при использовании в ударе гиперзвуковых носителей, когда кардинально сокращается время для принятия ответных мер в связи с предполагаемым более поздним обнаружением приближающегося средства поражения и оценкой его вероятного нацеливания³³. В такой ситуации ИИ способен помочь центру управления вовремя корректно различить цели и дать команды на их поражение в нужном порядке, т. е. сформировать расчетные задачи в реальном масштабе времени с учетом постоянно меняющейся обстановки.

В перспективе для решения задач ПВО-ПРО в США планируется применение ИИ в качестве общего средства управления в единой распределенной информационно-управляющей системе стратегического уровня, содержащей компоненты, размещенные в разных частях света. В частности, в рамках реализации проекта «Золотой купол» по созданию «противоракетного щита» для территории США предполагается использование ИИ для оптимиза-

32 Rummler T., Future Hypersonics Could Be Artificially Intelligent // Sandia Lab News, 25.04.2019. URL: <https://www.sandia.gov/labnews/2019/04/25/hypersonics/>.

33 Отметим, что скорость образцов гиперзвукового оружия в целом меньше скорости традиционных баллистических ракет большой дальности.

ции всей системы³⁴, причем реализовать эту задачу планируется в т. ч. за счет привлечения частных компаний. Отмечается, что ключевой задачей «эшелона ИИ», находящегося «поверх всех эшелонов системы ПВО-ПРО», станет координация действий пусковых установок, противоракет и датчиков³⁵.

В США в настоящее время работают над внедрением ИИ в ядерную сферу³⁶. При этом подчеркивается ключевая роль ИИ в обеспечении прохождения сообщений, в т. ч. команд на боевое применение внутри автоматизированной системы боевого управления СЯС³⁷.

Одновременно растет практика вовлечения коммерческих компаний в процессы внедрения в стратегическую сферу технологий с элементами ИИ. Так, программное обеспечение *Lattice* компании *Anduril* будет использоваться для оптимизации взаимодействия устаревших, современных и перспективных элементов американской СПРН³⁸.

-
- 34 Judson J. Army Eyes Artificial Intelligence to Enhance Future Golden Dome // Defense News, 28.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/land/2025/03/28/army-looks-to-artificial-intelligence-to-enhance-future-golden-dome/>.
- 35 Erwin S. L3Harris Taps Commercial AI Partners for Pentagon's Golden Dome Program // Space News, 13.03.2025. URL: <https://spacenews.com/l3harris-taps-commercial-ai-partners-for-pentagons-golden-dome-program/>.
- 36 Hadley G. AI "Will Enhance" Nuclear Command and Control, Says STRATCOM Boss // Air & Space Forces, 28.10.2024. URL: <https://www.airandspaceforces.com/stratcom-boss-ai-nuclear-command-control/>.
- 37 Trevithick J. How the Military Wants AI to Help Control America's Nuclear Arsenal // The War Zone, 07.03.2025. URL: <https://www.twz.com/nuclear/this-is-how-the-military-wants-ai-to-help-control-americas-nuclear-arsenal>.
- 38 Erwin S. Anduril Secures \$99.7 Million Contract for Space Force Network Upgrade // Space News, 21.11.2024. URL: <https://spacenews.com/anduril-secures-99-7-million-contract-for-space-force-network-upgrade/>.

Искусственный интеллект и стратегическая стабильность

Несмотря на существующие угрозы и этические проблемы, при взвешенном и конструктивном подходе ИИ может способствовать укреплению взаимного ядерного сдерживания и тем самым стратегической стабильности. Потенциально применение технологий ИИ может повысить уровень стратегической стабильности при условии международного контроля или хотя бы сотрудничества для обеспечения более четкого понимания влияния ИИ на применение стратегических ядерных сил³⁹.

Инициативы администрации Дж. Байдена по закреплению на международном уровне взглядов на значимый человеческий контроль в сфере ИИ (в первую очередь, в области систем боевого управления ядерными силами) учитывали, на наш взгляд, не все аспекты и возможные последствия влияния ИИ на эту крайне чувствительную сферу отношений государств. Китай пока не представлял развернутой официальной позиции по оценке влияния ИИ на стратегическую стабильность, хотя ранее в общем виде Пекином была поддержана формулировка о необходимости сохранения человеческого контроля за решением о применении ЯО⁴⁰.

В России на высоком военном уровне подчеркивается: «С точки зрения принятия решения на применение ЯО замена человека в настоящее время нецелесообразна»⁴¹. Согласно основополагающим документам Российской Федерации в сфере

39 Lin H. Artificial Intelligence and Nuclear Weapons: A Commonsense Approach to Understanding Costs and Benefits // *Texas National Security Review*. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 98–109.

40 President Xi Jinping Meets with U.S. President Joe Biden in Lima // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 17.11.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202411/t20241117_11527672.html.

41 Надежная опора безопасности и суверенитета России, интервью с командующим РВЧН С.В. Каракаевым // Красная Звезда, 17.12.2024. URL: <http://redstar.ru/nadyozhnaya-opora-bezopasnosti-i-suvereniteta-rossii/>.

ядерного сдерживания, решение о применении ЯО принимает президент⁴².

С учетом разворачивающегося процесса внедрения систем ИИ в ядерную сферу на различных уровнях, отдельными специалистами предлагаются различные меры укрепления доверия: формальный отказ от внедрения ИИ в отдельные системы ВВТ, укрепление инфраструктуры экстренной связи между ядерными странами, формирование новых норм ответственного поведения, создание тематических образовательных программ и др.⁴³

На сегодняшний день целесообразным направлением работы в данной области представляется также развитие международного многостороннего диалога по обмену передовым опытом внедрения прорывных технологий, в т. ч. ИИ, в область стратегических вооружений, восприятию последствий такого внедрения вероятными противниками (равно как и союзниками и партнерами) и формированию единого понятийно-категориального аппарата для обсуждения данной проблематики.

Как показывает проведенный анализ, в дальнейшем применение ИИ в военном деле будет только нарастать. Невозможно дать однозначную оценку этим процессам ни в области обычных вооружений, ни в ракетно-ядерной сфере. Важнейшей задачей се-

42 Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Указ Президента России № 991 от 19.11.2024. П. 20 // Официальный сайт президента России, 19.11.2024. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45562>.

43 Wehsener A., Reddie A.W., Walker L., Reiner P. AI-NC3 Integration in an Adversarial Context: Strategic Stability Risks and Confidence Building Measures // Institute for Security and Technology, February 2023. URL: <https://securityandtechnology.org/virtual-library/reports/ai-nc3-integration-in-an-adversarial-context-strategic-stability-risks-and-confidence-building-measures/>.

годняшнего дня является недопущение внедрения ИИ в военной сфере явочным порядком, без должной оценки всех последствий и предпосылок такого внедрения. Решение этой задачи имеет и национальное, и международное измерение. С учетом невысокой динамики официального диалога по соответствующим сюжетам на международных площадках, особая роль выпадает на долю научного и экспертного сообщества, несмотря на недостаточно формализованные национальные подходы к этому вопросу.

Противостояние США и Китая в Азиатско- Тихоокеанском регионе

АЛЕКСАНДР НИКИТИН

Двадцатый Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшийся в 2022 г., выдвинул лозунг превращения Китая в «модернизированное социалистическое государство»¹. В Пекине не используют термин «сверхдержава», но по смыслу призывают именно к выведению страны на уровень, превышающий показатели развития всех или почти всех других держав.

США с 2025 г. с приходом администрации Д. Трампа 2.0 также вернулись к заявленным еще в первый срок президентства Трампа лозунгам закрепления за Америкой сверхдержавного статуса и мирового первенства. В этом смысле Д. Трампу необходимы внешнеполитические достижения на дальнюю перспективу и в особенности — успехи на «фронте» американо-китайского противостояния.

Столкновение планов и амбиций США и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) не сочетается с их экономической взаимозависимостью, однако оно обостряется на протяжении последнего десятилетия — прежде всего, в силу атакующей позиции Вашингтона. Сложилось многослойное противостояние, в котором ключевую роль играют тарифные войны и санкционная политика, с одной стороны, и военно-технологическая гонка — с другой.

На этом фоне продолжается быстрый рост военных расходов как Соединенных Штатов, так и Китайской Народной Республики (КНР). Военные расходы США выросли в 2024 г. на 5,7%, достигнув 997 млрд долл., или 37% от общемировых военных трат. У Китая военные расходы в 2024 г., по данным СИПРИ, увеличились на 7% до 314 млрд долл. если брать широкую оценку с учетом непрямых военных трат, или, если рассматривать официальные данные, в 2025 г. было намечено увеличить оборонный бюджет на 7,2% — до 245,5 млрд долл.² При этом КНР расходует до 50%

1 Зуенко И. XX съезд Компартии Китая: основные итоги // РСМД, 28.10.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnye-itogi/>.

2 Рост расходов Китая на военные нужды составит в 2025 году 7,2% // Интерфакс, 05.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1012000>.

средств, выделяемых на военные нужды всеми странами Азии и АТР, в несколько раз опережая по военным расходам другие крупнейшие страны региона — Индию, Японию, Южную Корею.

Реформирование китайской армии и рост ядерного арсенала

В последнем (декабрь 2024 г.) докладе Конгрессу США по Китаю Пентагон представил свои оценки китайских вооруженных сил. Вашингтон считает, что ему противостоит крупнейшая в мире армия, в которой примерно 2 035 000 военных, 510 000 резервистов и 500 000 полувоенного (военизированного) персонала, что складывается в общую численность в 3 045 000 человек³.

Китайская военная доктрина предполагает обеспечение возможностей КНР «вести и выигрывать войны против сильного противника... противостоять вмешательству внешних сил в конфликт на периферии КНР и обеспечивать глобальную проекцию силы»⁴.

Современное реформирование и развитие китайских вооруженных сил происходит в соответствии с направлениями, определенными документом 2020 г. «Цели столетней борьбы в сфере военного строительства», или «Цели 2027 года» (подразумевается предстоящий в 2027 г. столетний юбилей образования Народно-освободительной армии Китая — НОАК). XX съезд КПК, прошедший в 2022 г., поставил следующие задачи реорганизации военных возможностей КНР, адаптировав «Цели-2027» и обозначив задачи на перспективу до 2035 и 2050 гг.⁵

3 *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. Annual Report to Congress.* Washington, DC: U.S. Department of Defense, 2024. P. 44.

4 Ibid.

5 Кашин В.Б. XX съезд КПК и его влияние на политику КНР в сфере обороны // *Российское Китаеведение.* 2023. № 1. С. 35–45.

К 2027 году: ускорить в вооруженных силах интегрированную механизацию, информатизацию и внедрение искусственного интеллекта (ИИ), одновременно осовременивая военную теорию, реформируя военную организацию, переучивая личный состав вооруженных сил, осваивая новые виды оружия и военной техники.

К 2035 году: полностью завершить модернизацию военной теории, организационной структуры, переучивание личного состава вооруженных сил и перевооружение армии и военно-морского флота, авиационных и космических сил.

К 2049 году: полностью трансформировать народные вооруженные силы в армию мирового класса. К 2050 г. Китай должен обладать сильнейшими вооруженными силами и крупнейшим океанским военным флотом, способностью глобального проецирования военной мощи.

В значительной мере реформирование и развитие китайских вооруженных сил происходит с оглядкой на развитие военных возможностей США как основного потенциального противника.

Современный ядерный арсенал Соединенных Штатов, по оценкам Федерации американских ученых, составляет 5177 ядерных боезарядов (ЯБ), включая боезаряды межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования и боезаряды, размещенные на подводных лодках и стратегических бомбардировщиках, которые в том числе курсируют в Индийском океане и АТР, в досягаемости до китайских берегов и зон китайских интересов. Американский ядерный арсенал (с учетом развернутых, резервных и предназначенных к утилизации боезарядов) примерно в 10 раз превосходит нынешний ядерный арсенал КНР.

Пентагон считает, что в середине 2024 г. масштаб китайского ядерного арсенала перевалил за 600 боеголовок, — при том, что еще в 2022 г. в докладе Конгрессу о китайской военной мощи называлась цифра в 300 ядерных боезарядов. Китайский ядерный арсенал модернизируется и наращивается быстрее, чем у какой-либо из девяти держав, располагающих ядерным оружием.

В то же время в последнем и предпоследнем докладах Конгрессу Пентагон скорректировал сделанные ранее прогнозы о возможном создании Китаем 1500 боеголовок к 2035 г. Было

указано, что оценочные запасы оружейных материалов, имеющих у Китая, позволят довести масштабы арсенала до примерно 1000 боеголовок к 2030 г., а дальнейшее увеличение числа собираемых боезарядов потребует расширения производства ядерных оружейных материалов⁶.

Существенно, что даже при реализации предыдущего прогноза о полутора тысячах боеголовок к середине следующего десятилетия, Китай все равно не достиг бы и половины того количества боезарядов, которые сегодня есть в ядерных арсеналах США и России (считая не только развернутые, но и резервные арсеналы).

Однако можно утверждать, что происходит отход КНР от давно заявленной стратегии «минимального сдерживания». Бывший заместитель командующего Стратегическим командованием США генерал-лейтенант Т. Буссери справедливо заметил, что «дело не только в количестве единиц в арсенале... а еще и в том, какие из них оперативно развернуты, каков статус сил, размещение этих развернутых сил»⁷.

За последние пять лет Китай нарастил больше типов и единиц ядерных вооружений, чем когда-либо в прошлом. Продолжилось создание трех крупных баз шахтных межконтинентальных твердотопливных ракет в северо-западных районах страны — ракет, до которых не достают средства доставки с окружающих Китай морских баз США, не считая тяжелых бомбардировщиков. Строятся новые базы и пусковые установки для жидкостных стратегических ракет DF-5 с дальностью 13 тыс. км. В целом наращается количество ЯБ для стратегических ракет стационарного и мобильного базирования.

В секторе ракет средней дальности китайский арсенал ракет DF-26 двойного назначения с радиусом поражения до 4 тыс. км достиг 250 единиц. Они выпускаются в трех модификациях, из которых одна предназначена для поражения морских целей и не

6 *Military and Security Developments...* Op. cit. P. 107–109.

7 Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight M. Chinese Nuclear Weapons, 2025 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2025. Vol. 81. No. 2. P. 135–160.

рассчитана на ядерные боеголовки, однако две других могут получить ядерное оснащение. Число ядерных боезарядов на этих ракетах оценивается в 100 ед., причем для нестратегических задач специально разработаны боеголовки пониженной мощности. В 2026 г. планируется развертывание нового типа ракет DF-27 средней дальности с радиусом 5–8 тыс. км.

На флоте на шести подлодках осуществляется замена⁸ ракет JL-2 дальностью 7200 км, способных из защищенных районов в Южно-Китайском море (ЮКМ) достать до Аляски, Гуама и Гавайских островов, на ракеты JL-3 дальностью 9–10 тыс. км (по 12 ед. на каждой подлодке). Эти новые ракеты уже достают до континентального побережья и северо-западных районов США из северной части омывающих Китай морей, но не могут поразить Вашингтон или восточное побережье США без выдвижения далеко в океан. Налажено постоянное боевое дежурство этих подводных ракетоносцев: по крайней мере один из них постоянно находится в море, что гарантирует живучесть и нанесение ответного ядерного удара при любом сценарии военных действий на берегу.

Что касается воздушного компонента ядерной триады, то Китай оснастил для стратегических миссий свои 20 бомбардировщиков H-6N, разместив на них ракеты, способные нести ядерные боеголовки. Продолжаются и работы над новым стратегическим бомбардировщиком-«невидимкой» H-20 (будет развернут не ранее 2030 г.), который при дозаправке в воздухе (дозаправщики уже испытаны) сможет долетать до континентальной территории США.

8 По другим данным, этот процесс уже завершен. См.: Kristensen et al. Chinese Nuclear Weapons, 2025. Op. cit.

Возможные доктринальные изменения в ядерной стратегии Китая

Китай традиционно подчеркивает, что его ядерная доктрина базируется на принципе *неприменения ядерного оружия* первым ни в какое время и ни при каких обстоятельствах. Также оговаривается, что ядерное оружие Китая не будет применено против неядерных государств или по территории безъядерных зон. Еще одним принципом ядерной доктрины Китай называет *соблюдение минимального уровня ядерного сдерживания*, обеспечивающего национальную безопасность (хотя на доктринальном уровне этот минимальный уровень не получает количественной оценки).

Но принцип неприменения ядерного оружия первыми не должен быть просто политическим обещанием — он должен материализоваться в структуре арсенала и типах вооружений. Ранее Китай практически все свои ядерные боезаряды держал отдельно от носителей, что гарантировало невозможность их неожиданного использования в первом ударе, а значительная часть носителей и боеголовок была спрятана в подземных хранилищах в горной местности. Однако в последнее время этот принцип стал постепенно размываться. Появились данные о постоянном боевом дежурстве подлодок, на которых боезаряды находятся на носителях. Также обсуждается перевод небольшой части арсенала на высокую боеготовность для запуска по предупреждению о ракетном нападении (ответно-встречный удар). В войсках периодически проводятся учения по переходу дивизионов ракетных войск на уровень «полной» и «высокой» боеготовности к ракетным пускам.

Американская сторона полагает, что Китай создает систему раннего предупреждения о ракетном нападении, которая в основном базируется в космосе, с использованием военных спутников, но с участием наземных радарных станций. Одновременное строительство сотен новых шахт на северо-западе страны, которое делает возможным быстрый запуск твердотопливных ракет, может означать, что Китай планирует переход на концепцию ответно-встречного удара, позволяющий избежать уничтожения

ракет в пусковых шахтах в результате удара противника. Уже проводились учения ракетных сил со сценарием получения сигнала об обнаружении летящих ракет противника и опережающим встречным запуском собственных ракет.

Несмотря на следование Пекина политике неприменения ядерного оружия первым, доклад Пентагона Конгрессу 2024 г. предполагает, что ядерная доктрина Китая включает рассмотрение возможности применения ядерного оружия в ответ на массированные неядерные атаки, которые будут представлять угрозу жизнеспособности ядерных сил КНР или иметь стратегические последствия, сравнимые с ядерным ударом⁹.

В мае 2025 г. Пекин отверг предложение Вашингтона продолжить неформальные переговоры по вопросам ядерных вооружений, предыдущий раунд которых прошел в ноябре 2023 г. Представитель посольства КНР в Вашингтоне потребовал от США «прекратить мегафонную дипломатию» и призвал страны с крупнейшими запасами ядерного оружия «значительно и существенно» сократить свои арсеналы, что станет предпосылкой переговоров с Китаем¹⁰. Ранее, в феврале 2025 г., Пекин предложил Вашингтону принять такую же политику неприменения ядерного оружия первыми, которую провозгласил Китай.

Научно-техническая «война» между США и Китаем

В последнее время интенсивность научного, технологического и военно-технического противоборства между США и Китаем настолько повысилась, что китайские аналитики начали использовать

9 *Military and Security Developments...* Op. cit. P. 102.

10 Hammer M. China Declines to Meet with U.S. on Nuclear Arms Control // Semafor, 02.05.2025. URL: <https://www.semafor.com/article/05/01/2024/china-declines-to-meet-with-us-on-nuclear-arms-control-us-official-says>.

термин «научно-техническая война»¹¹, обнаруживая во встречаемых действиях правительств и корпораций двух стран немало аналогий с традиционными и современными военными стратегиями. Используются такие средства, как ужесточение экспортного контроля, введение непомерных тарифов, запреты и ограничения на инвестирование в экономику и науку страны-конкурента, финансовые и экономические санкции, блокировка информационных каналов, ограничение научно-технических обменов и обучения студентов из страны-конкурента, повышение уровней секретности во всех отраслях науки и производства. Китай при этом активизирует стратегию преодоления зависимости от технологического импорта и укрепляет свой *технологический суверенитет*, создавая или находя замену цепочкам поставок, перекрытым со стороны США посредством санкционной политики¹².

Научно-техническая и технологическая сферы стали передовым рубежом американо-китайской конфронтации. В этих сферах обе стороны, а особенно США, стали рассматривать соперничество по формуле «противостояния с нулевой суммой»: каждое технологическое и даже научное достижение страны-конкурента стало восприниматься как собственный проигрыш и отставание. По аналогии с «гонкой вооружений» по ряду технологических направлений (ИИ, электроника, электромобили и др.) возникла «гонка технологий».

С начала XXI в. разрыв между Китаем и США в экономической, военной и научно-технологической областях постоянно сокращался. В 2010 г. по совокупному валовому внутреннему продукту Китай обогнал Японию и стал второй экономикой мира

11 Адаптации термина «войны» к технологическому противоборству США и Китая посвящен, в частности, ключевой проект Государственного фонда социальных наук КНР, см.: Cuihong C., Bie W. Strategy of U.S. Tech-war Toward China // *Journal of Strategy and Decision-Making*. 2025. No. 2, P. 26–47.

12 Данилин И.В., Сидорова Е.А. Концепция технологического суверенитета в меняющемся мире // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024. № 3 (64). С. 238–243.

с показателем 40,47% от общего ВВП США. В 2023 г. ВВП Китая составил уже 64,18% от американского показателя¹³, а по величине ВВП по ППС (паритету покупательной способности) Китай недавно превзошел США. Тем не менее, по-прежнему наблюдается отставание КНР от США (приблизительно вдвое в долларовом выражении) по объемам расходов на научные исследования и разработки.

Показательной является также ситуация с динамикой инноваций, отраженная в росте количества патентов на открытия и технологии. В 2010 г. в США было зарегистрировано 490 000 патентных заявок, а в Китае — 391 000. К 2024 г. соотношение составило 598 000 патентных заявок в США и 1 677 000 в Китае. По разработкам в сфере искусственного интеллекта на Китай приходится 61% всех зарегистрированных патентов по этой тематике, в то время как на США — 21%. На рынке промышленных роботов доля Китая к 2022 г. составила 52,4%, т. е. более половины всей производимой в мире высокотехнологичной продукции этого типа¹⁴. Вместе с тем в Китае сохраняется ряд проблем, связанных с качеством патентных заявок, которые власти КНР стремятся решить¹⁵.

В ответ США в рамках государственной научно-технологической и инновационной политики стали наращивать поддержку приоритетных технологий, включая микроэлектронику, возобновляемые источники энергии, технологии безопасности передачи данных и кибербезопасности и некоторые другие, а также военные разработки в сфере гиперзвука. Это, в частно-

13 GDP — United States, China // World Bank Country Official Statistics, [n.d.]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=US-CN>.

14 Фиговский О. Противостояние США и Китая в науке и технике // Нанотехнологическое общество России, 03.04.2025. URL: <https://www.rusnor.org/pubs/articles/22175.htm>.

15 Мировой лидер патентования поднимает планку качества // Институт статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ), 02.03.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/818184234.html>.

сти, нашло свое отражение в обновленных в 2024 г. перечнях критических технологий¹⁶.

США предпринимают меры по недопущению китайских технологий на американские рынки и их вытеснению. В свой первый срок президентства Д. Трамп издал запрет на использование оборудования китайского компьютерного лидера корпорации *Huawei* в государственных ведомствах и коммуникационных сетях США. Под давлением Соединенных Штатов в 2023 г. Еврокомиссия исключила *Huawei* из числа поставщиков сетей внутри ЕС и объявила замену уже установленного китайского оборудования коммуникационной инфраструктуры. Схожие процессы происходят на рынках электромобилей, солнечных панелей и в ряде других.

В свою очередь, Китай пытается захватить первенство в разработке новых стандартов в электронно-коммуникационной сфере. В Международном союзе электросвязи (МСЭ) китайская компания *China Mobile* выступает координатором разработки передового коммуникационного стандарта 6G, интегрируя в него китайские технические спецификации. В рамках макропроекта «Пояс и путь» развивается подпроект «Цифровой Шелковый путь» в качестве комплексного канала для экспорта китайских технических стандартов и оборудования.

Технологическое соперничество Китая и США распространилось и на космос, причем как на военные, так и на научные программы. Особую важность Пекин придает Лунной программе КНР, которая имеет не только технологическое, но и политико-символическое значение. Программа разбита на три этапа: с 2004 г. ведется исследование Луны автоматическими космическими аппаратами; до 2030 г. планируется высадка китайских тайконавтов на Луне, а до 2040 г. — создание под эгидой КНР

16 Critical and Emerging Technologies List Update. Report of the National Science and Technology Council // The White House. President Joe Biden, February 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/02/Critical-and-Emerging-Technologies-List-2024-Update.pdf>.

международной стационарной обитаемой научно-исследовательской станции на лунной поверхности.

Соединенные Штаты законодательно ограничивают инвестиции американских компаний и частных лиц в высокотехнологичные сферы Китая. Комитет по иностранным инвестициям США (CFIUS) ограничивает инвестиции, а также слияния и поглощения с участием китайских технологических компаний в США вопреки принципу недискриминации. Комитет усилил проверки иностранных инвестиций в таких областях, как микроэлектроника, ИИ, биотехнологии, квантовые вычисления и обеспечение конфиденциальности данных, отсеивая и запрещая участие в них китайских компаний.

Китайско-американские научные обмены в высокотехнологичных сферах заморожены с американской стороны. 162 китайских сотрудника американских организаций и компаний были обвинены Министерством юстиции США в том, что, обучаясь или работая в США, они совершали «кражи» технологических и промышленных секретов¹⁷. Федеральная комиссия США по коммуникациям (FCC) под давлением Госдепартамента отклонила заявку *China Mobile* на восьмилетнее продление лицензии на операции на территории США и аннулировала разрешения операторов связи для трех других китайских компаний, заявив, что китайские компании якобы собирали разведанные и занимались шпионажем в США.

В целом и в США, и в Китае набирают популярность идеи *технонационализма*, усиленные геополитическими и экономическими обоснованиями. Подтверждается значимость обретения и сохранения *технологического суверенитета* в современную эпоху. И если Китай реализует этот курс самостоятельно, то США мобилизуют целый ряд технологически развитых союзников —

17 Guo E., Aloe J., Hao K. The U.S. Crackdown on Chinese Economic Espionage Is a Mess. We Have the Data to Show It // Technology Review, 02.12.2021. URL: <https://www.technologyreview.com/2021/12/02/1040656/china-initiative-us-justice-department/>.

Японию, Тайвань, Южную Корею, Индию, Австралию, западно-европейские страны и крупнейшие компании этих стран.

США пытаются подавить развитие китайской науки и техники путем широкого комплекса мер. Однако чрезмерное ограничение потока китайских технологий может ослабить конкурентоспособность американских технологических компаний на мировом рынке и повлиять на стабильность транснациональных цепочек поставок. Такая политика, кроме того, подталкивает Китай к ускоренному созданию и продвижению собственных инноваций, что может в итоге привести к снижению зависимости от американских технологий и способствовать укреплению незападных технологических альянсов, т. е. к ослаблению технологического доминирования США.

Впрочем, говорить об окончательном разрыве научно-технических связей между США и КНР пока не приходится — это невыгодно обеим странам. Одним из подтверждений может служить то, что в декабре 2024 г. Китай и США возобновили межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве. США не могут игнорировать тот факт, что у Китая есть очевидные сильные стороны: активная государственная политика поддержки сферы инноваций, монопольные позиции в производстве ряда типов сырья и высокотехнологичной продукции, высококвалифицированная рабочая сила, крупнейшие в мире производственные мощности. В будущем то, как две страны найдут баланс между агрессивным соперничеством и нормальным конкурентным взаимодействием, повлияет на порядок всего глобального научно-технического развития.

Формирование антикитайских и прокитайских геополитических конфигураций

«Индо-Тихоокеанская стратегия США», которая была принята при администрации Дж. Байдена в 2022 г., начинается со слов:

«США — индо-тихоокеанская нация...»¹⁸. То, что США «тихоокеанская» держава — несомненно, а что «индо-тихоокеанская» — сомнительно. Официальная линия Китая, России и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) как ведущей региональной организации в АТР заключается в отрицании права Вашингтона объединять воды и берега Индийского и Тихого океанов в единое поле своих интересов так, как будто там нет исторически сложившихся и устоявшихся региональных связей и ареалов.

Первую Индо-Тихоокеанскую стратегию США выдвинул президент Д. Трамп в 2017 г., дав ясно понять, что этот комбинированный регион приобрел для США высокую приоритетность, а наращивание китайской экономической и военной мощи в нем противоречит американским интересам.

Геополитически и идеологически мотивированное комбинирование Вашингтоном регионов АТР и Индийского океана создает условное общее пространство 52 стран с населением 5,9 млрд человек. Вашингтон пытается вовлечь 13 наиболее развитых стран этого пространства, исключая Китай (с США — 14), в Индо-Тихоокеанскую экономическую структуру (*Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity*, IPEF), которая, если процесс удастся завершить, будет объединять страны, вырабатывающие 40% мирового ВВП и осуществляющие 28% мировых торговых операций¹⁹. Этому объединению придается явная антикитайская направленность.

Ранее в макрорегионе по инициативе Вашингтона были сформированы Четырехсторонний альянс QUAD в составе США, Австралии, Японии и Индии и трехсторонний блок AUKUS (Австралия, Великобритания, Соединенные Штаты). США пытаются ввести в состав QUAD+ также Южную Корею, Вьетнам, Новую Зе-

18 Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. President Joe Biden, February 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.

19 Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // U.S. Department of Commerce, [n.d.]. URL: <https://www.commerce.gov/ipef>.

ландию и другие страны АТР. В рамках обоих альянсов осуществляется военно-политическое сотрудничество, но одновременно о них можно говорить и как о техноэкономических блоках.

В рамках QUAD для координации военно-промышленных и технологических усилий США с Японией, Индией и Австралией созданы «Рабочая группа по критическим и перспективным технологиям» и «Рабочая группа высокого уровня по сетевым коммуникациям». США стремятся привлечь на свою сторону и ограничить ориентацию на китайские стандарты и технологии таких стран, как Япония, Южная Корея, Австралия, а также наиболее технологически развитых стран АСЕАН (Вьетнам, Таиланд, Филиппины, Индонезия и др.).

Соединенными Штатами активно создаются новые эксклюзивные механизмы для конкретных технологических областей, такие как Глобальное партнерство по искусственному интеллекту (GPAI). Формируется и четырехсторонний (на базе QUAD) альянс по сотрудничеству в области микроэлектронных чипов (CHIP4), чтобы способствовать возрождению цепочки производства полупроводников в США. Эта антикитайская интеграция охватывает не только высокотехнологичные отрасли, но и более широкую индустриальную базу. В частности, Вашингтон предлагает странам Индо-Тихоокеанского региона присоединиться к Партнерству по безопасности поставок полезных ископаемых (MSP) с целью уменьшения зависимости от поставок ключевых видов сырья из Китая, в чем в масштабе региона он имеет преимущества.

Реагируя на попытки США создать в АТР и Южной Азии блоки антикитайской направленности, Китай начал активнее продвигать собственные форматы региональной интеграции. В Куала-Лумпур (Малайзия) в мае 2025 г. был проведен форум, на котором встретились представители высокого государственного уровня из КНР, АСЕАН и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Хотя основная тематика форума была торгово-экономической, премьер-министр КНР Ли Цян, выступая там, подчеркнул геополитическую значимость диалога: «Встречаясь лицом к лицу с эскалацией геополитических конфликтов и конфронта-

ций, мы можем создать долгосрочные стратегические возможности...»²⁰. Он добавил, что представленные на форуме страны объединяют по численности населения четверть человечества, но на него приходится лишь 5% мировой торговли, что создает большой потенциал для роста.

В ответ на формирование Транс-Тихоокеанского партнерства²¹ (альтернативного АТЭС торгово-экономического объединения стран, в которое не были приглашены Россия и Китай) Пекин успешно сформировал в 2022 г. Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) в составе 15 государств АТР. По данным Всемирного банка, партнерство охватывает 2,3 млрд человек, на него приходится около 30% мирового ВВП, более четверти мировой торговли товарами и услугами и 31% мирового притока прямых иностранных инвестиций²². Россия по ряду причин не приняла участие в переговорном процессе по созданию объединения, а Индия вышла из переговорного процесса на полпути, в силу чего Китай остался неоспоримым локомотивом объединения.

20 Siqi J. China Pushes for a New “Asian Alliance” as It Signs Deals With Asian, Gulf States // South China Morning Post, 28.05.2025. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3312111/china-pushes-new-asian-alliance-it-signs-deals-asean-gulf-states>.

21 ТПП было сформировано по инициативе Вашингтона в период президентства Б. Обамы, но Д. Трамп вывел США из объединения в 2017 г. Переформатированное Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП) с 2018 г. объединяет 11 стран АТР.

22 Портанский А.П. Вступление в силу ВРЭП способствует укреплению лидерства Китая в АТР // Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 12.01.2022. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vstuplenie-v-silu-vrep-sposobstvuet-ukrepleniyu-liderstva-kitaya-v-atr>.

Противостояние США и Китая в Южно-Китайском море

Нынешний стратегический план применения ядерного оружия Соединенными Штатами — так называемый OPLAN 8010-12 — представляет собой комплекс оперативных планов, нацеленных против четырех противников: России, Китая, Северной Кореи и Ирана.

В зависимости от сценария развития событий, значительная часть американского арсенала стратегических ядерных сил может быть направлена на китайские цели с применением всех компонентов ядерной триады.

Как известно, около 100 тактических ядерных бомб типов B61-3, B61-4, B61-12, мощность которых может варьироваться от 0,3 до 170 кт, находятся на шести военных базах НАТО в пяти странах в Европе. Еще около 100 таких же тактических боезарядов хранятся на складах на территории США, будучи предназначенными для чрезвычайных операций и операций поддержки за рубежом, в том числе в Северо-Восточной Азии²³.

В годы холодной войны почти всё патрулирование американских ядерных подводных лодок, несущих ядерные ракеты, осуществлялось в Атлантическом океане на случай конфронтации между НАТО и странами Варшавского договора. Теперь же более 60% боевых походов подводных атомных лодок, а их происходит от 30 до 36 в год со средней длительностью 77 суток, проводится в Индийском и Тихоокеанском регионах, «отражая расширение ядерного планирования, направленного против Китая и Северной Кореи»²⁴.

США пытаются обвинить Китай в глобальной проекции своей военной силы, однако ежегодные доклады Пентагона Кон-

23 Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight-Boyle M. United States Nuclear Weapons, 2025 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2025. Vol. 81. No. 1. P. 53–79.

24 Ibid.

грессу по развитию военной сферы в КНР за 2023 и 2024 гг. не отмечают никаких долгосрочных геополитических действий КНР, помимо эксплуатации военной базы в Джибути, заходов китайских военных кораблей в Аденский залив и отправки китайских контингентов в состав миротворческих операций ООН. Основные претензии США сосредоточены на действиях КНР в Южно-Китайском море и вокруг него, включая Тайваньский пролив. Правда, в американских обзорах все чаще звучат мнения, что вся масштабная программа «Пояс и путь» представляет собой не только расширение торгово-экономической связности, но и обозначение новых геостратегических векторов распространения китайского влияния и военно-инфраструктурных возможностей. Имеется в виду, что возводимые порты и транспортные хабы по траекториям «Шелкового пути» могут получить в будущем и военное значение.

Базовые позиции КНР в отношении ЮКМ остаются неизменными много лет. В китайской Белой книге по обороне 2019 г. утверждается: «Острова Южно-Китайского моря и острова Дяоюй являются неотъемлемой частью китайской территории. Китай осуществляет свой национальный суверенитет в целях создания инфраструктуры и развертывания необходимого оборонительного потенциала на островах и рифах Южно-Китайского моря, а также патрулирования в водах островов Дяоюй в Восточно-Китайском море»²⁵. Фактически Китай рассматривает ЮКМ как свое внутреннее море и пытается утвердить эту позицию возведением искусственных островов, ограничением рыболовной активности и разведки подводных полезных ископаемых со стороны других государств, действиями своих военных кораблей и вытесняющей активностью частных флотилий малых судов.

В настоящее время противостояние в ЮКМ развивается как минимум на трех пересекающихся треках. Первый уровень — это

25 China's National Defense in the New Era // The State Council Information Office of the PRC, 24.07.2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

споры о суверенной принадлежности архипелага Спратли и Парасельских островов между Китаем и имеющими выход к Южно-Китайскому морю Вьетنامом, Тайванем и Филиппинами. США только косвенно участвуют в этом срезе противостояния в статусе скорее болельщика, чем игрока. Дебаты на этом уровне тормозятся отсутствием единой позиции других государств-участников по претензиям к Китаю и наличием пересечений между их требованиями на акватории.

Второй трек — это столкновение подходов КНР и стран АСЕАН к принципам поведения в ЮКМ, которое проявляется в спорах вокруг Декларации поведения в ЮКМ и потенциального Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. Здесь следует отметить требование Китая, чтобы в решении территориальных разногласий принимали участие только государства, непосредственно вовлеченные в данный конфликт. На основе такого подхода Пекин вытесняет Вашингтон из процессов урегулирования. А учитывая количественное превосходство группы стран-претендентов над Китаем в случае принятия решений большинством голосов, Пекин также настаивает на применении в спорах по ЮКМ принципа консенсуса — т. е. права одной страны блокировать любое решение.

Наконец, третий трек — это, собственно говоря, макро-противостояние Китая и США, которое находит выражение в спорах о свободе судоходства, добыче шельфовых ископаемых ресурсов, пересчете военно-морских балансов сил в ЮКМ, но на деле является проекцией более широкой конфронтации США и КНР.

Прикрываясь лозунгом обеспечения свободы судоходства и пролета, а также демонстрируя возможности потенциального блокирования Китая с моря, США проводили в 2023–2024 гг. в Южно-Китайском море многочисленные военные учения с привлечением других государств. В апреле 2024 г. Австралия, США, Филиппины, и Япония провели в ЮКМ учения, как было заявлено, с целью улучшения оперативной и тактической совместности между вооруженными силами. В них приняли участие корабли военно-морских сил и авиация стран-участниц. В августе и сентябре того же года к учениям в спорных водах ЮКМ были

привлечены военно-морские силы США, Австралии, Филиппин, Канады, Японии и Новой Зеландии²⁶.

При всей важности разноплановых проблем стран, расположенных вокруг Южно-Китайского моря, все противоречия и противостояния там носят субрегиональный характер и не грозят обострением с глобальными последствиями. В то же время Тайваньский узел чреват эскалацией противостояния, которая неизбежно будет иметь глобальные последствия.

Тайваньский узел

Как пишет заведующий кафедрой дипломатии Китайского университета Жэньминь Дяо Дамин, «с приходом Трампа 2.0 и сохранением на Тайване власти Демократической прогрессивной партии тайваньский вопрос стал самым чувствительным, самым рискованным и, скорее всего, неизбежно ключевым вопросом в нынешних китайско-американских отношениях... Риск выхода ситуации в Тайваньском проливе из-под контроля значительно возрос»²⁷. Еще в период первого президентского срока Трампа США заметно увеличили продажи оружия Тайваню и усилили военное взаимодействие между США и тайваньской стороной. 15 мая 2025 г. отставной американский контр-адмирал М. Монтгомери на слушаниях в Конгрессе заявил, что в Тайбэе на тот момент находились более 500 американских военнослужащих, которые обучают тайваньских военных приемам отражения внешнего вторжения.

Китайская сторона считает, что современная формула Вашингтона в тайваньском вопросе состоит в том, чтобы «контро-

26 США и союзники проводят совместные учения в Южно-Китайском море // *Armiya.az*, 01.10.2024. URL: <https://ru.ordu.az/ru/news/218763>.

27 刁大明. 从1.0到2.0 : 特朗普政府对华安全战略的延续与政策变化[J]. 国际安全研究, 2025, (1):96-114. [Дяо Дамин. От 1.0 к 2.0: преемственность и изменения в стратегии безопасности администрации Трампа в отношении Китая] // *Исследования международной безопасности*. 2025. № 1. С. 96–114.

ликовать Китай посредством тайваньского узла, блокировать воссоединение и поддерживать тайваньскую независимость»²⁸. Для этого Вашингтон интернационализирует тайваньский конфликт, вовлекает в него внешние силы, искусственно повышает его значимость до противостояния «демократии и авторитаризма». США также прибегают к таким действиям, как повышение тарифов на китайскую продукцию и отмена режима благоприятствования в торговле; всесторонняя технологическая блокада Китая и разрыв цепочек поставок; дальнейшее снабжение Тайваня оружием и «разогрев» подготовки к «вторжению».

Новым обстоятельством на самом Тайване была победа на выборах и инаугурация 20 мая 2024 г. на пост президента Лая Циндэ, лидера Демократической прогрессивной партии, который обратился к Пекину с призывом признать Тайвань независимым отдельным государством. Пекин он назвал враждебной иностранной силой, подчеркнув, что два Китая по обе стороны пролива «не подчиняются друг другу»²⁹. В ответ в канцелярии по делам Тайваня при Госсовете КНР заявили, что независимость Тайбэя и мир в Тайваньском проливе — вещи несовместимые. «Как бы ни менялась ситуация на острове, кто бы ни находился у власти, это не изменит того факта, что земли по обе стороны пролива принадлежат одному Китаю», — говорилось в заявлении³⁰. Россия также отозвалась на заявленную позицию нового тайваньского президента, повторив положение из совместного заявления лидеров России и Китая: Москва «выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, твердо поддерживает действия

28 朱卫东. 透视特朗普第二任期的中美关系与台湾问题. 期刊:台湾研究, 2025, №1 (191): 1-8. [Чжу Вэйдун. Взгляд на китайско-американские отношения и тайваньский вопрос во второй срок Трампа] // *Тайваньские исследования*. 2025. № 1 (191). С. 1–8.

29 Lee Y., Blanchard B. New Taiwanese President Calls on China to Stop Its Threats // Reuters, 20.05.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-taiwan-president-take-office-facing-angry-china-2024-05-19/>.

30 Ibid.

китайской стороны по защите собственного суверенитета и территориальной целостности»³¹.

Решительность линии нового руководителя Тайваня поднимает ставки в противостоянии США и континентального Китая. США связаны с Тайванем американским внутренним Законом об отношениях с Тайванем (*Taiwan Relations Act*) от 1979 г., который регулирует поставки оружия для самообороны Тайваня и определяет политику США в отношении Тайваньского пролива. Д. Эллсберг недавно опубликовал засекреченный документ Пентагона, в котором указывалось, что несколько десятилетий назад Вашингтон рассматривал в т. ч. оперативные планы применения ядерного оружия против Китая в случае артиллерийских или ракетных атак Пекина на Тайвань³².

Однако новым моментом является взятая Д. Трампом линия на сворачивание и сокращение внешних обязательств США по военной «защите» других стран, которая ясно проявилась в отношениях с НАТО по поводу сокращения участия в обороне Европы и не может не влиять на устойчивость обязательств на азиатском театре.

Американские стратеги не уверены, чем может закончиться вовлечение США в потенциальную военную операцию по защите Тайваня, т. е. в военную конфронтацию с континентальным Китаем. Ранее проведенные моделирования такой операции привели к результатам, показывающим серьезные военные потери США и значительное разрушение тайваньской инфраструктуры³³. При-

31 «Зачинщик опасной войны». На Тайване прошла инаугурация нового президента // РБК, 20.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2024/66476e629a7947fe00846000>.

32 Kimbal D.G. The U.S. and China Re-Engage on Arms Control. What May Come Next // Bulletin of the Atomic Scientists, 15.11.2023. URL: <https://thebulletin.org/2023/11/the-us-and-china-re-engage-on-arms-control-what-may-come-next/>.

33 Никитин А.И. Безопасность Азиатско-Тихоокеанского региона / В кн.: *Стратегический обзор 2023* / Под ред. А. Г. Арбатова. Москва: МГИМО-Университет, 2024. С. 128–129.

ходится учитывать, что китайская сторона может применить не классическое «вторжение» на остров, а гибридные стратегии — его длительную морскую блокаду, дистанционное уничтожение военных объектов Тайваня посредством ракетных обстрелов и беспилотной авиации и др. Меняет сценарии потенциального столкновения в Тайваньском проливе и появление в составе китайских сил ракет средней дальности двойного назначения типа DF-26, способных нести и ядерные боеголовки и уничтожать авианосные и иные морские соединения противника.

Как подчеркивается в опубликованной в 2022 г. Белой книге «Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху», КНР не обязуется отказаться от применения силы и оставляет за собой вариант «принятия всех необходимых мер, направленных на решение тайваньского вопроса... без вмешательства внешних сил» и вмешательства очень небольшого числа сепаратистских сторонников независимости Тайваня³⁴. При этом, по оценке экспертов из Федерации американских ученых, «для ситуаций, когда ставки будут высокими — таких, как военное столкновение вокруг Тайваня — как Китай, так и Соединенные Штаты сохраняют за собой опцию использования ядерного оружия, включая нанесение первого ядерного удара, если это покажется необходимым»³⁵.

Таким образом, неопределенность вокруг Тайваня сохраняется, хотя после первых месяцев второй администрации Трампа в Вашингтоне и полутора лет президентства Лая Циндэ в Тайбэе, ситуация несколько стабилизировалась. Она может довольно долго оставаться в таком состоянии, если не изменится позиция Пекина.

34 Full text: The Taiwan Question and China's Reunification in the New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China, 10.08.2022. URL: http://english.scio.gov.cn/m/whitepapers/2022-08/10/content_78365819_5.htm.

35 Kristensen et. al. Chinese Nuclear Weapons, 2025. Op. cit.

Противостояние на Корейском полуострове

Конфликт на Корейском полуострове уже восьмое десятилетие не обходится без американского и китайского влияния и столкновения интересов. Американские военные корабли и подлодки с ядерным оружием на борту продолжают курсировать у берегов полуострова. Кроме того, ежегодно проводятся масштабные американо-южнокорейские военные учения с участием до 300 тыс. военнослужащих.

Новым моментом, однако, является возросшая неуверенность южнокорейских властей в надежности американского ядерного «зонтика» в силу политики Д. Трампа по сворачиванию и сокращению заокеанских обязательств США в военной сфере. Это подталкивает дебаты в южнокорейском политическом классе о возможности и даже необходимости обзавестись собственным ядерным оружием, тем более что развитый сектор ядерной энергетики позволяет накопить оружейные материалы и предоставит нужные инженерные мощности. В не меньшей мере подобные настроения проявляются и в Японии.

Такая перспектива беспокоит Пекин, а также Москву. КНР много десятилетий поддерживала северокорейский режим, хотя в последние годы Китай стала в определенной степени раздражать неготовность Пхеньяна следовать за Пекином по пути экономических реформ. Россия же в 2024 г. заключила с КНДР Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве³⁶. Ранее Вашингтон утверждал, что потенциальное размещение американских ракет средней дальности (заявленное после выхода США из Договора РСМД) на базах на Гуаме и Окинаве, не затрагивает интересы России, однако теперь ситуация изменилась. В соответствии с новым российско-северокорейским договором любой во-

36 Распоряжение о подписании Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и КНДР // Официальный сайт президента России, 18.06.2024. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/74321>.

енный конфликт, в который будет вовлечена КНДР, станет объектом стратегической помощи со стороны России. Следовательно, Россия, как и КНР, будет пропорционально реагировать на размещение новых американских ракет в АТР наращиванием своего тихоокеанского потенциала.

В настоящее время администрация Д. Трампа, очевидно, рассматривает межкорейскую дилемму в одном ряду с ближневосточным и украинским конфликтами как объект возможной посреднической роли США, что потенциально способно привести к изменению характера отношений между США и КНДР. Вашингтон может вновь, как и в 2018–2019 гг., предпринять попытку ограничить северокорейскую ядерную программу путем переговоров — тем более, что в этом проявляют заинтересованность Южная Корея, Япония и в определенной степени даже Китай³⁷. Однако это будет сделать уже сложнее в силу развития стратегического партнерства между КНДР и Россией.

Сценарии на будущее

Как пишет американский профессор Джон Делури, лозунг Д. Трампа «Америка прежде всего» означает в его внешнеполитическом курсе «Китай прежде всего», т. е. существенное сосредоточение Трампа на противостоянии с КНР на всем протяжении его второго срока президентства³⁸.

Можно обозначить два варианта возможного развития событий в сфере американо-китайского противостояния на ближайшую перспективу.

В первом варианте администрация Трампа будет вести жесткую, но сбалансированную политику в отношении Китая. Пекин

37 Wertheim S. Asia Should Encourage 'Trump the Peacemaker' // *Global Asia*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 8–13.

38 Delury J. Expect Trump to Go it Alone and Seek a Big Deal with China // *Global Asia*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 26.

подвергнется критике по широкому кругу вопросов, от торгово-экономических и инвестиционных до политических проблем вокруг Тайваня, Гонконга, Синьцзяня — но она будет осуществляться таким образом, чтобы не довести дело до широкой конфронтации. Тарифная и технологическая войны продолжатся, но закрепятся в формах, позволяющих обеим сторонам сказать, что они, в конце концов, что-то «отвоевали».

В качестве худшего сценария развития событий можно предположить, что если Трампу не удастся добиться от китайской стороны уступок на фронте тарифно-торговых войн, если продолжится сближение Пекина с Москвой и не сработает сплочение стран АТР под эгидой Вашингтона в антикитайский альянс, США могут пойти на максимально жесткую конфронтацию с Китаем. Она будет включать идеологическое наступление на китайскую политическую систему, поддержку провозглашения Тайваня независимым государством, резкое наращивание военного присутствия США в АТР близ китайских берегов, включая широкое развертывание ракет средней дальности в обычном и ядерном снаряжении.

30 октября на полях саммита АТЭС в Пусане (Южная Корея) прошла встреча президента США Д. Трампа и председателя КНР Си Цзиньпина. Лидеры приложили все усилия к тому, чтобы сгладить обострения, возникшие в последнее время в торгово-экономической сфере. Китай дал обязательство жестче бороться с поставками прекурсоров фентанила, снял ряд тарифов на американскую сельскохозяйственную продукцию, в частности, согласовал закупку сои (25 млн т. ежегодно на три ближайших года), а главное — отменил недавние решения о введении жесткого контроля над экспортом редкоземельных металлов, галлия, германия, сурьмы, графита и магнитных материалов³⁹; США в ответ

39 Lawder D., Shalal A. What Did Trump, Xi Agree to on Tariffs, Export Controls and Fentanyl // Reuters, 02.11.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us/what-did-trump-xi-agree-tariffs-export-controls-fentanyl-2025-11-01/>.

снижают на 10 процентных пунктов таможенный тариф, ранее введенный против китайских товаров⁴⁰. Позднее из Пекина сообщили, что стороны также договорились о годовой отсрочке на введение объявленных Штатами в сентябре жестких ограничений на сотрудничество китайских и американских компаний по линии передачи технологий, а также в судостроительной отрасли и морских перевозках.

Однако долгожданный контакт продлился менее двух часов и, несмотря на явно видимое продвижение по линии экономики, не принес по-настоящему крупных сдвигов: практически все геополитические и военно-политические проблемы двухсторонних отношений, включая и Тайвань, остались вне повестки встречи. Исключением стало только установление «горячей линии» по деэскалации инцидентов между военными США и КНР⁴¹. Эксперты оценивают результаты осторожно, как некоторое тактическое «потепление», которое еще только предстоит развить в настоящую нормализацию отношений, поскольку ситуация остается крайне неустойчивой⁴².

В целом дальнейшее развитие американо-китайского противостояния в АТР будет зависеть не только от действий Пекина и Вашингтона, но и от отношений в треугольнике США—КНР—Россия. В этом плане роль Российской Федерации может быть довольно значимой.

Так, Россия и США с приходом в 2025 г. к власти администрации Д. Трампа несколько изменили общий тон и направленность

40 Boak J., Megerian C. Trump Cuts Tariffs on China After Meeting Xi in South Korea // Associated Press, 30.10.2025. URL: <https://apnews.com/article/trump-xi-china-trade-war-4c19a752c97828246c08f60f0dc54c79>.

41 Pritchett E. U.S., China Agree to Open Direct Military Hotline After Xi-Trump Summit // Foxnews, 02.11.2025. URL: <https://www.foxnews.com/politics/us-china-agree-open-direct-military-hotline-after-xi-trump-summit>.

42 Hunnicutt T., Chen L., Chu M. Trump-Xi “Amazing” Summit Brings Tactical Truce, Not Major Reset // Reuters, 30.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/china/trump-xi-amazing-summit-brings-tactical-truce-not-major-reset-2025-10-30/>.

своих взаимоотношений. Они не находятся в состоянии прямого военного конфликта и руководство двух стран не хотело бы двигаться в направлении наращивания напряженности, хотя различия в позициях, а в ряде областей и прямое или опосредованное столкновение интересов, продолжают.

С другой стороны, Россия и Китай развивают стратегическое партнерство, одновременно укрепляя политические, торгово-экономические и научно-технологические связи не только на двусторонней основе, но также в форматах Шанхайской организации сотрудничества, АТЭС и сообщества БРИКС. Россия готова предпринимать необходимые усилия, чтобы предотвратить формирование антикитайских объединений в АТР, при этом в перестройке миропорядка на многополярных основах она считает КНР своим близким партнером.

Индия и Пакистан: ядерный тупик и перспективы его преодоления

АЛЕКСЕЙ КУПРИЯНОВ

Индия, изначально обладая гораздо бóльшим экономическим и демографическим потенциалом, на протяжении всего периода сосуществования превосходила Пакистан в силах общего назначения. Испытание ядерного оружия обоими государствами в 1998 г. создало стратегический тупик. В течение последующих десятилетий индийские политики и военные пытались выйти из этого тупика, учитывая вероятность вмешательства КНР. Инновации, опробованные во время индо-пакистанского конфликта весной 2025 г., дают на это шанс.

История с географией

Южный прибрежный участок сухопутной границы Индии и Пакистана в районе Малого Катчского Рана проходит через заболоченную местность, переходящую в солончак Большого Катчского Рана. Этот участок является спорным: регулярно происходят пограничные инциденты (индийские и пакистанские патрульные задерживают рыбаков — граждан другой страны, ведущих лов рыбы на привычных местах), но проведение масштабных операций в этом районе представляет серьезные трудности в связи с характером местности. Сосредоточение необходимой группировки, оснащенной плавающей техникой, будет быстро обнаружено; форсирование заболоченной местности займет долгое время, позволив противнику подтянуть войска благодаря наличию транспортных путей.

Далее линия границы проходит через Большой Катчский Ран и пустыню Тар. Характер местности в этом районе в основном равнинный, серьезные препятствия отсутствуют, постоянное население немногочисленно. Проведение рейдов, однако, осложняется: на равнинной местности легко обнаруживаются движущиеся колонны, поднимающие пыль, что позволяет задействовать ВВС для нанесения противнику урона еще до выхода на боевой рубеж. Типичным примером сражения в пустыне Тар можно считать бой у Лонгевалы 4–7 декабря 1971 г., когда гарнизон индийского опорного пункта, насчитывавший всего 120 солдат, при

поддержке с воздуха отбил несколько атак пакистанских сил, насчитывавших 2000 человек при поддержке 70 танков.

Следующий участок границы разделяет пакистанскую провинцию Панджаб и индийский штат Панджаб. С обеих сторон есть развитая сеть шоссейных дорог, грунт достаточно плотный для того, чтобы по нему двигалась бронетехника любого веса. Основная проблема состоит в том, что почти вся территория этого района с обеих сторон представляет собой культивируемую равнину, густо расчерченную сетью рек и ирригационных каналов. Связанные с характером местности проблемы при ведении боевых действий стали очевидны во время Второй индо-пакистанской войны. Взаимные попытки пакистанцев и индийцев организовать масштабные танковые прорывы в секторах Хем-Каран и Сялкот соответственно закончились неудачей.

Далее официально установленная граница между странами заканчивается, и начинается «Линия контроля», разделяющая Кашмир — регион, в котором проведение крупного наступления крайне затруднено из-за гористого рельефа местности. Для выхода на оперативный простор сторонам необходимо будет преодолеть несколько горных хребтов, причем каждый следующий из-за неразвитости дорожной сети будет представлять всё большую проблему. При этом в силу социально-политических причин ни одна из сторон не готова отказаться от Кашмира. Любая попытка урегулирования через отказ от части территории Кашмира будет означать политический кризис в той стране, руководство которой на это решится.

Военные потенциалы и ключевые угрозы

Военный потенциал и численность вооруженных сил Индии заметно превышают пакистанские — за исключением самоходных артиллерийских установок (САУ) и реактивных систем залпового огня (РСЗО). Разрыв, однако, не настолько значителен, чтобы обеспечить тотальное превосходство и стремительную победу

в конвенциональной войне. Описанные выше географические особенности пограничных районов не позволяют ни одной из сторон рассчитывать на быстрый успех.

Тем не менее, можно предположить, что в случае, если война будет вестись исключительно между Индией и Пакистаном и только силами общего назначения, то Пакистан в конце концов потерпит поражение. Основные индустриальные и аграрные мощности Пакистана, а также основная часть его населения сосредоточены в долине реки Инд в провинциях Панджаб и Синд. Поэтому прорыв индийских войск в долину Инда любым путем — будь то танковый бросок через пустыню Тар или разгром пакистанской обороны в северных секторах — приведет к коллапсу системы государственного управления Пакистана, что будет означать конец Пакистана как полностью независимого и суверенного государства.

Еще две критические угрозы для Пакистана — возможность распада страны и морская блокада. Пакистан представляет из себя мультиэтническое государство, объединенное государственной религией (исламом), а также государственным языком (урду), который при этом ни для одной из крупных этнических групп не является родным. Наиболее влиятельные политические партии делятся по региональному признаку. Традиционно политически доминирующим этносом являются панджабцы, важную роль в политической жизни играют синдхи, а другие этносы, включая пуштунов и белуджей, находятся на вторых ролях. И в Хайбер-Пахтунхве, и в Белуджистане действуют национальные движения и повстанческие группы. В случае, если пакистанская армия и спецслужбы по каким-либо причинам не смогут успешно вести с ними борьбу, Пакистан вполне может расколоться на отдельные части — тем более, что у различных этносов и разных провинций накопились претензии друг к другу.

Серьезную опасность представляет и угроза морской блокады. Пакистан не имеет собственных крупных источников нефти и газа, поэтому он вынужден импортировать углеводороды по морю из стран Залива. Объемы хранилищ, позволяющие делать запасы, сравнительно невелики, и в случае установления Индией

морской блокады их хватит на несколько недель, а при ведении масштабных боевых действий — на несколько дней.

Ядерное оружие как гарантия

Разработка индийского ядерного взрывного устройства и его испытание «в мирных целях» (1974 г.) были произведены преимущественно по статусным и внутривнутриполитическим соображениям. После Третьей индо-пакистанской войны 1971 г. Пакистан уже не представлял экзистенциальной угрозы для Индии, а вероятность новой войны с КНР рассматривалась как небольшая. Китай не имел к тому моменту необходимых средств доставки ЯО, а его возможное тактическое применение на Гималайском ТВД не принесло бы заметного эффекта.

Пакистанское руководство, со своей стороны, решило, что от того, сумеет ли Исламабад обзавестись в обозримом будущем ядерным оружием, зависит само выживание государства. Широко известное заявление будущего премьера Зульфикара Али Бхутто о том, что пакистанцы готовы есть траву, но создать бомбу, в полной мере отражало решимость пакистанских военных и гражданских элит. В результате к моменту, когда Индия, наконец, открыто провела военные ядерные испытания (1998 г.), Пакистан также закончил разработку собственного ЯО, и в Южной Азии наступил период своеобразного асимметричного ядерного мира.

Специфика его состоит в том, что в случае применения Индией ядерного оружия Пакистан с большой вероятностью перестанет существовать как государство. Его государственный аппарат будет уничтожен, все ключевые промышленные предприятия разрушены, погибнет значительная часть населения. В случае же применения ядерного оружия Пакистаном Индия как государство уцелеет, хотя и понесет большие потери в населении, ее экономический потенциал будет подорван и восстановление займет неопределенное время. К тому же даже в случае максимально удачного для Индии развития событий, то есть если Пакистан вовсе не сумеет или не решится применить ЯО,

ей придется столкнуться с крупнейшим миграционным кризисом за всю историю, который приведет к непредсказуемым социальным последствиям.

В отличие от Индии, которая официально привержена доктрине неприменения ЯО первой (*no-first-use*), Пакистан обнародует свою ядерную доктрину лишь в самом общем виде, обозначая готовность применить ядерное оружие, если его существованию как независимого государства будет угрожать опасность. Насколько можно судить из выступлений пакистанских чиновников и военных, эти сценарии, помимо применения Индией ядерного оружия, включают в себя масштабную успешную операцию индийских сил общего назначения; инспирированные Индией подрывные действия, могущие привести к распаду государства, а также морскую блокаду¹. Подобная неопределенность, по мнению пакистанских политиков и экспертов, связывает руки индийцам, не позволяя им протупывать пакистанские «красные линии» без риска вызвать пакистанский ядерный ответ, — и в то же время предоставляет свободу рук самим пакистанцам.

Проблема стратегической глубины

С точки зрения пакистанского руководства, единственным стратегическим противником Пакистана является Индия; союзниками и партнерами Пакистана — КНР, США и мусульманские страны. Пакистанское руководство успешно балансирует между своими партнерами, умело играя на их страхах и интересах. Для США Пакистан — надежный партнер со времен холодной войны, невзирая на все неоднозначные операции пакистанских

1 Shukla A. Pakistan Weighs Its Options, As India Readies for War // The Diplomat, 01.05.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/pakistan-weighs-its-options-as-india-readies-for-war/>.

спецслужб. Для КНР — ценный политический и экономический партнер, предоставляющий доступ к берегам Индийского океана через Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК). Для стран Залива — единственная мусульманская страна, обладающая ЯО, и важный партнер в сфере как внутренней, так и внешней безопасности. Успешность пакистанской стратегии позволяет получать от дружественных стран современную военную технику и финансовые вливания, хотя для всех перечисленных ключевых стратегических партнеров экономические (а для США — и политические) отношения с Индией представляют сравнительно большую ценность.

При этом пакистанское руководство всерьез озабочено проблемой «стратегической глубины». Как предполагается, для того, чтобы сохранить пакистанскую государственность и устойчивость сопротивления в случае конфликта, Пакистану необходимо обеспечить себе стратегический тыл, в роли которого должен выступить Афганистан, а для этого необходимо нахождение у власти в Афганистане дружественного Пакистану правительства². В то же время отношения Исламабада и Кабула осложняет пуштунский вопрос: афганские власти не признают границу по «линии Дюранда», полагая, что она разделила пуштунский этнос и что исторические пуштунские территории должны быть возвращены в состав Афганистана.

Эта стратегическая задача была, казалось, решена в 1996 г., когда Кабул взяли талибы, с которыми на тот момент пакистанская Межведомственная разведка (ISI) сохраняла тесную связь и частичный контроль. Падение режима талибов привело к утере стратегической глубины. Возвращение к власти талибов в 2021 г., на первый взгляд, позволила Пакистану вновь ее обрести. Однако на этот раз поддержка «Талибана» среди населения была существенно выше, внутренняя угроза отсутствовала, и его правительство обратило внимание на пограничную проблему.

2 Parkes A. Considered Chaos: Revisiting Pakistan's 'Strategic Depth' in Afghanistan // *Strategic Analysis*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 297–309.

В результате ситуация на афганско-пакистанской границе остается напряженной, а Пакистан обвиняет Кабул в поддержке боевиков движения «Техрик-е Талибан Пакистан»³. Еще больше опасения пакистанского руководства усилились после начала процесса индийско-афганского сближения⁴. На данный момент образование оси «Дели–Кабул» воспринимается в Пакистане как один из ключевых вызовов, а вероятность борьбы на два фронта — как вполне реальный сценарий.

Стратегия Пакистана: ядерное оружие плюс малая война

На этой базе строится стратегия Пакистана. Основными ее элементами являются:

1. Защита стратегического ЯО от возможного индийского разоружающего удара. С этой целью ведется разработка новых мобильных ракетных комплексов, с подлодки из подводного положения произведен успешный запуск ракеты, способной нести ядерный заряд.
2. Поддержание в боеспособном состоянии сухопутных войск, которые должны нанести противнику максимальный ущерб в случае начала конфликта, не допустив быстрого прорыва обороны, и при возможности проводить локальные наступательные операции. Для решения этих задач предполагается при необходимости использовать тактическое ЯО. Основные силы пакистанской армии сосредоточены вдоль границы с Индией;

3 The Challenge to Islamabad from the Tehrik-e-Taliban Pakistan // IISS, 01.2024. URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2024/01/the-challenge-to-islamabad-from-the-tehrik-e-taliban-pakistan/>.

4 D'Souza S.M. Understanding India's Strategic Outreach to the Taliban in Afghanistan // The Diplomat, 20.06.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/understanding-indias-strategic-game-with-the-taliban-in-afghanistan/>.

некоторая их часть задействована в проведении контрпартизанских операций против сепаратистских группировок.

3. Поддержка террористических группировок и кашмирского сепаратистского движения, действующего на территории Индии. Эта стратегия помогает постоянно наносить Индии «булавочные уколы», воздействуя на общественное мнение в нужные моменты, вынуждая индийские силы поддержания правопорядка принимать ответные жесткие меры, вызывающие негодование среди кашмирской молодежи.
4. Концентрация на развитии ВВС. Так как индийская масштабная наземная операция из-за наличия у Пакистана ЯО представляется сравнительно маловероятным сценарием, Пакистан может позволить себе сконцентрировать усилия на развитии ВВС, которые призваны соперничать с индийскими в «статусных боях» во время очередного обострения, одерживая над ними воздушные победы и поднимая боевой дух нации. Значительную роль в этом играет партнерство с КНР, которая рассматривает индо-пакистанские конфликты как полигон для отработки новых систем вооружений, снабжая Пакистан современным оружием по достаточно низким ценам.
5. ВМС отводятся вспомогательные функции: в случае блокады они должны обеспечивать беспрепятственный проход торговых судов в пакистанские порты, в случае начала конфликта — нанести индийским ВМС максимально возможный ущерб.
6. Борьба на дипломатическом фронте. Пакистанская дипломатия постоянно разыгрывает кашмирскую карту, привлекая внимание мусульманского мира, педалируя тему страдания кашмирцев под индийской оккупацией. Регулярно проводятся «Дни солидарности с Кашмиром», распространяются соответствующие иллюстративные и текстовые материалы. Цель таких действий — повлиять непосредственно на настроения мусульманского населения в разных странах мира в расчете на то, что оно окажет давление на власти своих стран. Тем самым происходит ползучая интернационализация кашмирской проблемы.

Индия: будущая война на два с половиной фронта

Подобно тому, как пакистанская стратегическая культура поражена «кашмирской болезнью», индийская стратегическая культура страдает от «китайской болезни». Одна из основ индийского национального мифа — нарратив о неспровоцированном китайском нападении в 1962 г. Это предполагает, что такое нападение может повториться: поскольку Пакистан является стратегическим партнером Китая, то Индии в этом случае придется сражаться на «два с половиной фронта». Под половиной понимается партизанское движение, которое могут развернуть симпатизирующие Китаю или используемые им в своих интересах маоисты-наксалиты и сепаратисты на северо-востоке Индии, а также поддерживаемые Пакистаном боевики-мусульмане⁵. Это логически превращает в потенциального стратегического союзника Индии любую страну, имеющую территориальные проблемы с Китаем или заинтересованную в его сдерживании: например, Вьетнам, Филиппины, США и Японию.

При этом противоречия с Китаем не носят экзистенциального характера и могут быть в принципе разрешены на условиях проведения границы вдоль нынешней «линии фактического контроля» в Гималаях. Однако подобная договоренность, во-первых, вызовет ряд ощутимых проблем у правящей в Индии партии БДП, а во-вторых, лишит Индию возможности эксплуатировать американские страхи перед ростом китайской угрозы, позволяющие Индии получать доступ к американским технологиям и разведданным.

В отсутствие полномасштабного конвенционального конфликта с Пакистаном Индия может позволить себе разыгрывать «китайскую карту» как во внутренней, так и во внешней поли-

5 Unnithan S. The Two and a Half Front War // India Today, 25.01.2021. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/up-front/story/20210125-the-two-and-a-half-front-war-1759580-2021-01-17>.

тике. КНР не заинтересована в развязывании конфликта с Индией — одним из наиболее перспективных торговых партнеров. Специфика Гималайского ТВД не позволяет осуществлять глубокие наступления с использованием больших масс бронетехники для развития успеха, а китайское военно-морское присутствие в Индийском океане на данном этапе незначительно, и серьезно нарастить там силы ВМС НОАК не сможет — особенно учитывая необходимость осуществлять снабжение через Малаккский пролив.

Конфликты в других соседних странах (Бангладеш и Мьянма) не представляют для Индии серьезной угрозы до тех пор, пока в этих государствах остаются у власти светские режимы. Поскольку Индия претендует на роль регионального гегемона, она вынуждена отвлекать часть сил для демонстрации флага и поддержания присутствия в регионе Индийского океана, развертывания сети радарных станций, строительства флота, создания ВМБ в малых островных государствах.

Стратегия Индии: поиск контрмер

Индийский ядерный потенциал достаточен для того, чтобы нанести Пакистану критический урон и уничтожить его как государство, но недостаточен для того, чтобы избежать последствий ответного удара. Обеспечить надежное прикрытие всех ключевых объектов на Индо-Гангской равнине невозможно. Поэтому Индия вынуждена проводить комплексную стратегию, основные элементы которой сводятся к следующему:

1. Поддержание ядерного потенциала и наращивание средств доставки ядерного оружия. Оно ведется главным образом в направлении увеличения дальности; цель — усилить позиции в диалоге с КНР, обеспечить невмешательство Пекина в случае начала масштабного конфликта с Пакистаном. К настоящему времени дальность ракет, состоящих на вооружении ВС Индии, позволяет доставить ядерные боеголовки в любую точку территории КНР.

2. Поддержание и наращивание сухопутных сил. С учетом потенциальной войны на «два с половиной фронта» Индия готовится к двум принципиально разным типам военных действий: горной войне в Гималаях и Кашмире и глубоким операциям с использованием бронетехники в Панджабе и пустыне Тар. Внутренний фронт, как предполагается, в случае необходимости будут удерживать полиция и ассамские стрелки (военизированные формирования, подчиненные министерству внутренних дел). В настоящий момент продолжается реформа, призванная повысить боеспособность армии: внедряется система «комплексных боевых групп» бригадного уровня (*Integrated Battle Groups*); создан XVII ударный горный корпус двухдивизионного состава; остальные корпуса, развернутые вдоль границы с КНР и в Кашмире, также проходят подготовку к горной войне. Ведутся активные работы по созданию военной транспортной инфраструктуры в пограничных районах: в отличие от НОАК, которая может использовать железнодорожный транспорт для маневра войсками вдоль границы, армия Индии вынуждена полагаться на автомобильные дороги и аэродромы.
3. Поддержка сепаратистских группировок в Пакистане. В условиях террористической войны со стороны Пакистана Индия также оказывает поддержку сепаратистам, в первую очередь белуджам. Хотя Исламабад обвиняет индийскую разведку в том, что та напрямую руководит операциями белуджей⁶, масштаб этой поддержки гораздо меньше, чем масштаб пакистанской поддержки, оказываемой кашмирским боевикам, и сводится в основном к финансовой помощи и предоставлению убежища лидерам сопротивления на территории Индии.
4. Развитие ВВС в Индии, как и в Пакистане, является приоритетным направлением, так как в случае перерастания пограничных стычек в масштабный конфликт вопрос господства

6 Rehan T. India's Actions in Balochistan and Bilateral Ties // Centre for Strategic and Contemporary Research, 16.05.2025. URL: <https://cscr.pk/explore/themes/defense-security/indias-actions-in-balochistan-and-bilateral-ties/>.

в воздухе станет ключевым. При этом из-за необходимости расходовать средства на другие статьи военного бюджета, а также отсутствия патрона наподобие КНР, Индия не может достичь кардинального превосходства в уровне ВВС.

5. Развитие ВМС: Индия занята созданием мощных военно-морских сил, необходимых для формирования сферы безопасности в масштабах Индийского океана. Эти силы должны быть достаточны для того, чтобы в случае необходимости обеспечить контроль над регионом и дать отпор экспедиционным силам ВМС НОАК. В течение ближайшего десятилетия планируется завершить постройку второго авианосца типа «Викрант», который должен заменить «Викрамадитью»⁷, и спустя некоторое время сдать флоту авианосец типа «Вишал», доведя таким образом число авианосцев в составе ВМС до трех.
6. Дипломатические меры: Индия пытается обеспечить изоляцию Пакистана, объявив его «террористическим государством», разбить единство мусульманских стран, которые могут принять сторону Пакистана в случае очередного кашмирского конфликта, и добиться от других стран признания террористическими части организаций, явно или в скрытой форме поддерживаемых Пакистаном. Результаты пока не очень впечатляют: дипломатической изоляции Исламабада индийцам добиться не удалось ни разу. Даже признания организации террористической недостаточно для того, чтобы обеспечить гарантированную выдачу ее боевиков — как показывает пример «Лашкар-э-Таибы», которая считается в Пакистане террористической и при этом, по индийским сведениям, поддерживается Межведомственной разведкой⁸.

7 Kumar B. India Decides It Will Not Operate a Third Aircraft Carrier. Here Is Why // Business Standart, 04.02.2025. URL: https://www.business-standard.com/external-affairs-defence-security/news/india-decides-it-will-not-operate-a-third-aircraft-carrier-here-is-why-125020400853_1.html.

8 Shahid K.K. Pakistan and the Latest Reincarnation of Lashkar-e-Taiba // The Diplomat, 31.05.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/pakistan-and-the-latest-reincarnation-of-lashkar-e-taiba/>.

Кашмирский цейтнот

Пакистанская «малая война» против Индии в Кашмире наиболее опасна с точки зрения эскалации. Пакистанские прокси-группировки, владея инициативой, решают, где именно будет нанесен удар и каким он будет. Каждый такой теракт вызывает волну недовольства в индийском обществе, на которую правительство Индии должно реагировать, чтобы не лишиться поддержки избирателей. При этом оно всякий раз попадает в цейтнот, так как необходимо, с одной стороны, нанести ответный удар как можно быстрее, чтобы успокоить разгневанных избирателей, с другой — подготовить его как можно тщательнее и нанести в момент, когда противник его меньше всего ожидает. Ситуацию осложняет постоянная критика со стороны оппозиции, обвиняющей правительство в недостаточных мерах и недооценке опасности теракта. Ко всему прочему каждый ответный удар должен быть соразмерен как теракту, так и предыдущим ответным ударам: в случае, если число жертв нового теракта больше или примерно равно числу жертв предыдущего, ответ должен быть сильнее, чем в предыдущий раз.

Таким образом, Пакистан может до известной степени влиять на скорость раскручивания спирали эскалации, загоняя индийскую сторону в ловушку неопределенности: так как неизвестно, где именно проходят пакистанские «красные линии», то индийцы вынуждены всякий раз искать новые решения среди ограниченного набора вариантов.

Чтобы избавиться от этой стратегической дилеммы, индийские военные и политики должны решить основную задачу: как избежать ядерного удара в случае, если масштабы очередного теракта потребуют от них принять решительные меры вплоть до начала конвенционального конфликта. В качестве возможных вариантов рассматривается широкий круг ответных мер — от доктрины «холодного старта»⁹ до «мягкой морской блокады».

9 Сценарий конвенционального конфликта с интенсивной операцией индийских механизированных соединений на пакистанской террито-

Хотя основная задача до сих пор не решена, часть сопутствующих проблем удалось решить по крайней мере частично. К примеру, угроза Индии использовать стратегическое ЯО в случае применения Пакистаном тактического ЯО против ее войск в конвенциональном конфликте, очевидно, снизит вероятность такого применения¹⁰.

Операция «Синдур»: новые тенденции

Последний конфликт между Индией и Пакистаном весной 2025 г. продемонстрировал ограниченные возможности применения имеющихся средств. Взаимные обстрелы хорошо укрепленных и оборудованных убежищами погранпостов не приводят ни к чему, кроме случайных жертв. Воздушные бои отличаются непредсказуемостью и могут повлечь потерю дорогостоящих самолетов, что негативно воспринимается населением. При этом перед началом операции «Синдур» и в процессе ее стороны применили ряд новаций, которые могут определить ход будущих конфликтов:

«Водная война». Заморозка действия Договора о водах Инда (1960 г.) означает, что Индия не считает себя связанной его ограничениями — в частности, обязательством представлять на арбитраж либо рассмотрение нейтрального международного эксперта проекты своих новых плотин. Плотины с нижними водосбросами, которые теперь Индия сможет свободно строить, теоретически позволяют использовать воду как оружие в широком смысле:

рии, сопровождающейся активным использованием высокоточного оружия.

- 10 Bagchi I. Even a Midget Nuke Strike Will Lead to Massive Retaliation, India Warns Pak // The Economic Times, 30.04.2013. URL: <https://economic-times.indiatimes.com/news/politics-and-nation/even-a-midget-nuke-strike-will-lead-to-massive-retaliation-india-warns-pak/articleshow/19795988.cms>.

либо полностью опорожня водохранилище, что может привести к затоплению территорий ниже по течению, либо перекрывая водосброс и заполняя водохранилище, что в период засухи может обречь на гибель посевы ниже по течению. Учитывая, что верховья всех притоков Инда находятся на территории Индии, а пакистанские провинции Панджаб и Синд вододефицитны¹¹, последствия могут быть достаточно разрушительными для пакистанской экономики. Эффективность водного оружия, однако, снижается при помощи возведения каскадов ГЭС и строительства резервуаров для воды. При этом использование воды в качестве оружия может стать нежелательным прецедентом и для самой Индии: КНР в настоящий момент стоит каскад ГЭС в верховьях Брахмапутры и «водная война» против Пакистана может привести к аналогичным действиям со стороны Китая.

Информационная война. Прошедший конфликт ознаменовался небывалой до сих пор по масштабам информационной войной, в ходе которой оба правительства активно использовали патриотически настроенные интернет-сообщества для того, чтобы поднять боевой дух своей нации и подорвать дух нации противника. В процессе создавались нарративы, имеющие мало общего с действительностью, а попытки представить альтернативную точку зрения или проверить заявки обеих сторон на воздушные победы дискредитировались. С обеих сторон информационная война увенчалась частичным успехом: удалось создать непротиворечивую историю для собственной национальной аудитории. Дальнейшее развитие технологий информационной интернет-войны (широкое применение ботов, ИИ, дипфейков) может в ближней перспективе в целом снизить накал противостояния, так как снимет необходимость добиваться реальных успехов на фоне демонстрации воображаемых.

11 Hussain A. Why Is Pakistan's New Canal Project Sparking Water Shortage Fears? // Al Jazeera, 27.03.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/3/27/why-is-pakistans-new-canal-project-sparking-water-shortage-fears>

Широкое использование БПЛА. Обе стороны до начала конфликта предполагали, что он будет вестись с применением БПЛА. При этом изучение и осмысление тактики использования БПЛА велось сравнительно медленно, основной упор делался на закупку и постепенное освоение собственного производства разведывательных аппаратов среднего радиуса действия и ударных БПЛА класса MALE¹². При этом разработке и закупке барражирующих боеприпасов уделялось сравнительно мало внимания, что напрямую сказалось на результативности ударов обеих сторон в ходе последовавшего конфликта. В настоящий момент и Индия, и Пакистан активно пополняют свои арсеналы БПЛА, закупая доступные на мировом рынке аппараты, и тестируют средства защиты от них, включая самоходные зенитные ракетно-пушечные комплексы (ЗРПК) и системы РЭБ. Широкое применение барражирующих боеприпасов, FPV-дронов и малых коптеров с системами сброса в будущих конфликтах позволит, во-первых, избежать внутриполитических последствий, связанных с возможной потерей дорогостоящих самолетов, гибелью или попаданием в плен пилотов, во-вторых — расширит набор возможностей, доступных обеим сторонам.

Все эти новации могут в будущем привести к негативным последствиям и снижению порога применения ядерного оружия. «Водная война» может быть истолкована пакистанским руководством как экзистенциальная угроза, сравнимая по последствиям с масштабной военной операцией; успешная информационная война может привести к росту сепаратизма в провинциях Пакистана и к принятию неадекватных решений пакистанскими политиками и военными в условиях дефицита достоверной информации; наконец, массированное применение БПЛА на ограниченной территории может привести спровоцировать применение ядерного оружия в случае, если будет нанесен ущерб военным ядерным объектам.

12 *Medium Altitude, Long Endurance* — средневысотные беспилотные летательные аппараты с длительной продолжительностью полета.

Взрывоопасный Ближневосточный регион

СТАНИСЛАВ ИВАНОВ

События 2025 года подтверждают репутацию Ближнего Востока как одного из самых конфликтных и взрывоопасных с военно-политической точки зрения регионов мира. С учетом того, что здесь сосредоточено около половины всех запасов нефти и примерно треть запасов природного газа нашей планеты, проходят стратегически важные морские, воздушные и сухопутные коммуникации, проживает около полумиллиарда человек, находятся святыни трех основных религий мира, любой внутренний или региональный конфликт на Ближнем Востоке подрывает систему международной стабильности и безопасности и негативно сказывается на мировой экономике и торговле.

Одна из ведущих региональных держав — Израиль — обладает ядерным оружием и триадой средств его доставки (это, предположительно, истребители F-15, F-16 и F-35, крылатые ракеты на подводных лодках немецкого производства типа *Dolphin* и баллистические ракеты серии *Jericho*)¹. Другая региональная держава, конфликтующая с Израилем — Исламская Республика Иран (ИРИ) — добилась значительных успехов в развитии своей ядерной и ракетной программ, весьма близко подошла к созданию ядерного оружия и относится к так называемым «пороговым странам» в этой области. Имевшие место в 2024–2025 гг. масштабные вооруженные конфликты между Израилем и Ираном и вмешательство в эти события США создали беспрецедентную угрозу безопасности всего ближневосточного региона и сопредельных государств.

1 Kristensen H.M., Korda M. Israeli nuclear weapons, 2021 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2022. Vol. 78. No. 1. P. 38–50; Макарычев М. Что известно о ядерной программе Израиля: закрытость и непрозрачность // Российская газета, 19.06.2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/19/chto-izvestno-o-iadernoj-programme-izrailia-zakrytost-i-neproзраchnost.html>.

Сектор Газа как одна из «горячих точек» региона

Одной из главных причин нестабильности и конфликтности в регионе остается нерешенность палестинской проблемы и отсутствие прогресса в целом в ближневосточном урегулировании на других его треках (сирийском и ливанском). Особенностью современного периода борьбы палестинцев за возврат оккупированных Израилем территорий и создание своего национального государства в соответствии с Резолюцией 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. является активизация деятельности радикальных палестинских исламистских группировок ХАМАС и «Исламский джихад» и активная поддержка их из-за рубежа.

Бывшие спонсоры и кураторы палестинского национально-освободительного движения из числа арабских стран в последние годы фактически утратили интерес к палестинской проблеме, но под давлением «арабской улицы» продолжают внешне осуждать действия Израиля и выступают за признание Государства Палестина. При этом от каких-либо активных действий против Израиля и военной помощи ХАМАС арабские лидеры воздерживаются. С их стороны даже звучат призывы к лидерам ХАМАС добровольно передать власть в секторе Газа Палестинской национальной администрации (ПНА) во главе с Махмудом Аббасом². Исклчением можно считать Катар и Турцию, на территориях которых по-прежнему располагаются штаб-квартиры ХАМАС, а Доха при этом оказывает этой группировке значительную финансовую помощь³.

2 В 2013 г. был издан указ председателя ПНА М. Аббаса, предписывающий вместо названия «Палестинская национальная администрация» использовать в официальных целях исключительно название «Государство Палестина». В данной работе эти два наименования используются как синонимы.

3 Израиль молча приветствовал финансирование ХАМАС из Катара, пишут СМИ // РИА Новости, 11.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231211/izrail-1914996262.html>.

Вместе с тем роль основного союзника и куратора палестинских радикалов и родственников им региональных неправительственных группировок стал играть Тегеран, который не признает права Государства Израиль на существование, отрицает его легитимность и считает главным врагом мусульман.

Началом очередного обострения палестино-израильского конфликта послужило нападение боевиков ХАМАС и «Исламского джихада» из сектора Газа на приграничные районы Израиля 7 октября 2023 г. В ходе этого масштабного террористического акта было убито около 1 200 израильтян, несколько тысяч ранено, свыше 240 человек стали заложниками радикалов⁴. В экспертном сообществе есть мнение, что главной целью этого нападения было сорвать набравший к тому времени силу процесс признания еврейского государства все большим числом арабских стран. К ранее признавшим Израиль и установившим с ним взаимовыгодные отношения Египту и Иордании в соответствии с Авраамовыми соглашениями 2020 г. присоединились ОАЭ, Бахрейн, Марокко и Судан. По ситуации на сегодняшний день следует констатировать, что указанная цель достигнута: сближение Израиля со своими арабскими соседями было заморожено.

В ходе ответной военной операции «Железные мечи» Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) блокировала сектор Газа, приступила к планомерному разгрому военных формирований палестинских радикалов и ликвидации их военной инфраструктуры. По данным Министерства здравоохранения Палестины, по состоянию на 18 августа 2025 г. погибло около 62 тыс. палестинцев⁵, большая часть из которых — мирные жители. Разрушены жилые здания, гостиницы, инфраструктура, системы электро- и водоснаб-

4 Эксперты ООН — о нападении ХАМАС на Израиль 7 октября: виновные должны понести наказание // ООН, 08.01.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448407>.

5 Макарычев М. Число погибших в Газе за последние два года превысило 62 тысячи человек // Российская газета, 18.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/18/chislo-pogibshih-v-gaze-za-poslednie-dva-goda-prevysilo-62tysiachi-chelovek.html>.

жения, гуманитарная помощь в регион поступает с перебоями и в недостаточном количестве. Израильские власти оправдывают большие потери среди мирного населения Газы действиями боевиков, которые превратили местных жителей в «живой щит» — т. е. де-факто в своих заложников.

15 января 2025 г. при посредничестве Египта, Катара и США между Израилем и ХАМАС было заключено соглашение о прекращении огня. Первая фаза прекращения огня была рассчитана на 42 дня, в ходе которых ХАМАС должен был освободить 33 заложника. Израиль, в свою очередь, должен был освободить 110 палестинских заключенных, находящихся в израильских тюрьмах, и отпустить 1 тыс. жителей сектора Газа, взятых под стражу с начала израильской военной операции. Согласно тексту соглашения, ЦАХАЛ также должен был вывести свои воинские части из густонаселенных районов сектора Газа. Военное присутствие Израиля планировалось сохранить лишь в специальной буферной зоне к югу и западу от границы с сектором глубиной в 700 м (в нескольких местах — 1 300 м). Израиль также обещал открыть КПП «Рафах» на границе сектора Газа с Египтом для передвижения гражданских лиц и раненых после того, как получит от ХАМАС всех женщин и детей⁶.

Однако уже 18 марта 2025 г. Израиль возобновил военную операцию «Железные мечи» под предлогом того, что ХАМАС отказался освободить заложников в срок и продлить действие соглашения. С начала весны 2025 г. в палестинский эксклав перестала поступать напрямую международная гуманитарная помощь, и по решению израильских властей были закрыты все пограничные контрольно-пропускные пункты. Распределение продовольствия среди жителей сектора осуществляется теперь через систему пунктов Фонда гуманитарной помощи Газе (*Gaza Humanitarian Foundation*), которым совместно управляют Израиль и США⁷.

6 В Израиле опубликовали полный текст соглашения с ХАМАС // РБК, 16.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2025/678901629a79478fd1194476>.

7 Axios: США хотят активизировать оказание гуманитарной по-

В итоге двухмиллионное население эксклава вновь оказалось на грани гуманитарной катастрофы из-за острой нехватки продовольствия и медикаментов. По данным Министерства здравоохранения сектора Газа, по состоянию на начало сентября 2025 г. число погибших от голода мирных жителей возросло до 382 человек, включая 135 детей⁸.

Под давлением мирового сообщества правительство Биньямина Нетаньяху вынуждено было 27 июля 2025 г. объявить о запуске «локальных тактических пауз» в ведении боевых действий в густонаселенных районах сектора Газа. Главной их целью стало увеличение объемов поставок гуманитарной помощи палестинцам⁹.

Вместе с тем израильские власти не отказываются от ранее заявленных военных и политических целей в секторе Газа: освобождение всех израильских пленных и заложников, разоружение или физическая ликвидация боевиков ХАМАС и «Исламского джихада», передача власти в секторе мирно настроенным по отношению к Израилю палестинцам. В Иерусалиме считают, что только достигнув этих целей и исключив приход к власти в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан (ЗБРИ) радикальных палестинских группировок, можно будет гарантировать безопасность Государства Израиль. Исходя из этого, правительство Израиля в августе 2025 г. одобрило предложенный Б. Нетаньяху план по оккупации сектора Газа и расширению военной операции в палестинском анклав¹⁰. Что касается вопроса о возможности при-

мощи жителям Газы // ТАСС, 05.08.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24714847>.

- 8 Число погибших от голода в секторе Газа достигло 382 человек // РИА Новости, 06.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250906/chislo-2040177015.html>.
- 9 Гасымов Н. Израиль пошел на гуманитарное перемирие в охваченной голодом Газе // Ведомости, 28.07.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/07/28/1127322-izrail-poshel-na-gumanitarnoe-peremirie-v-ohvachennoi-golodom-gaze>.
- 10 ООН и некоторые страны осудили решение Израиля оккупировать Газу // Интерфакс, 08.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1040281>.

знания Израилем Государства Палестина, то глава израильского внешнеполитического ведомства Гидеон Саар высказался на этот счет следующим образом: «Мы продолжим бороться против создания палестинского террористического государства в самом сердце нашей родины»¹¹.

На конференции ООН 30 июля 2025 г. 17 государств, включая Катар, Египет, Саудовскую Аравию и Иорданию, поддержанные Евросоюзом и Лигой арабских государств, впервые осудили ХАМАС и события 7 октября 2023 г., призвали к разоружению ХАМАС, исключению его из системы управления Палестиной и четко выразили намерение нормализовать отношения с Израилем в будущем¹². Так называемые умеренные палестинские лидеры во главе с президентом частично признанного Государства Палестина М. Аббасом не возражают против участия ПНА в управлении сектором Газа, но при этом выступают за возврат Израиля к границам 1967 г. и признание Восточного Иерусалима столицей палестинского государства. Правительство Нетаньяху исключает такой сценарий и по-прежнему придерживается жесткого курса на урегулирование ситуации в Газе и в целом в отношении палестинской проблемы¹³.

11 Гидеон Саар, глава МИД Израиля (@tikvahadasharu) // Telegram, 30.07.2025.

12 Арабские страны впервые осудили ХАМАС и призвали к его разоружению // ТАСС, 30.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24659899>.

13 Нетаньяху назвал пять принципов, которые обеспечат победу Израиля в Газе // ТАСС, 14.08.2025. URL: <https://news.mail.ru/politics/67446806/>.

Мирный план Трампа не устранил противоречий

29 сентября 2025 г. в ходе встречи с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху в Белом доме президент США Дональд Трамп представил свой план по урегулированию конфликта в секторе Газа, состоящий из 20 пунктов. План предусматривает вывод израильских войск из сектора Газа и прекращение военной операции ЦАХАЛ в обмен на освобождение боевиками ХАМАС в течение 72 часов после прекращения огня всех оставшихся заложников, разоружение боевиков, отстранение радикального палестинского движения ХАМАС и родственников ему группировок от власти в Газе и последующее восстановление инфраструктуры сектора. Сектор Газа в нем предлагается передать под временное управление технократического аполитичного палестинского органа власти, который будет ответственен за повседневное функционирование государственных служб и муниципалитетов, а также создать и развернуть в Газе Международные силы стабилизации (ISF), которые займутся обучением и поддержкой палестинских полицейских подразделений. Надзор и контроль за временным технократическим правительством в Газе и реализацией намеченных реформ предложено передать так называемому Совету мира — международному органу из числа западных экспертов и отставных политиков под председательством Дональда Трампа¹⁴.

Ожидается, что после вступления в силу данного соглашения в эксклав начнет поступать гуманитарная помощь в полном объеме. Восстановление мирной жизни в Газе будет проходить в условиях перспективных инвестиционных предложений от монархий Персидского залива и других мусульманских государств. На территории сектора планируется создать экономическую зону с льготными тарифами и ставками доступа, которые будут согласованы с участвующими в восстановлении сектора Газа странами.

14 Иванов С.М. Газа: мирный план или ультиматум // ИнфоШОС, 04.10.2025. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=43556>.

По сути, Трамп предложил разом разрубить «гордиев узел» этого затянувшегося конфликта, увязав немедленное прекращение огня с обменом израильских заложников и палестинских заключенных (до 2 тыс. человек), демилитаризацией палестинского анклава и созданием там внешнего механизма управления. Предусматривается также амнистия для боевиков ХАМАС, согласившихся сдать оружие и отказаться от насилия, а также безопасный эвакуационный коридор для палестинцев, желающих покинуть сектор Газа.

Пункты 18 и 20 плана предлагают установить диалог между палестинцами и израильтянами для достижения «соглашения о политической перспективе мирного и процветающего сосуществования». В 19-м пункте отдельно сказано о самоопределении Палестины — США признают это естественным стремлением, но считают, что условия для «надежного пути к палестинскому самоопределению и государственности» могут быть созданы гораздо позже, по мере реализации плана Трампа. Пока же Вашингтон разделяет и поддерживает взгляды правительства Б. Нетаньяху на исключение из переговорного процесса вопроса о признании Государства Палестина.

Мировое сообщество в целом, включая ряд арабских и исламских государств (Египет, Иорданию, Индонезию, Катар, ОАЭ, Пакистан, Саудовскую Аравию и Турцию), выразили поддержку мирному плану Трампа. 30 сентября Палестинская национальная администрация под руководством М. Аббаса также выразила поддержку усилиям президента США по урегулированию ситуации на Ближнем Востоке.

Палестинские радикалы прямо не отвергли предложенный Трампом план, но выразили сомнение в реальности обозначенных в нем сроков возвращения заложников; при этом они не спешат разоружаться и не скрывают опасений, что Израиль, получив заложников, может форсировать военную операцию «Железные мечи».

Перспективы реализации этого плана упираются в сохраняющиеся фундаментальные противоречия между Израилем и организацией ХАМАС, которая хотя и существенно ослаблена, все еще пользуется поддержкой палестинцев не только в Газе, но и на

Западном берегу реки Иордан. Иран, Катар и Турция при этом также не собираются прекращать помощь и поддержку палестинским радикалам.

Для ХАМАС выполнение предложенных Трампом условий означает фактическую самоликвидацию. Израиль же, формально соглашаясь с условиями плана Трампа, открыто угрожает ХАМАС ужесточением силовых методов умиротворения сектора, оставляет за собой свободу действий и демонстрирует готовность исполнять лишь выгодные для него пункты.

Время покажет, к чему может привести мирная инициатива Трампа, однако пока оснований для оптимизма она не внушает. Для Вашингтона Израиль остается наиболее важным стратегическим партнером на Ближнем Востоке, и его односторонняя поддержка Соединенными Штатами без учета интересов палестинцев вряд ли приведет к прочному миру в регионе. Не исключено, что между Израилем и ХАМАС может быть достигнуто очередное непрочное перемирие и возникнут некоторые подвижки в снижении напряженности вокруг Газы, но в целом застарелый израильско-палестинский конфликт вряд ли удастся урегулировать в ближайшее время.

Роль и значение на Ближнем Востоке «оси сопротивления» Израилю

Особенностью вооруженного конфликта Израиля с исламистскими группировками палестинцев в последние годы стала попытка открытия широкого антиизраильского фронта за счет подключения к атакам палестинских радикалов на еврейское государство негосударственных группировок исламистов из соседних арабских стран. К их числу относятся, прежде всего, ливанская шиитская военно-политическая группировка «Хезболла» («Партия Аллаха») и йеменская военная группировка хуситов «Ансар Аллах» («Сторонники Аллаха»). В Исламской Республике Иран эти группировки вместе с палестинскими радикалами называют «осью сопротивления» Израилю и США.

В Сирии до свержения режима Башара Асада 8 декабря 2024 г. дислоцировались, помимо формирований ливанской «Хезболлы», отряды наемников-шиитов из Афганистана, Пакистана, Йемена и Ирака. В Ираке Тегераном были созданы прокси-силы в лице неправительственных военных группировок «Хашд аш-Шааби» и «Катаиб Хезболла» (иранские власти считали их также важной частью «оси сопротивления»). После смены режима в Дамаске все проиранские шиитские силы вынуждены были покинуть Сирию. К власти в этой стране пришли арабо-суннитские радикальные группировки, которые пока еще не определились со своим отношением к соседнему Израилю. В целом «ось сопротивления» за последние годы смогла с помощью Ирана создать формирования боевиков, оснащенных довольно мощным арсеналом минометов, реактивных установок залпового огня, ракет различного класса, противотанковых управляемых ракет (ПТУР), переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК), ударных дронов и прочего современного оружия.

С началом военной операции Израиля «Железные мечи» в секторе Газа «ось сопротивления» резко активизировалась. Уже 8 октября 2023 г. «Хезболла» атаковала израильскую границу и начала обстреливать населенные пункты на севере Израиля. ЦАХАЛ предпринял ответные меры, нанося авиаудары по скоплению боевиков группировки, уничтожая военную технику и оружие «Хезболлы».

Обстрелы территории Израиля боевиками «Хезболлы» и ответные удары ЦАХАЛ по позициям этой группировки завершились проведением масштабной военной операции «Стрелы севера» и вторжением израильской армии 1 октября 2024 г. на юг Ливана. В результате «Хезболла» понесла значительные потери в живой силе, боевой технике и вооружении и вынуждена была пойти на прекращение огня. 27 ноября 2024 г. было достигнуто соответствующее соглашение, в соответствии с которым вооруженные отряды и инфраструктура «Хезболлы» выводились с юга Ливана к северу от реки Литани. Армия Ливана взяла на себя обязательство установить контроль за южными районами страны

вдоль границы с Израилем, который, свою очередь, выводил все свои войска с территории Ливана¹⁵.

Несколько позже Израилю и его союзникам в лице США и Великобритании удалось заметно ослабить и йеменскую группировку «Ансар Аллах», боевики которой применяли беспилотники и крылатые ракеты для ударов по территории Израиля и организовали блокаду Красного моря и Аденского залива в отношении морских судов Израиля и связанных с ним стран. ВВС США и Великобритании нанесли мощные ракетно-бомбовые удары по позициям, базам и скоплениям боевиков «Ансар Аллах»¹⁶. ЦАХАЛ также нанес удары баллистическими ракетами по военным объектам хуситов.

Таким образом, попытки Тегерана создать единый антиизраильский фронт в регионе оказались несостоятельны в результате военного поражения боевиков «Хезболлы» на юге Ливана, насильственной смены проиранского режима в Сирии, ракетно-бомбовых ударов по йеменским хуситам. Устранив угрозы нападений исламистов со стороны Ливана, Сирии и Йемена и существенно ослабив военный потенциал Ирана, правительство Нетаньяху сосредоточилось на ликвидации боевиков и военной инфраструктуры ХАМАС и «Исламского джихада» в секторе Газа.

15 О достижении соглашения о долговременном прекращении боевых действий между Израилем и «Хезболлой» // МИД России, 27.11.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1984062/.

16 США и Великобритания нанесли удары по позициям хуситов // РИА Новости, 08.01.2025. URL: <https://ria.ru/20250108/khushity-1992816322.html>.

Влияние смены режима в Сирии на ситуацию в стране и регионе

Падение режима Асада произошло 8 декабря 2024 г. после предпринятого вооруженной оппозицией и радикальными исламистскими группировками в конце ноября 2024 г. решительного наступления на Дамаск. Захватившие власть в стране радикальные исламистские группировки во главе с лидером зонтичной организации «Гейят Тахрир аш-Шам» («Комитет освобождения Сирии») ¹⁷ Ахмедом Хусейном аш-Шараа (псевдоним — Джулани) ¹⁸ сформировали переходное правительство. Однако сколько-нибудь внятной внешней и внутренней политики Дамаска пока не провозглашено: новый режим лишь приспосабливается к обстоятельствам, пытается добиться легитимности на международной арене и любой ценой удержаться у власти. В разношерстном стане победителей Асада сохраняются внутренние разногласия, уже имели место вооруженные столкновения боевиков-исламистов с алавитами, друзами и курдами; при этом далеко не все сирийцы разделяют идеологию и политические взгляды радикалов.

Тегеран, таким образом, не только потерял Сирию, но и утратил сухопутное и воздушное сообщение с ливанской «Хезболлой», что приостановило иранский проект усиления шиитского влияния на Ближнем Востоке. Израиль не преминул этим воспользоваться и, вслед за укреплением своей границы с Ливаном, приступил к созданию так называемой буферной зоны на юге Сирии в районе Голанских высот. В декабре 2024 г. ЦАХАЛ ввел свои войска и осуществил ракетные обстрелы этого региона, а спустя несколько месяцев под предлогом защиты дружественно настроенных по отношению к Иерусалиму арабов-друзов нанес ракетно-бомбовые удары по президентскому дворцу в Дамаске и ряду других сирий-

17 Решением Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ 20-275С от 04.06.2020 г. признана террористической и запрещена в РФ.

18 Фактический глава Сирии с 8 декабря 2024 г., с 29 января 2025 г. — президент Сирии на переходный период.

ских населенных пунктов. Президент Сирии А. аш-Шараа вынужден был прекратить военную операцию по умиротворению друзов и вывести свои войска из южных районов страны¹⁹.

В складывающихся условиях теперь уже Анкара рассчитывает превратить Сирию в свой протекторат, поскольку с начала гражданской войны 2011 года поддерживала сирийских исламистов-приверженцев идеологии «Братьев-мусульман»²⁰, светскую вооруженную оппозицию и отряды туркоманов на севере и северо-западе страны²¹. Следует также учитывать, что под оккупацией турецкой армии и ее прокси-сил остаются административный район Африн и несколько других территорий на севере Сирии²².

Эрдоган и его окружение призывают новые сирийские власти провести совместную с Вооруженными силами (ВС) Турции военно-карательную операцию против курдского ополчения автономного района Рожав на севере и северо-востоке Сирии в расчете на то, что освобожденные от курдов приграничные районы можно будет заселить арабами-суннитами и туркоманами и создать там протурецкий «пояс безопасности». Анкара также вынашивает планы разместить турецкие военные базы в Сирии.

Пока перспективы воплощения в жизнь этого турецкого проекта весьма проблематичны. Как отмечено выше, пришедшие к власти в Сирии радикальные исламисты из числа арабов-суннитов неоднородны по своим политическим и идеоло-

19 Веселов Ю. Сирия: горячее лето 2025-го // ИнфоШОС, 22.07.2025. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=42757>.

20 Решением Верховного Суда Российской Федерации № ГКПИ 03-116 от 14.02.2003 г. признана террористической и запрещена в РФ.

21 Гасанов К. Сохранит ли Турция своё влияние в Сирии? // Международный дискуссионный клуб «Валдай», 17.02.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sokhranit-li-turtsiya-svoye-vliyanie-v-sirii/>.

22 Семенов К. Турецкие «протектораты» в Сирии: управление и интеграция // РСМД, 03.10.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskie-protektoraty-v-sirii-upravlenie-i-integratsiya/>.

гическим взглядам, и ими непросто управлять. Призывы новых сирийских властей к разоружению боевиков и началу формирования регулярной армии и других силовых структур пока висают в воздухе. При этом объективно оппозицию Дамаску могут составить не только курды, но и арабы-алавиты из провинций Латакия и Тартус, арабы-шииты, арабы-друзы, арабские племена Заевфратья, а также представители светской части бывшей антиасадовской коалиции.

Попытки нового режима провести зачистки алавитских провинций от сторонников Асада в марте 2025 г. привели к новым вооруженным столкновениям и масштабным акциям протеста со стороны местного населения. Около 9 тыс. алавитов и шиитов, опасаясь физической расправы, укрылись на российской военной базе Хмеймим²³.

На юге Сирии в провинциях Эс-Сувейда и Деръаа 13–16 июля 2025 г. имел место масштабный вооруженный конфликт между отрядами самообороны арабов-друзов²⁴ и арабами-бедуинами одного из местных племен. Последних поддерживали «силы правопорядка» исламистской группировки «Гейят Тахрир аш-Шам», лидер которой является президентом Сирии.

Нападение исламистов на друзские населенные пункты сопровождалось грабежами и убийствами мирного населения. Только решительное вмешательство в этот конфликт ВС Израиля смогло предотвратить его эскалацию и защитить сирийских друзов от массовой гибели. После израильских артобстрелов позиций «сил

23 МИД назвал число укрывшихся на российской базе в Сирии жителей // РБК, 13.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/03/2025/67d2da399a79477c13b19131>.

24 Друзы представляют собой довольно замкнутую этноконфессиональную группу арабов, исповедующую особую религию на основе шиизма исмаилитского толка с элементами иудаизма. Они проживают компактно на юге Сирии и в окрестностях Дамаска (около 800 тыс. человек), на севере Израиля (примерно 200 тыс.) и в горном Ливане (около 350 тыс.). В Израиле они являются полноправными гражданами, служат в армии, спецслужбах, пользуются большим влиянием и авторитетом.

правопорядка» и ударов ВВС Израиля по президентскому дворцу, зданию Министерства обороны в Дамаске и другим сирийским военным объектам Ахмед аш-Шараа отозвал свои воинские формирования и призвал арабов-бедуинов прекратить огонь и любые боевые действия против друзей.

Захватившим власть в Дамаске исламистам не удалось пока создать инклюзивного правительства, выражающего интересы всех групп населения и политических сил. Стихийные акции протеста жестоко подавляются новыми властями. По-прежнему вне контроля Дамаска остается автономный район Рожава на севере и северо-востоке Сирии, который управляется администрацией курдов и арабских племен Заевфратья. Хорошо вооруженные и имеющие большой опыт боевых действий против бандформирований «Исламского государства»²⁵ курдские ополченцы и их арабские союзники при поддержке небольшого военного контингента США (около тысячи военнослужащих сил специального назначения и армейской авиации) выражают готовность к переговорам с новыми властями в Дамаске и участию в создании будущего государства, но требуют гарантий сохранения их автономного статуса в новой конституции.

Города и населенные пункты большей части страны лежат в руинах, разрушены инфраструктура, жилой фонд, системы здравоохранения и образования, водо- и электроснабжения, наблюдается острая нехватка топлива, продовольствия и медикаментов. Из 22 млн человек довоенного населения Сирии на подконтрольной Дамаску территории даже с учетом высокой рождаемости осталось всего около 15 млн человек²⁶. Примерно 6 млн сирийцев в статусе беженцев проживают в палаточных лагерях в соседних странах (Турция, Ливан, Ирак, Иордания, Египет), до 1 млн —

25 Решением Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ 14-1424С от 29.12.2014 г. признана террористической и запрещена в РФ.

26 Население Сирии // Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН: отдел народонаселения, 25.09.2025. URL: <https://countrymeters.info/ru/Syria>.

в странах ЕС, 5 млн — в автономном районе Рожава и на Восточном берегу реки Евфрат²⁷. Вероятность продолжения гражданской войны в Сирии с возможным вмешательством ВС Турции или Израиля сохраняется.

По прогнозам Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), при нынешних темпах роста экономика Сирии сможет вернуться к довоенному уровню не раньше 2080 г. В настоящее время в бедности живут девять из десяти сирийцев. Чтобы сократить период восстановления страны до десяти лет, ежегодный экономический рост должен увеличиться в шесть раз²⁸.

В целом пока трудно говорить о будущем Сирии и нельзя исключать ее распада на анклавов по типу Ливии или Йемена. Определяющим фактором станет способность новых властей консолидировать сирийское общество и создать условия для возрождения государства через принятие новой конституции, проведение всеобщих парламентских и президентских выборов.

Последствия ударов Израиля и США по Ирану

По данным дипломатических источников, в течение нескольких месяцев вплоть до середины 2025 г. между США и Тегераном при посредничестве Султаната Оман велись не прямые переговоры по иранской ядерной программе, в связи с чем сохранялась надежда на бесконфликтное урегулирование проблемы. Накануне ударов Израиля и США по Ирану глава Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) Рафаэль Гросси заявлял, что у его ведомства нет достоверных данных о намерениях Ирана

27 Оценочные данные автора.

28 Доклад ООН: экономика Сирии сможет вернуться к довоенному уровню не раньше 2080 года // ООН, 20.02.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461516>.

создать ядерное оружие²⁹. Примерно в таком же контексте высказывалась и руководитель разведывательного сообщества США Тулси Габбард³⁰.

Это не помешало вначале Израилю, а затем и США нанести удары по ядерным и другим стратегически важным объектам ИРИ. Не исключено, что поводом для такого решения послужили сведения МАГАТЭ о наличии у Ирана 400 кг обогащенного до 60% урана³¹ либо какие-то данные израильских и американских спецслужб по иранской ядерной программе.

В ночь с 12 на 13 июня Израиль предпринял масштабную военную операцию против Ирана. Около трех часов ночи израильские ВВС нанесли удары по ключевым иранским объектам стратегического значения: урановым центрам в Натанзе и Исфахане, ракетным базам в Керманшахе и Хорремабаде, а также по Тегерану, Исфахану, Тебризу и другим крупным городам. Целями израильских атак были ракетные базы, объекты противовоздушной обороны (ПВО), промышленные предприятия, связанные с производством баллистических ракет и ядерными технологиями, а также представители военного руководства страны и иранские ученые-ядерщики.

Ракетно-бомбовые удары были нанесены Израилем с использованием авиации и высокоточных вооружений, включая крылатые ракеты и беспилотники. В атаке были задействованы также

29 No Evidence Iran Is Actively Pursuing Nuclear Weapons: IAEA Chief // The Business Standard, 19.06.2025. URL: <https://www.tbsnews.net/world/no-evidence-iran-actively-pursuing-nuclear-weapons-iaea-chief-1168876>.

30 Трамп не волнует заявление о том, что Иран не создает ядерное оружие // ТАСС, 17.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24242585>.

31 Acton J.M. Opinion: JD Vance Said the Iran Strikes Set Their Nuclear Program Back 'Substantially'. He's Wrong // Politico, 23.06.2025. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2025/06/23/iran-strikes-nuclear-program-00419268>; Иран-Израиль: глава МАГАТЭ призвал допустить инспекторов на поврежденные ядерные объекты // ООН, 23.06.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465541>.

войска специального назначения и израильская агентура на территории Ирана. Судя по всему, эта военная операция ЦАХАЛ готовилась задолго до этих событий и была хорошо законспирирована.

В преддверии удара ЦАХАЛ спецслужбы Израиля тайно переправили в Иран большое количество высокоточного оружия и беспилотников, разместили их вблизи объектов ПВО, которые затем были повреждены или уничтожены. По некоторым данным, агенты израильской разведки «Моссад» заранее определили местонахождение высшего военного руководства страны, физиков — ядерщиков и специалистов, участвующих в иранской ядерной программе. По ним также были нанесены высокоточные удары, практически по их квартирам и домам³².

Несмотря на значительный урон и потери от ударов Израиля в наступательных вооружениях Ирану удалось осуществить 13 июня 2025 г. ответную военную операцию «Правдивое обещание-3»³³. Массированным ударом своих ракет и беспилотников Иран смог нанести повреждения инфраструктуре, военным и гражданским объектам Израиля в Тель-Авиве и других районах страны.

Однако ракетно-бомбовые удары по Ирану продолжились. В ночь с 21 на 22 июня 2025 г. на глубоко заглубленный (в скальных породах) комплекс Фордо (в 150 км к югу от Тегерана) ВВС США было сброшено шесть сверхмощных противобункерных бомб типа GBU-57A с малозаметных стратегических бомбардировщиков В-2. Предположительно, эти бомбы весом около 14 т способны проникать на глубину до 60 м и пробивать бетонные перекрытия³⁴. Помимо обогатительного завода в Фордо, США

32 Сажин В. Израиль атаковал Иран — последствия // Международная жизнь, 13.06.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51855>.

33 КСИР: Иран нанес ответный удар по военным объектам и авиабазам Израиля // ТАСС, 13.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24214849>.

34 Ritchie N. GBU-57 Massive Ordnance Penetrator // Defence Today, 19.06.2025. URL: <https://www.defencetoday.com/equipment-profiles/gbu-57-massive-ordnance-penetrator/>.

атаковали два других иранских ядерных объекта — в Исфахане и Натанзе. По информации СМИ, по ним было выпущено около 30 ракет *Tomahawk* с подводных лодок, находившихся примерно в 640 км от целей³⁵.

Данные Ирана, США и Израиля о последствиях ударов по Ирану разнятся, но на экспертном уровне высказываются мнения, что ядерная программа Ирана была отброшена назад на полтора-два года, погибли ведущие физики-ядерщики, ряд военачальников и руководство Корпуса стражей иранской революции (КСИР), уничтожена материально-техническая база ядерной программы Ирана, включая штаб-квартиру, архивы, лаборатории и испытательное оборудование, существенный ущерб нанесен системе ПВО, авиации и ракетному комплексу. В Иерусалиме и Вашингтоне не скрывают, что целями атак Ирана было не только остановить развитие его ядерной и ракетной программ, но добиться приостановки поддержки Ираном его прокси-сил в регионе. При этом не исключался вариант смещения теократического режима в Тегеране за счет стихийного протестного выступления широких народных масс.

Официальные представители Ирана, комментируя американские бомбардировки установок обогащения урана, утверждают, что они закончились безрезультатно. В то же время многие специалисты вне Ирана высказывают мнение, что объект в Фордо был поврежден, но лишь частично, и может быть восстановлен. Технические возможности производства центрифуг, обращения газообразного урана (гексафторида урана) в металлическую форму у Ирана сохранились, как и возможности сборки ядерных боеприпасов и осуществления других работ в ядерной области, сохранился и высокий потенциал научно-технологических кадров³⁶.

35 При ударах по Ирану США были задействованы шесть бомбардировщиков В-2 и подводные лодки // Интерфакс, 22.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1032561>.

36 Acton. Op. cit.; Lyman E. Iran Can Steel Build Nuclear Weapons Without Further Enrichment. Only Diplomacy Will Stop It // Bulletin of the Atomic

Важно отметить, что все указанные работы и материалы, которые стали объектом ударов Израиля и США в июне 2025 г., были запрещены или контролируемо ограничивались многосторонним соглашением Ирана с ведущими державами по ядерной программе от 2015 г. (Совместный всеобъемлющий план действий, СВПД). США вышли из этого соглашения по решению первой администрации Д. Трампа в 2018 г., после чего Иран счел себя вправе возобновить ограничиваемую СВПД ядерную деятельность. В итоге в 2025 г. это послужило поводом для конфликта (войны) между двумя ядерными державами, одна из которых — Израиль — не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В целом масштабы ущерба этого конфликта для режима ядерного распространения специалистам только предстоит оценить.

Сейчас довольно трудно прогнозировать дальнейший ход событий в Иране и вокруг него. Не следует исключать, в частности, возможностей продолжения диалога представителей ИРИ с участниками соглашения по ядерной программе Ирана — Россией, Китаем, Великобританией, Францией и Германией.

Есть также сведения, что высшее руководство Ирана в узком кругу обсуждает и условия возобновления переговоров с США по ядерной программе³⁷. По данным западных агентств, поводом к такой инициативе стали опасения, что политическая система Исламской Республики Иран может не выдержать еще одной полномасштабной военной конфронтации и возвращения санкций Совета Безопасности ООН³⁸. Между тем, умеренные круги внутри

Scientists, 02.07.2025. URL: <https://thebulletin.org/2025/07/iran-can-still-build-nuclear-weapons-without-further-enrichment-only-diplomacy-will-stop-it/>.

37 Кербелов Н. Тегеран сворачивает с тропы войны // Курдистан.ру, 17.08.2025. URL: https://kurdistan.ru/2025/08/17/articles-50268_Tegeran_svorachivaet.html.

38 Совбез ООН не смог предотвратить возвращение к санкционному режиму против Ирана // ООН, 19.09.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466421>.

иранской политической элиты предлагают пойти дальше и инициировать кардинальные политические реформы, чтобы предотвратить внутригражданский конфликт и крах властной вертикали³⁹.

Позднее, 27 сентября 2025 г. Совет Безопасности ООН по инициативе «евротройки» (Великобритания, Франция, Германия) восстановил ограничительные санкции против Ирана. Представители указанных стран сочли, что Иран не выполняет взятые на себя обязательства в соответствии с СВПД от 18 октября 2015 г., в связи с чем был задействован предусмотренный СВПД и Резолюцией СБ ООН 2231 механизм быстрого реагирования («*snapback*»)⁴⁰. Против восстановления санкций выступили Россия и Китай, предложившие принять резолюцию о технической отсрочке введения «*snapback*» на шесть месяцев, однако она было заблокирована 26 сентября на заседании СБ ООН.

Если подвести предварительные итоги вооруженного конфликта между Ираном и Израилем 13–25 июня 2025 г., то можно сделать вывод о том, что коренные политические и идеологические противоречия между Ираном и Израилем, очевидно, сохранятся на длительный период. Иерусалим под предлогом угрозы его национальной безопасности со стороны радикальных палестинских организаций, включая ХАМАС, на данном этапе исключает возможность признания Палестинского государства и предпочитает решать палестинскую проблему силовым путем. Тегеран, в свою очередь, не отказывается от возведенной в ранг ключевых внеш-

39 Кербелов. Указ. соч.

40 Совбез ООН не смог отсрочить восстановление санкций против Ирана // ООН, 26.09.2025. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466484>; E3 Joint Statement on Iran: Activation of the Snapback // Government of the United Kingdom, 28.09.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/e3-joint-statement-on-iran-activation-of-the-snapback>.

неполитических и идеологических императивов идеи уничтожения Израиля как враждебного странам ближневосточного региона «сионистского образования».

В то же время расчет некоторых политиков в Израиле и США на подрыв изнутри теократического режима в Тегеране не оправдался. Напротив, атаки Израиля на Иран в значительной степени сплотили иранцев перед лицом общей угрозы. Несмотря на переживаемый страной серьезный финансово-экономический кризис⁴¹, развивающийся в том числе и по причине сохраняющегося санкционного режима США и их союзников, Иран остается мощной региональной державой с большим научно-техническим, промышленным и оборонным потенциалом. У страны есть возможности и ресурсы, чтобы в ближайшие месяцы оправиться от нанесенных Израилем и США ударов. Следует отметить, что экономика страны страдает и от неэффективности системы государственного управления. Иранский экономист Мортеза Афгаха, характеризуя охвативший Иран финансово-экономический кризис, констатировал: «Основные причины сложившейся ситуации — философские, они связаны с системой ценностей, не способствующей развитию, которой руководствуются лица, принимающие решения»⁴².

Вместе с тем Иран, долгие годы находившийся под санкциями, в достаточной степени приспособлен к санкционному режиму со стороны США и западных стран; при этом Тегеран выражает готовность более гибко подходить к своим отношениям со странами ЕС. К тому же Китай, Индия, РФ многие арабские, африканские и мусульманские страны продолжают развивать с Ираном сотрудничество во всех областях, и ИРИ является полноправным членом ООН, МВФ, ШОС и ОПЕК.

41 Подробнее см. в: Сажин В. Иран: итоги непростого 2024 года // Международная жизнь, 26.12.2024. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49552>.

42 Iran's Economic Woes Run Deeper Than Sanctions, Economist Says // Iran International, 26.03.2024. URL: <https://www.iranintl.com/en/202403252126>.

В целом, по ситуации на конец 2025 г., в ближневосточном регионе, помимо главных региональных конфликтов (ирано-израильского и палестино-израильского), остаются нерешенными многие внутренние конфликты — в Палестине (между ХАМАС и ФАТХ), Ливии, Йемене, Сирии, Ливане, Ираке. К любой из указанных стран применим термин «несостоявшееся государство». Характерным для сегодняшнего Ближнего Востока фактором стало также появление на политической арене негосударственных акторов в лице радикальных исламистских военно-политических группировок, которые не только подрывают государственность своих стран, но и все шире вовлекаются внешними силами в региональные конфликты. В этой связи нельзя исключать активизации действий «Исламского государства» и подобных ему международных террористических группировок в регионе.

Региональная безопасность в восприятии Тегерана

ЕВДОКИЯ ДОБРЕВА

НИКОЛАЙ СУРКОВ

Высшее руководство ИРИ неоднократно заявляло, что военное присутствие США вблизи иранских границ дестабилизирует обстановку. Аналогично Иран воспринимает Израиль как плацдарм для реализации американской политики в регионе. Идеологически Тегеран не признаёт легитимность государства Израиль, называя его «сионистским режимом» и «раковой опухолью» региона, подлежащей устранению.

Итоги войны 2025 года

После июньского удара Израиля по территории Ирана в 2025 г. эта угроза стала для Тегерана реальностью. 12-дневная ирано-израильская война — первое открытое межгосударственное столкновение Ирана и Израиля. Кампания началась внезапными ударами ВВС Израиля по военным и ядерным объектам на территории ИРИ, сопровождавшимися точечными ликвидациями военно-политического руководства и научных кадров. В ответ Иран провел серию комбинированных ракетно-дроновых атак (суммарно свыше 500 баллистических ракет и порядка тысячи БПЛА), что привело к десяткам прямых попаданий на израильской территории при высокой доле перехватов системой ПВО¹. 22 июня США нанесли ограниченные удары противобункерными боеприпасами по ядерному центру в Натанзе, заводу по обогащению урана Фордо и ядерному технологическому центру в Исфахане. После этого 24 июня при посредничестве Вашингтона и Катара было согласовано прекращение огня.

Оценки ущерба варьируются: администрация США утверждает, что в результате ударов, иранская ядерная программа была отброшена на 1–2 года назад, Иран заявил о значительном ущербе,

1 Twelve Days That Shook the Region: Inside the Iran–Israel War // Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED), 04.07.2025. URL: <https://acleddata.com/2025/07/04/qa-twelve-days-that-shook-the-region-inside-the-iran-israel-war>.

хотя объекты не были уничтожены полностью. В Израиле погибло 28 человек и свыше 3000 получили ранения, тогда как в Иране счет жертв превышал 600 человек, что подтверждалось как международными, так и иранскими источниками². В совокупности кампания выявила уязвимость иранской ПВО перед высокотехнологичным противником и ограниченность ресурса ИРИ для затяжной войны. Израиль избежал сценария войны на несколько фронтов из-за того, что ключевые иранские прокси-силы не были вовлечены в конфликт. В результате обе стороны предпочли деэскалацию, чтобы минимизировать стратегические издержки.

Соседи как угроза

Кроме Соединенных Штатов и Израиля, Тегеран видит угрозы и в лице некоторых региональных держав. Прежде всего, это Саудовская Аравия и другие монархии Персидского залива, которые Иран воспринимает как конкурентов за влияние и обвиняет в содействии американской политике. Несмотря на нормализацию дипломатических отношений между Тегераном и Эр-Риядом в 2023 г., иранское руководство по-прежнему негативно относится к военной кампании саудовской коалиции в Йемене, рассматривая ее как агрессию против движения «Ансар Аллах», близкого Тегерану. С точки зрения Ирана политика КСА по-прежнему служит интересам США и Израиля, подрывая безопасность исламского мира, а сама Саудовская Аравия выступает «марионеткой Запада» в регионе.

С суннитской монархией Бахрейна, где шиитское большинство подвергается дискриминации, Тегеран имеет напряженные отношения: его обвиняют в поддержке местных оппозиционных групп. С ОАЭ и Кувейтом Иран поддерживает более прагматич-

2 Israeli Strikes Leave 627 Dead, 4,870 Wounded Across Iran // IRNA, 25.06.2025. URL: <https://en.irna.ir/news/85873076/Israeli-strikes-leave-627-dead-4-870-wounded-across-Iran-Health>.

ные контакты, однако сотрудничество этих стран с Израилем, в частности «Соглашения Авраама», вызывает беспокойство Тегерана. Турция — важный сосед и торгово-экономический партнер, однако ее экспансионистские устремления и членство в НАТО воспринимаются как источники рисков. В годы сирийского конфликта Иран с подозрением относился к военному присутствию Турции на севере Сирии и Ирака, опасаясь усиления турецкого влияния в зонах, традиционно рассматриваемых Тегераном как сферы собственного влияния.

После смены власти в Дамаске в 2024 году роль Турции в сирийском урегулировании заметно возросла. Для Ирана это стало вызовом, поскольку вытеснение проиранских сил из Сирии воспринимается как стратегическая потеря. Помимо Сирии страны соперничают и в Закавказье: Анкара вместе с Баку продвигает «Зангезурский коридор» как сквозную связку Нахичевани с остальным Азербайджаном и частью Срединного коридора, тогда как Тегеран считает экстерриториальный вариант угрозой своему доступу к Армении и лоббирует альтернативу через Иран. В 2025 г. США был предложен компромиссный логистический проект TRIPP, который Турция приветствовала, а Иран встретил настороженно. Коммуникации Южного Кавказа становятся ареной соперничества за контроль логистики и влияние от Каспия к Черному морю.

Вместе с тем Турция рассматривается как ключевой партнер по транзиту энергоносителей, торговле и региональной безопасности. Совместные механизмы вроде «Астанинского формата» позволяют Ирану и Турции сохранять каналы для диалога. В целом, по состоянию на 2025 г., Иран не оценивает Турцию как непосредственную военную угрозу, но обеспокоен усилением ее геополитических амбиций.

Наконец, Иран видит серьезную опасность в явлениях транснационального терроризма и экстремизма. Появление ИГИЛ³

3 «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ); решением Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ 14-1424С от 29.12.2014 г. признана террористической и запрещена в РФ.

и других радикальных суннитских группировок в 2010-е годы стало прямым вызовом безопасности Ирана. Когда «Исламское государство» захватило обширные территории в соседних Ираке и Сирии, Иран воспринял это как угрозу, требующую немедленного отпора за пределами своих границ.

Новая конфигурация «оси сопротивления»

Иран выработал проактивную региональную стратегию безопасности. Ее суть — перенести линию обороны как можно дальше от национальных границ, используя союзников, вооруженные группы и асимметричные средства для нейтрализации угроз на дальних подступах. Этот подход также иногда называют «стратегией передовой обороны» или «экспортом безопасности».

Основатель Исламской республики имам Хомейни провозгласил целью экспорт исламской революции, и эта цель со временем трансформировалась в идею создания пояса союзников в мусульманском мире. Первоначально речь шла о поощрении народных масс к исламским восстаниям, со временем же ставка была сделана на поддержку военизированных групп. Корпус стражей исламской революции (КСИР) создал спецподразделение «Аль-Кудс», ответственное за работу за рубежом — от Ливана и Палестины до Афганистана. «Ось сопротивления» стала собирательным названием коалиции, включающей помимо самого Ирана ряд государств и негосударственных акторов, объединенных против общих врагов: Запада, Израиля и суннитского экстремизма⁴. Все они в той или иной мере получают от Ирана

4 В эту «ось» входят: «Хезболла» в Ливане; шиитские милиции в Ираке («Организация Бадр»; «Катаиб Хезболла»; «Асайиб Ахль аль-Хак»; «Харакат Хезболла ан-Нуджаба»; «Катаиб Сайид аш-Шухада»; «Катаиб аль-Имам Али»; «Сарая аль-Хурасани»; «Катаиб Джунд аль-Имам»; а также «Сарая аль-Джихад», «Харакат Ансар Аллах аль-Ауфия» и др.); хуситы Йемена («Ансар Аллаха»); в разной степени — палестинские

поддержку — финансовую, военную, консультационную. Их действия зачастую согласуются с интересами Ирана, хотя степень контроля варьируется.

Такая экспансия усилила позицию Ирана как одной из ведущих региональных держав, способной бросать вызов интересам США и их союзников. Однако драматические события 2024 г. поставили под вопрос эффективность прежних инструментов.

Вокруг Израиля

В ходе вооруженного противостояния с Израилем в 2023–2024 гг. тяжелые потери понесла ливанская «Хезболла» — главный и самый старый из иранских прокси. По данным Reuters, за 14 месяцев боевых действий против Израиля погибло до 4000 бойцов «Хезболлы», а инфраструктура движения на юге Ливана и южных пригородах Бейрута оказалась в руинах⁵. Более того, был убит бессменный лидер «Хезболлы» шейх Хасан Насралла, что сильно подорвало моральный дух всей «оси сопротивления». В ходе 12-дневной ирано-израильской войны организация не открыла полномасштабного северного фронта, ограничившись эпизодическими атаками у «Голубой линии»⁶. Однако полная демилитаризация «Хезболлы» не кажется реалистичной. В Ливане обстановка остается сложной из-за глубокого экономического кризиса

группы (ХАМАС, «Исламский палестинский джихад», «Харакат ас-Сабин»).

- 5 Bassam L., Perry T., Gebeily M. Still Counting Its Dead, Hezbollah Faces Long Road to Recover from War // Reuters, 28.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/hezbollah-faces-long-recovery-officials-fear-thousands-fighters-lost-israel-2024-11-27/>.
- 6 Chughtai A. Visualising 12 Days of the Israel–Iran Conflict // Al Jazeera, 26.06.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/6/26/visualising-12-days-of-the-israel-iran-conflict>. «Голубая линия» — демаркационная линия к югу от р. Литани без вооруженных формирований, кроме ЛНА и UNIFIL.

и политического вакуума. «Хезболла» и проиранский шиитский лагерь сталкиваются с критикой внутри страны, однако по-прежнему сохраняют решающие позиции.

Иран поддерживает контакты с исламистскими группами в Газе и усилил финансирование «Исламского джихада». Отношения с ХАМАС, испорченные во время сирийской войны, после 2021 г. восстановились на фоне войны в Газе. Однако израильская кампания в Палестине сильно ослабила возможности палестинских групп. Тегеран публично осуждал израильские действия в Газе и обещал восстановить «сопротивление», хотя прямого вмешательства избегал. В 2025 г. палестинский вопрос остается для Ирана символическим фронтом давления на Израиль.

Потеря Сирии

Сирия до конца 2024 г. была краеугольным камнем иранской стратегии безопасности. Крах 50-летней династии Асадов стал стратегическим поражением Тегерана. Главный союзник был потерян, а многолетние усилия Ирана сохранить «тридцать пятую провинцию» оказались тщетными. Если к 2023 г. в Сирии насчитывалось до 570 иранских военных объектов (включая 55 баз),⁷ то после смены власти эта инфраструктура была утрачена — проиранские силы либо покинули страну, либо были вытеснены.

Вакуум влияния стал быстро заполняться другими игроками. Турция упрочила контроль над севером, поддерживая Сирийскую национальную армию и продвигаясь вглубь — её протее заняли, например, Тель-Рифаат и Манбидж, оттеснив курдские формирования. Россия, давшая Асаду убежище, сохранила свои базы в Тартусе и Хмеймиме, но ей пришлось выстраивать отношения с враждующими группировками и временными администрациями.

7 Eilam E. Why Israel and Iran Had Decided to Avoid a Long War // RUSI, 07.07.2025.

Уход Дамаска из орбиты Тегерана разрушил созданный к тому моменту сухопутный коридор от Ирана до Ливана, резко осложнив снабжение ливанской «Хезболлы» и иных союзников. Без союзного режима в Дамаске она утратила безопасный тыл и канал вооружений, что повышает ее уязвимость. Тель-Авив установил буферную зону на сирийско-израильской границе для предотвращения возвращения проиранских сил.

Отношения с Ираком

Соседний Ирак представляет пример сложных, драматических отношений с Ираном. После свержения Саддама Хусейна в 2003 г. в новом Ираке шииты стали играть ключевую роль в политике, многие лидеры послевоенного Ирака были ранее в эмиграции и получали образование в Иране. В Багдаде установилось лояльное Ирану шиитское правительство, а многочисленные проиранские милиции, созданные из шиитских добровольцев, особенно в период борьбы с ИГИЛ, стали ключевой военной силой.

Фактически Ирак ныне входит в орбиту влияния ИРИ. Помимо политических и религиозных связей, развито экономическое сотрудничество, Ирак зависит от поставок иранского газа и электроэнергии. В годы войны с ИГИЛ (2014–2017 гг.) Иран оперативно направил в Ирак военных советников, включая генерала Сулеймани, и помог организовать ополчение «Хашд аш-Шааби». Эта кампания рассматривалась Тегераном как оборона своих границ на дальних подступах.

В то же время послевоенный Ирак остается полем скрытого соперничества Ирана и США. Американские войска частично присутствуют в Ираке, а Иран требует их полного вывода, используя для давления лояльные шиитские формирования. Убийство генерала Сулеймани и иракского командующего Абу Махди аль-Мухандиса в 2020 г. произошло именно на иракской земле, что показывает, насколько Ирак стал ареной противостояния. Иран стремится не допустить возрождения антииранских сил в Багдаде, поддерживает единство шиитских партий, по воз-

возможности интегрирует суннитов и курдов в иракскую политику, чтобы предотвратить раскол страны. По сути, Ирак сегодня — «младший брат» Ирана. Для безопасности ИРИ крайне важно, чтобы Ирак оставался дружественным и ни в коем случае не превратился снова в плацдарм для враждебных сил.

Война в Йемене

Движение «Ансар Аллах» в Йемене — еще один важный союзник Ирана. Тегеран рассматривал движение хуситов как возможность создать опорный пункт на Аравийском полуострове, прямо у южных границ Саудовской Аравии. После начала войны в Йемене в 2015 г. Иран активно хотя и негласно поддерживал хуситов политически, информационно и, по данным западных разведок, оружием, включая технологии баллистических ракет и дроны. Иран официально отрицает военное участие в Йемене, заявляя лишь о гуманитарной и дипломатической поддержке. Хуситы способны усиливать стратегическое давление Тегерана: ударами по судоходству или по целям на юге Израиля — но сохраняет право выбора времени, масштабов и географии применения силы, что отличает его от более плотно интегрированной в иранскую орбиту «Хезболлы».

С идеологической точки зрения, ИРИ обосновывает свою стратегию, ссылаясь на исламский долг помощи «угнетенным» и борьбу с империализмом. Фактически, Иран успешно создал транснациональную шиитскую коалицию, которая может оперативно реагировать на вызовы безопасности.

Механика безопасности

Важнейшим элементом стратегии безопасности Ирана являются ракетные войска. Баллистические ракеты различной дальности — это гордость и опора обороноспособности ИРИ. После войны 1980-х годов, когда иранские города подвергались ракет-

ным обстрелам, Тегеран сделал ставку на развитие собственного ракетного оружия. Сейчас у Ирана крупнейший на Ближнем Востоке арсенал баллистических ракет (с дальностью до 2000 км и более) и крылатых ракет, а также ударных беспилотников. Эти средства способны достать базы противника по всему региону — от аэродромов в Персидском заливе до израильской территории. Ракеты рассматриваются Ираном как основной инструмент сдерживания, «асимметричный ответ» на технологическое превосходство ВВС США и Израиля. С помощью ракет Иран угрожает нанести неприемлемый урон противнику в случае нападения.

За счет многофронтowej системы сдерживания, распределенной сети прокси и союзных формирования, была создана так называемое «огненное кольцо» вокруг Израиля. Иран и связанные с ним силы создают вокруг противника пояс огневых площадок — из Ливана, Газы, Сирии (до 2024 г.), Ирака, Йемена. Идея заключалась в том, чтобы при кризисе наносить согласованные ракетно-дроновые залпы с разных направлений, перегружая ПВО противника, повышая цену эскалации и сдерживая превентивные удары⁸.

В апреле 2024 г., в ходе операции «Истинное обещание» в ответ на израильские удары по иранскому консульству в Дамаске, «огненное кольцо» сработало ограниченно. Иран запустил свыше 300 средств поражения. Однако коалиционная ПВО (США, Великобритания, Франция, Иордания) перехватила подавляющее большинство, и эффект «многофронтowego давления» оказался в основном символическим⁹.

В июне 2025 г. в 12-дневной ирано-израильской войне «кольцо» проявилось ещё слабее. Иракские формирования в ос-

8 راهبرد خردمندانه حلقه آتش (Rāhbord-e kheradmandāne-ye halqe-ye ātash) [Мудрая стратегия «огненного кольца»] // Iranian Diplomacy, 12.12.2024. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2030267/>
راهبرد-خردمندانه-حلقه-آتش.

9 U.S., UK and Jordan Intercept Many of the Iranian Drones Headed to Israel // The Times of Israel, 14.06.2024. URL: <https://www.timesofisrael.com/us-uk-and-jordan-intercept-many-of-the-iranian-drones-headed-to-israel/>.

новном «выдержали паузу», ослабленная «Хезболла» не открыла полномасштабный фронт, сирийское звено выпало после падения режима, и противостояние носило преимущественно двусторонний характер — массированные иранские пуски против израильской ПВО¹⁰. Это подтвердило ослабление потенциала синхронной эскалации и смещение функции «огненного кольца» к эпизодическому участию.

Однако подобная региональная политика имеет издержки для самого Ирана. Во-первых, это экономическое бремя: поддержка союзников обходится дорого, учитывая, что Иран под санкциями и его экономика испытывает трудности. Содержать, например, «Хезболлу» (по различным оценкам, Иран выделял ей порядка 700 млн долл. в год) и одновременно финансировать операции в Сирии было непросто¹¹. Во-вторых, человеческие потери: несколько тысяч иранских военных советников и добровольцев погибли в Сирии и Ираке, что вызвало вопросы в иранском обществе. В самой ИРИ не все одобряют столь активное вмешательство за рубежом — особенно на фоне внутренних социально-экономических проблем. Во время протестов 2017–2019 гг. часть демонстрантов скандировала: «Ни Газа, ни Ливан — моя жизнь за Иран!», выражая недовольство тем, что государство расходует средства на зарубежных союзников, вместо того чтобы улучшать жизнь граждан¹².

10 Malik H., Knights M. Iraqi Militias Show Cohesion and Restraint During Iran-Israel war // The Washington Institute Policy Analysis, 19.06.2025. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iraqi-militias-show-cohesion-and-restraint-during-iran-israel-war>.

11 افشای صدها میلیون دلار هزینه ایران برای گروه‌های موسوم به مقاومت (Efshā-ye sad-hā milyun dolār hazīne-ye Iran barāye goruh-hā-ye mousum be moghāvat) [Раскрытие расходов Ирана в сотни миллионов долларов на так называемые группы сопротивления] // IranWire, 01.04.2023. URL: <https://iranwire.com/fa/news-1/115755--افشای-کمکهای-صدها-میلیون-دلاری-ایران-به-حزبالله-و-حماس-و-جهاد-اسلامی>.

12 نه غزه نه لبنان جانم فدای ایران (Na Ghaze Na Lobnān, Jānam Fadā-ye Irān) [«Ни Газа, ни Ливан — жизнь моя за Иран»] // Wikipedia, [n.d.]. URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/نه_غزه_نه_لبنان_جانم_فدای_ایران.

Однако в иранской стратегической культуре превалирует взгляд, что если Тегеран не будет распространять влияние на Ближнем Востоке, вакуум заполнят враги, и тогда Ирану грозят новые войны на собственной территории.

Изменение регионального баланса сил

Описанные события 2024–2025 гг. существенно сказались на отношениях Ирана с ключевыми игроками. Отношения с Израилем, очевидно, вошли в новую, крайне острую фазу: хотя прямое столкновение завершилось, взаимная враждебность только усилилась. Израиль объявил о «блистательной победе» и продолжит политику сдерживания Ирана, наращивая военные возможности и стремясь создать коалицию против ИРИ. Тегеран заявил, что израильская агрессия лишь укрепляет решимость «стереть сионистский режим с карты» в долгосрочной перспективе.

Обе стороны трактуют прекращение огня 24 июня 2025 г. как временное перемирие. В израильском дискурсе на уровне военного руководства подчеркивается, что «если Иран продолжит ядерные разработки, Армия обороны Израиля нанесет по нему новые удары»¹³. Иранская официальная риторика симметрична по смыслу: в послевоенном заявлении КСИР зафиксировано обещание, что «мы не воздержимся ни от каких действий ради последовательного наказания [противника]»¹⁴.

13 مقام ارشد اسرئیل: اگر ایران باز به سمت سلاح اتمی برود دوباره حمله می‌کنیم (Maqām-e arshad-e Esrāil: agar Irān bāz be samt-e selāh-e atomī beravad, dobare hamle mikonim) [Высокопоставленный израильский чиновник: если Иран продолжит разрабатывать ядерное оружие, мы нанесем новый удар] // Iran International, 27.06.2025. URL: <https://beta.iranintl.com/202506277011>.

14 یانیه پایانی سپاه پس از آتش‌بس ایران و اسرئیل منتشر شد (Bayaneye pāyāni-ye Sepāh pas az ātashbas-e Irān va Esrā īl montasher shod) [Опубликовано заявление КСИР после перемирия между Ираном и Израилем]

В целом конфигурация «оси сопротивления» трансформировалась: если ранее ее география простиралась от Тегерана через Багдад и Дамаск до Бейрута и Газы, то теперь влияние Ирана более мозаично, опирается на оставшиеся опорные точки (Багдад, Бейрут, Сана) и требует перевооружения старых союзников и поиска новых.

Реакция региона на события 12-дневной войны выглядит неоднозначной. С одной стороны, шесть аравийских монархий, входящих в Совет сотрудничества арабских государств Залива, неофициально приветствовали ослабление Ирана, в котором они продолжают видеть одну из главных угроз своей безопасности. С другой стороны, арабские соседи единогласно осудили израильские и американские удары по Ирану, а также выразили опасения в связи с возможной дальнейшей эскалацией напряженности в регионе. На протяжении последних двух десятилетий для монархий Залива основная опасность со стороны Тегерана была связана с проведением политики региональной экспансии за счет дестабилизации режимов в других странах и создания сети прокси-группировок.

После 12-дневной войны публикации во влиятельных саудовских изданиях прямо указывают на коллапс иранского влияния на Ближнем Востоке. Наблюдатели сравнивают произошедшее с коллапсом насеризма после поражения Египта в арабо-израильской войне 1967 г.

С 2000-х годов Иран воспринимался в сознании арабских масс как единственная региональная держава, которая не боится бросить вызов «сионистам» и Америке. И Тегеран успешно использовал этот имидж для укрепления своего престижа и продвижения выгодной ему повестки. Так продолжалось до 12-дневной войны, которая продемонстрировала неспособность ИРИ сдерживать Израиль, защитить своих стратегических союзников и даже собственную территорию. То есть речь идет о фактиче-

ском вытеснении иранцев из Леванта, а возможно, и со всего Ближнего Востока.

До недавнего конфликта было принято считать, что ядерное оружие может понадобиться Ирану не как инструмент прямой агрессии, а как средство сдерживания и гарантия ненападения со стороны более сильных стран, прежде всего со стороны США. После фактического поражения ИРИ в 12-дневной войне региональные наблюдатели высказывают опасения, что именно ядерная программа, а не прокси-группировки, станет спасением для режима в Тегеране. Так, аналитики из ОАЭ рассматривают сценарий, когда Иран может последовать примеру КНДР и приступить к ускоренному созданию ядерного оружия, чтобы исключить новое иностранное военное вмешательство уже для смены режима.

Примечательно, что все шесть аравийских монархий осудили израильские и американские удары по Ирану. И сделали все возможное, чтобы сохранить нейтралитет. Наиболее сильные страхи у соседей вызывает вариант, при котором у Ирана нет возможности гарантировать выживание режима за счет ядерного оружия и тогда он будет вынужден действовать обычными средствами (баллистическими ракетами и беспилотниками) против американских баз в Заливе, создавая риски для уязвимой инфраструктуры и для судоходства в Ормузском проливе. Негативный экономический эффект от таких событий будет очень велик, поскольку благополучие монархий Залива зависит от бесперебойного экспорта углеводородов, транзитной торговли, притока инвестиций и туризма.

Для аравийских монархий актуальной стала стратегия, включающая объединение военных возможностей шести монархий, чтобы не зависеть в данном вопросе от США или, как минимум, создать собственную надежную систему ПВО/ПРО.

Что касается США, то администрация Трампа продемонстрировала применение силы против иранской ядерной инфраструктуры. С точки зрения Ирана, США вновь подтвердили репутацию главной внешней угрозы, доверие подорвано, так как нападение было совершено в разгар не прямых переговоров между Ираном и США. Тегеран подал официальные ноты протеста в ООН, обви-

няя Вашингтон в «неспровоцированной агрессии». Все каналы для возобновления ядерной сделки были заморожены, а Иран ускорил программы, направленные на снижение зависимости от долларовой экономики и американских технологий. В военной сфере ИРИ начала реформирование системы ПВО (упор на создание эшелонированной защиты от высокотехнологичных угроз, возможно, с помощью новых российских систем)¹⁵. Парадоксально, но прямое столкновение заставило обе стороны вернуться к тактике «управляемой конфронтации»: Вашингтон усилил санкционное и военное давление, но избегает нового нападения, а Тегеран, осуждая «империалистов», все же ищет пути избежать прямого военного столкновения, пока не укрепит свои позиции.

Военные события 2024–2025 гг. не могли не сказаться на судьбе иранского атомного проекта. Еще к 2023 г. Тегеран довел обогащение урана до 60%, накопив достаточные запасы, которых при дальнейшем доведении до оружейного уровня (около 90%) хватило бы на десяток боезарядов. Израиль публично угрожал не допустить перехода Ираном пороговой черты — и в июне 2025 г. попытался выполнить эту угрозу силой. По израильским данным, иранская программа «отброшена на несколько лет»¹⁶. Однако Иран сумел сохранить часть потенциала — благодаря глубоко законсервированным объектам и рассредоточению ключевых компонентов производства.

С одной стороны, отсутствие у Ирана ядерного оружия позволило Израилю и США действовать относительно свободно, не опасаясь ядерного ответа. С другой, сама близость Ирана к ядерному статусу, видимо, заставила поторопиться с ударом. После убийства Сулеймани в 2020 г. и после ударов 2025 г. иранский парламент принимал демонстративные законы об ускорении ядерной программы, показывая, что при экзистенциальной угрозе режим может пересмотреть даже фетву о запрете ядерного

15 Eilam. Op. cit.

16 Chughtai. Op. cit.

оружия. Впоследствии в Тегеране заявили, что не планируют выходить из ДНЯО и стремятся к дипломатическому решению, но в стратегической перспективе Иран явно будет сохранять ядерную опцию как последнюю меру. Возможно, Иран сделает вывод, что без ядерного оружия его безопасность под реальной угрозой, и будет еще настойчивее добиваться статуса пороговой ядерной державы либо даже создания ядерного оружия.

В иранском публичном пространстве фиксируется заметное укрепление проядерных настроений. По данным, опубликованным агентством *Young Journalists Club*, 66% опрошенных в общенациональном опросе поддержали идею получения Ираном ядерного оружия (19 июня 2025 г.)¹⁷. Одновременно онлайн-опрос портала «Табнак» среди 103178 участников показал 73% сторонников создания «бомбы» (16 августа 2025 г.)¹⁸. Дополняя эту картину, медиаресурс «Эттелаат онлайн» ссылается на результаты Центра исследований ИРИБ, по которым 78% респондентов выступили против соглашения с США о «сворачивании» ядерной индустрии (т.е. в пользу «ядерного суверенитета», 4 июля 2025 г.)¹⁹. В совокупности эти публикации согласуются с трендом, зафиксированным в 2024 г. независимыми исследованиями *Bulletin of the Atomic Scientists* о росте доли иранцев, одобряющих обладание ядерным оружием.²⁰

17 باشگاه خبرنگاران جوان «۶۶ درصد پاسخگویان موافق دستیابی ایران به بمب اتم هستند» [«66% респондентов поддерживают получение Ираном атомной бомбы»] // [Bāshgāh-e Khabarnegarān-e Javān; «Молодежный клуб журналистов», YJC], 19.06.2025. URL: <https://www.yjc.ir/fa/news/8965255>.

18 «درصد مردم خواهان دستیابی ایران به بمب اتمی هستند ۷۳» [«73% граждан выступают за достижение Ираном обладания атомной бомбой»] // Tabnak, 16.08.2025. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/1323059>.

19 «طلاعات آنلاین «تایک نظرسنجی: مردم درباره مذاکره با آمریکا چه گفتند؟» [«Итоги опроса: что сказали граждане о переговорах с США?»] // Ettelaat Online, 04.07.2025. URL: <https://www.ettelaat.com/news/101459>.

20 Asadzade P. A Majority of Iranians Now Favor Possessing Nuclear Weapons — Their Leaders Take Note // *Bulletin of the Atomic Scientists*, 13.06.2024.

Не исключено возобновление переговоров по новому соглашению, если Иран сочтет, что выиграет время на восстановление экономики и укрепление обороны. Но полного отказа от ядерного потенциала не будет: слишком наглядны уроки из истории стран на Ближнем Востоке, отказавшихся от ядерных устремлений и ставших жертвами агрессии.

Внутри страны рост внешних угроз привел к дальнейшей милитаризации политического курса. Консервативные силы сплотились вокруг тезиса, что любые уступки врагам ведут к обману: Иран ограничил свою ядерную программу, подписав СВПД в 2015 г., как США вышли из соглашения и возобновили санкции, а теперь и вовсе развязали войну. Такой нарратив усиливает влияние КСИР и радикалов, требующих не показывать слабость.

Заключение

Если в «Стратегическом обзоре 2024» была представлена весьма тревожная картина состояния международной безопасности, то нынешний выпуск «Обзора» едва ли дает больше оснований для оптимизма. В мире растет непредсказуемость, усугубляемая зигзагами политики нового руководства США, расширяется применение силы, распространяются международные конфликты и расширяются сферы военного соперничества государств. Высокий уровень международной напряженности и конфликтности сохраняется как в Европе, так и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Южной Азии, на Ближнем Востоке.

Тем не менее, не следует впадать в беспросветный пессимизм. От состояния дел в области урегулирования конфликтов и контроля над вооружениями зависит слишком многое, особенно по линии взаимодействия России и США. Поэтому исключительно важно вернуть эти темы в официальный российско-американский диалог. Ведь в сфере контроля над вооружениями Россия — единственная в мире страна, способная вести с США такой диалог на равных. На Москве лежит огромная ответственность за глобальную безопасность, как бы ни раздражали подчас нелепые декларации и стратегические неожиданности, приходящие из-за океана. Как показал опыт последних лет, без «несущей опоры» в виде взаимодействия двух сверхдержав размывается устойчивость всей международной системы.

Это, в первую очередь, относится к фундаментальному компоненту здания контроля над вооружениями — Договору о нераспространении ядерного оружия, очередная обзорная Конференция по которому состоится в 2026 г. После двух подряд неудачных конференций этого уровня (в 2015 и 2022 гг.) новая война на Ближнем Востоке и третий провал Конференции способны нанести по ДНЯО фатальный удар. Особенно в случае истечения продленного срока Договора СНВ-3 в феврале того же года без какого-либо продолжения. И тем более, если возобновятся натурные ядерные испытания и будет денонсирован соответствующий договор.

Состояние всей системы контроля над вооружениями ставит ныне вопрос не о ее дальнейшем развитии, а об «аварийных мерах» спасения хотя бы ее основных составляющих элементов. Вторично продлить ДСНВ-3 не позволяет его Статья XIV, пункт 2 которой гласит: «Если Стороны решат продлить настоящий Договор, он продлевается на срок не более пяти лет...»¹. Тем более, в оставшееся до 5 февраля 2026 г. время практически нереально согласовать следующий договор. Поэтому в лучшем случае остается надеяться на политически обязывающие заявления сторон о намерении соблюдать основные ограничения ДСНВ-3 в течение обозримой перспективы.

Именно с такой инициативой выступила Москва 22 сентября 2025 г. «Чтобы не провоцировать дальнейшую гонку стратегических вооружений, обеспечить приемлемый уровень предсказуемости и сдержанности, — заявил президент России В. Путин, — считаем оправданным попытаться сохранить на нынешнем достаточно турбулентном этапе сложившийся благодаря ДСНВ статус-кво. Поэтому Россия готова после 5 февраля 2026 года продолжить в течение одного года придерживаться центральных ко-

1 Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений // Официальный сайт президента России, 08.04.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/512>.

личественных ограничений по Договору о СНВ»². В дальнейшем сохранение указанных добровольных самоограничений оговаривается условием, «что США будут действовать аналогичным образом и не предпримут шагов, нарушающих существующее соотношение потенциалов сдерживания».

Выдержав некоторую паузу, 5 октября Д. Трамп ответил: «Мне кажется, что это звучит как хорошая идея»³. После многолетнего перерыва первый обмен мнениями по данному вопросу, безусловно, явился позитивным сдвигом в отношениях двух ядерных сверхдержав и в динамике международной безопасности в целом. Однако это лишь начало пути, и его перспективы остаются весьма неопределенными. В прошлом Трамп весьма скептически относился к данному договору, заключенному, а затем продленному его демократическими предшественниками (в 2010 и 2021 гг. соответственно). Более того, от близких к республиканцам экспертно-политических кругов исходит давление за перестройку стратегии и программ ядерных вооружений на конфронтацию одновременно с двумя крупнейшими противниками в лице России и Китая⁴, что предполагает не ограничение, а наращивание ядерного потенциала и развитие новейших неядерных систем оружия и разрушительных технологий.

К тому же общее состояние российско-американских отношений остается весьма неустойчивым, две державы стоят по разные стороны многих международных и внутренних кризисов мира.

-
- 2 Совещание с постоянными членами Совета Безопасности. Владимир Путин в Кремле провел оперативное совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Официальный сайт президента России, 22.09.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78051>.
 - 3 Shalal A. Trump Says Putin's Offer on Nuclear Arms Control "Sounds Like a Good Idea" // Reuters, 05.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/trump-says-putins-offer-nuclear-arms-control-sounds-like-good-idea-2025-10-05/>.
 - 4 Edelman E., Miller F. No New START. Renewing the U.S.-Russian Deal Won't Solve Today's Nuclear Dilemmas // Foreign Affairs, 03.06.2025. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/no-new-start>.

Новые инициативы, вроде передачи Украине американских крылатых ракет *Tomahawk*, способны вновь загнать в глубокий тупик едва начавшийся стратегический диалог, и хуже того — повлечь опасную эскалацию противостояния НАТО и России вокруг украинского конфликта. В октябре переговоры по украинской проблеме прервались, не возобновившись, а саммит в Будапеште был отложен. Затем, 21 ноября, в интернет-издании *Axios* был опубликован «Мирный план» по урегулированию украинского конфликта из 28 пунктов, вызвавший бурные международные дебаты. Хотя авторство этого документа было не совсем ясно и он содержал много неоднозначных положений, в целом было признано, что некоторые пункты могли стать основой для дальнейших поисков компромисса между заинтересованными сторонами.

Реакцией на растущую военную нестабильность стали транслировавшиеся по телевидению 26 и 29 октября заявления президента В. Путина об успешных испытаниях новейших систем ядерного оружия неограниченной дальности: крылатой ракеты «Буревестник» и автономного подводного аппарата «Посейдон». Впервые в истории эти носители оснащены атомной энергетической установкой. По «Буревестнику» президент дал задание «определить возможные способы применения» этой ракеты⁵.

По всей видимости, ответом стал экспромт Трампа от 29 октября о срочном возобновлении ядерных испытаний США «на равных основаниях» с другими государствами. Как обычно, в стиле американского президента это заявление содержало большие неясности. Имелись ли в виду запрещенные по ДВЗЯИ натурные испытания ядерных боеприпасов или разрешенные испытания ядерных носителей? Что значит «на равных основаниях», если ни одно из других ядерных государств уже много лет не проводит тестовых ядерных взрывов? Так или иначе, это заявление создало еще большую неопределенность для перспектив контроля над ядерными вооружениями.

5 Путин сказал о необходимости определить класс ракеты «Буревестник»
// Интерфакс, 26.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1054740>.

Серьезность ситуации послужила поводом для специального обсуждения в ходе совещания Совета Безопасности России 5 ноября. Было выражено общее мнение, что не только слова, но и действия США существенно повышают уровень военной опасности для России. Президент Путин подчеркнул, что Россия неукоснительно придерживается обязательств по ДВЗЯИ и у нее нет планов отойти от этих обязательств. В то же время он поручил всем ответственным ведомствам собрать дополнительную информацию и внести предложения о возможном начале работ по подготовке испытаний ядерного оружия.

Характерная для 2025 года турбулентность международной ситуации продолжалась буквально до последнего дня. По сообщению российских официальных источников, в ночь на 29 декабря Вооруженные силы Украины пытались атаковать резиденцию президента России в Новгородской области с использованием 91 БПЛА. Все они были сбиты силами ПВО, что явилось беспрецедентно высоким показателем эффективности такой системы. Со своей стороны, Москва объявила о намерении нанести мощный удар возмездия и пересмотреть свою позицию по мирному урегулированию кризиса, не прерывая при этом диалога с Вашингтоном⁶.

В отличие от выпусков 2023 и 2024 годов, в настоящем издании «Обзора» нет специального раздела по стратегической стабильности в отношениях России и США. Несмотря на то, что гонка ядерных и иных вооружений между ними стоит на пороге нового витка и под конец года смена событий обрела калейдоскопичный характер, за рассматриваемый период в этом плане не произошло качественных сдвигов, если не считать провозглашения во многом пока умозрительного американского проекта «Золотой купол». Не было переговоров и новых соглашений по контролю над вооружениями, помимо политической инициати-

6 Заявление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова, Москва, 29 декабря 2025 года // МИД России, 29.12.2025. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2070334/.

вы В. Путина от 22 сентября и вроде бы положительной реакции Д. Трампа от 5 октября общего толка. Скорее всего, главные перемены в стратегических отношениях России и США в части вооружений, стратегии и дипломатии произойдут в 2026 г., что станет предметом рассмотрения следующего выпуска данного издания.

Introduction

The Strategic Review 2025 is the third issue of a new periodical within the framework of a joint project of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS) and the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).

This collective work presents an analysis of the main events and processes in the field of international security. Unfortunately, it must be noted that at the time of completion of the third edition of the Review, previous conflicts continued, new crises arose, and the system of strategic stability remained unstable.

For many years, the U.S. ignored Moscow's proposals for a mutual moratorium on the deployment of ground-launched medium-range missiles, put forward after the 1987 Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF Treaty) was denounced by the first Trump administration in 2019. Preparations for the deployment of such U.S. systems in Germany and the Philippines, and their temporary placement there under the pretext of exercises, did not take Russia by surprise. Back in November 2024, it conducted a combat test of the latest Oreshnik medium-range ballistic missile in a conventional mode, using it to strike the Ukrainian Yuzhmash missile factory. But in the end, Moscow's patience ran out, and in August 2025, it refused to "maintain a unilateral moratorium on the deployment of similar weapons" and began preparing decisions

“on specific parameters for response measures.”¹ During the joint Russian-Belarusian military exercises *Zapad 2025* in September 2025, the use of non-strategic nuclear weapons was practiced. Preparations are underway to deploy Russian Oreshnik medium-range missiles in Belarus, in addition to the tactical nuclear weapons previously deployed there.

The mutual deployment of medium-range missiles in Europe by Russia and the U.S. will return the world to the situation that existed before 1987, when such weapons with short flight times posed a threat to the USSR of strikes on decision-making centers and instant nuclear escalation of any armed conflict involving the Warsaw Pact and NATO. Now the situation could be much worse, given the new geostrategic realities and the ongoing military conflict in and around Ukraine.

Today, the three main pillars of the arms control system are under threat. First, the extended New START Treaty expires on February 5, 2026. In September, Moscow attempted to preserve the treaty, but the outcome of this initiative depends on Washington’s further course of action and the parties’ agreement on a number of details.

Secondly, there is sentiment within the U.S. and Russia in favor of abandoning the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty (CTBT). Donald Trump’s unexpected announcement on October 30 about “resuming nuclear testing” could further undermine this treaty.

Thirdly, the collapse of these two central pillars of the arms control system will soon lead to the collapse of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). There is little doubt that the remaining elements of the “dominoes” will fall next: treaties on the non-deployment of weapons of mass destruction in space and on the seabed and ocean floor, nuclear-free zones on many continents, the convention on the physical protection of nuclear materi-

1 Statement by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation on the Moratorium on the Deployment of Ground-Launched Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles // Ministry of Foreign Affairs of Russia, 04.08.2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/international_safety/2039749/.

als, and possibly the conventions on the prohibition of chemical and biological weapons.

At the same time, it can be said that the events of 2025 were more dynamic than in the previous year. The policies of the new U.S. administration under President Donald Trump brought about noticeable changes in the international situation. In particular, high-level direct dialogue between the U.S. and Russia resumed. At the same time, Washington's relations with its NATO allies and in the Pacific, as well as with China, India, and other countries, became noticeably more complicated.

Unlike its Democratic predecessors, Trump's second administration attempted to promote a peaceful settlement of the Ukrainian conflict, abandoned the goal of inflicting a "strategic defeat" on Russia, and showed a desire to normalize diplomatic, economic, and political relations with it. Despite the Ukrainian conflict, upon returning to the White House, Trump began to speak out in favor of nuclear disarmament: "We would like to see denuclearization... and I will tell you President Putin really liked the idea of cutting way back on nuclear [weapons]. And I think the rest of the world, we would have gotten them to follow, and China would have come along too."² Later, Trump clarified his position and recalled New START: "We have restrictions, and they have restrictions, as you know, in the nuclear sphere... When you take off nuclear restrictions, it's a big problem."³

Of course, Trump's clumsy improvisations on the nuclear issue and his vacillation from one extreme to another do not inspire optimism. As predicted in the *Strategic Review 2024*, the arrival in the White House of an impulsive president prone to destructive actions temporarily silenced foreign enthusiasts of the game of "nuclear deterrence."

2 President Trump Gives Virtual Remarks to World Economic Forum // The White House, 23.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/videos/president-trump-gives-virtual-remarks-to-world-economic-forum/>.

3 Tramp: SShA namereny obsuzhdat' s Rossiei perspektivy yadernogo razoruzheniya [Trump: the U.S. Intends to Discuss the Prospects of Nuclear Disarmament with Russia] // TASS, 25.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24613527>.

The new president delivered another surprise in August 2025 when, angered by certain statements made by Russian officials (published in a personal capacity), Trump announced that he had ordered two U.S. nuclear submarines to move to “appropriate regions” in order to counter the “Russian threat.”⁴ The president was probably not informed that at least 6–7 U.S. strategic missile submarines are constantly on combat duty in the ocean (as are some Russian missile submarines). There, they secretly patrol within range of their missiles to their designated targets; they do not need to move anywhere to strike, and they are certainly not allowed to reveal themselves in any way in order to “counter” anyone. Nevertheless, at a meeting with generals at the end of September, Trump proudly recalled his firm order to “send one or two submarines to the shores of Russia”⁵ (so to speak, who’s counting?).

The first chapter of this *Review* analyzes developments related to the main contemporary crisis in international security taking place in and around Ukraine. After driving Ukrainian troops out of the Kursk region, Russia’s advance across the entire front line over the course of the year was slow but steady. The problems of the Ukrainian Armed Forces were exacerbated, the main ones being a shortage of ground forces personnel in key areas and a lack of means of defense against unmanned aerial vehicles (UAVs) and missiles. Both sides carried out massive attacks using drones and other means deep into each other’s territory. In June, Ukraine carried out a large-scale strike on Russian long-range aviation bases in the Russian rear.

Nevertheless, several rounds of negotiations on a peaceful settlement took place between the parties. Exchanges of prisoners and the bodies of dead soldiers became regular and increasingly large-

4 Stewart P., Landay J., Jones R. Trump Orders Nuclear Submarines Moved after Russian “Provocative Statements” // Reuters, 02.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/trump-orders-nuclear-submarines-moved-after-russian-provocative-statements-2025-08-02/>.

5 Snider M. “Two N-words” Video Shows Trump Refer to Racial Slur in Discussing Nuclear Threat // USA Today, 01.10.2025. URL: <https://eu.usatoday.com/story/news/nation/2025/09/30/trump-n-word-nuclear-threat-video/86437657007/>.

scale. However, the initial successes achieved in contacts between the parties this year were very limited.

The year 2025 brought some improvement in the prospects for the resumption of pragmatic dialogue between Russia and the West on security issues. In this regard, the most notable event was the talks between the leaders of Russia and the U.S. in Alaska on August 15. As a result, U.S. officials, who had been actively promoting the idea of a ceasefire as a condition for the start of the peace process in the spring, accepted the concept of immediately beginning negotiations on a comprehensive agreement to resolve the conflict. This moment can be considered a tactical victory for Moscow in its political and diplomatic interaction with the U.S.

President Trump initially believed that the Ukrainian crisis could be easily resolved through political pressure and leverage on both sides. However, the first steps toward restoring U.S.– Russian relations showed Washington the complexity of the Ukrainian issue. The evolution of the administration's position suggests that this fact is beginning to be recognized overseas, which explains the fluctuations in U.S. rhetoric and practical policy, particularly after Trump's speech at the UN on September 23.

On the other hand, these same contacts show that with a change in the ideological paradigm, it is relatively easy to restore the very infrastructure of dialogue, which had been forgotten since the first days of hostilities in 2022, and to begin to develop practical options for a package exchange of concessions to end the military phase of the Ukrainian crisis. In essence, despite the fierce nature of the fighting on the front lines, it is now being waged to secure certain conditions for a peaceful settlement (for example, those put forward by President Putin in June 2024 and mentioned again by him in August 2025). For a while, it seemed that the threat of nuclear escalation of the conflict had receded into the background, but since the end of September, it has risen again, primarily due to the expansion of deep UAV attacks and missile strikes by the opposing sides.

The second chapter of the *Strategic Review 2025* is devoted to European security issues, with the Ukrainian conflict also taking center stage. Trump's return to the White House has reinforced

European countries' doubts about the reliability of the U.S. security guarantees. At the alliance's June 2025 summit, European countries agreed to significantly increase their defense spending and take on a greater burden of supporting Ukraine. However, in addition to the Ukrainian crisis, transatlantic tensions have intensified due to the continuing shift in U.S. foreign and military policy towards the Asia-Pacific (Indo-Pacific in U.S. terminology) region. In 2025, European countries became increasingly convinced of the need to reduce their dependence on the U.S. in the field of defense and security. There was widespread discussion about the "Europeanization" of NATO, the formation of "European strategic autonomy," and the development of Europe's own nuclear deterrent against Russia. Therefore, the European Union (EU) is playing a growing role in stimulating the arms race on the continent, although it does not claim to be creating an alternative collective defense organization to NATO. Against this backdrop, the task of forming a new pan-European security architecture that includes Russia is not seen in European capitals as a promising project in the foreseeable future.

The third chapter examines a topical issue of the year — Trump's announced project for a global multi-layered missile defense system called the Golden Dome. It is noteworthy that Trump has repeatedly described the "Dome" as "an integrated, multi-layered defense system against all types of threats, including UAVs." It is expected that elements of artificial intelligence will be widely integrated into the control system and that a multitude of interceptors will be deployed in orbit.

So far, it seems that, as with Ronald Reagan's Star Wars (SDI) system, budgetary and technical problems will lead to a slowdown and curtailment of the program. Trump's successors will likely modify this initiative or significantly limit it, as has repeatedly happened with the missile defense program over the past decades. Nevertheless, the Golden Dome, as the authors of the Review note, will become a key factor in the U.S.–Russian, U.S.–Chinese, and global strategic landscape in the coming years, determining the direction of military development in a number of countries and the possible agenda for negotiations on strategic and space arms control.

The fourth chapter focuses on another cutting-edge area of technological development that is revolutionizing the nature of warfare: the introduction of artificial intelligence (AI) systems. Even more than other breakthrough technologies, AI has the potential to either strengthen strategic stability or, conversely, undermine it. It is clear that AI technologies cannot be controlled using traditional arms control methods. However, these technologies could become the subject of intergovernmental dialogue to ensure a clearer mutual understanding of the principles and limits of AI implementation in strategic nuclear force control systems, with the aim of preventing the uncontrolled escalation of potential conflicts.

The fifth chapter analyzes security issues in the Asia-Pacific region. There, the clash of plans and ambitions of the United States and China is not combined with their economic interdependence. However, it has been escalating over the past decade, primarily due to Washington's attacking position. A multi-layered confrontation has developed, in which tariff wars and economic and financial sanctions play the main role.

Along with this, in recent years, China has consistently increased the combat strength of its strategic nuclear triad and deployment of medium-range missiles, including dual-use means. This prompted foreign experts to question the Chinese traditional nuclear doctrine, based on the principles of no-first-use and maintaining a minimum sufficient level of nuclear deterrence. In the U.S., it is now widely believed that the PRC plans to achieve at least strategic parity with the United States. This justifies both the new U.S. nuclear deterrence policy, directed simultaneously against China and Russia, and the revival of the global missile defense system program. The confrontation between the U.S. and China in conflict situations around Taiwan, the Korean peninsula, and the South China Sea is latently threatening a military clash of two giants that could quickly escalate to the nuclear level and become global.

The sixth chapter is devoted to the second section of the nuclear confrontation in Asia — relations between India and Pakistan, which simultaneously tested nuclear weapons in 1998. Now Pakistan in its nuclear doctrine emphasizes the first use of nuclear weapons

in the event of an invasion of superior Indian conventional forces, for which it focuses on short-range nuclear weapons. India's nuclear doctrine is based on the concept of no-first-use and focuses on a retaliatory nuclear strike on Pakistan. However, in the light of Pakistan's nuclear doctrine, India allows tactical and medium-range nuclear weapons to be used in response to a nuclear strike against Indian conventional forces not only on its own territory but also on foreign territory.

At the same time, India's nuclear doctrine is aimed at containing by the retaliatory strike potential of the PRC's superior nuclear forces, for which large investments are being made in long-range systems, ground-mobile and sea-based missile systems.

In April–May 2025, there was a relatively large armed conflict between India and Pakistan, involving missile strikes and the use of air force and an Indian aircraft carrier. This conflict is significant because the *de facto* nuclear powers have been engaged in active military actions for about two weeks. Fortunately, they were quickly stopped. But given the complex entanglement of parties' nuclear doctrines and plans to use their conventional and nuclear forces, as well as the unresolved long-standing contradictions, there is no guarantee that next time such a conflict will not cross the "nuclear threshold" and will not entail a catastrophe for South Asia with global consequences.

The seventh chapter of the *Review* examines the events of 2025 in the Middle East. This traditionally volatile region has added to the overall picture of the world a series of crises and armed clashes between regional states involving great powers from outside. The U.S. military operation against Iran, the 12-day Iran–Israel War, the involvement in conflicts of Syria, Lebanon, Yemen, the Gaza Strip, the Israeli airstrike on Qatar's capital Doha contributed to a world turbulence unprecedented since the Cold War.

The eighth chapter, contrary to the established format of the *Review*, is devoted to the events of the same region as the seventh. The sharp escalation of the armed conflict between Israel and the U.S. with Iran in June 2025 prompted attention to Tehran's perception of the situation in the context of its relations with neighboring countries and non-state movements, its attitude to the nuclear program, the reasons and results of military operations carried out by

Israel and the United States. Without taking into account these points, one cannot hope for a peaceful settlement of this conflict. The results of Israeli–American airstrikes on Iran’s nuclear infrastructure are assessed differently by experts. However, in the world expert community one can hardly find the position that the June war contributed to the strengthening of the world non-proliferation regime — especially in the light of the upcoming NPT Review Conference in 2026.

The Ukrainian Crisis in 2025: Dynamics and Prospects for Resolving

KONSTANTIN BOGDANOV

Throughout 2025, the trends we noted in the previous issue of the *Strategic Review*¹ have continued on the front lines of the Special Military Operation (SMO). Russian advance in Donbass was slow but steady. Western analysts noted significant developments in Russian combat tactics,² a quantitative increase in the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) by the Russian Armed Forces,³ and improvements in the tactics of their use and organizational structures.⁴ At the same time, the Ukrainian Armed Forces' existing problems have continued to worsen, the main one being a shortage of manpower in key areas. This balance of advantages and disadvantages has not yet led to the collapse of the front line with operational breakthroughs, but it is already possible to speak of a systemic trend, especially against the backdrop of escalating tensions in the Western camp following the arrival of the Trump administration in the White House and fears of a reduction in military aid to Ukraine.

The year 2025 brought some improvement in the chances of restoring pragmatic dialogue between Russia and the West on security issues, which is necessary to achieve a sustainable solution that will finally resolve the Ukrainian crisis by eliminating its root causes. However, the initial successes achieved by Russia in its contacts with the U.S. this year were extremely limited. In essence, this is merely a resumption of regular communication on Track One.

-
- 1 Arbatov A.G., Bogdanov K.V. Ukrainian Crisis and Russia–West Strategic Relations / In: *Strategicheskii Obzor 2024* [Strategic Review 2024] / A.G. Arbatov (ed.) Moscow: MGIMO University, 2024. P. 189–214.
 - 2 Santora M., Varenikova M. Russia Goes After Ukraine With Distant Strikes and New Tactics // The New York Times, 09.08.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/08/09/world/europe/russia-ukraine-frontline.html>.
 - 3 Wilson R., Kent L., Schrickel Y. How Russia's Drone Attacks Have Reshaped the War in Ukraine // CNN, 02.09.2025. URL: <https://edition.cnn.com/world/russia-drone-attacks-ukraine-war-intl-vis>.
 - 4 Kirichenko D. Russia's Growing Rubicon Drone Force Is a Major Threat to Ukraine // Forbes, 03.09.2025. URL: <https://www.forbes.com/sites/david-kirichenko/2025/09/03/russias-growing-rubicon-drone-force-is-a-major-threat-to-ukraine/>.

The strategic situation as a whole was developing successfully for Russia, which determined the nature of diplomatic contacts. Moscow's refusal to agree to a ceasefire (to freeze the conflict without preconditions, in essence) stemmed from its unwillingness to give Ukraine time to strengthen its gradually dwindling military capabilities and from desire to take advantage of the enemy's weakness to achieve the goals of SMO. In this sense, the most constructive development was the outcome of the August negotiations between Russia and the U.S. As a result, U.S. officials, who had actively promoted during the spring the idea of a ceasefire as the start of a peace process, began talking instead about moving directly to a comprehensive settlement agreement. This moment could be considered an important tactical victory for Moscow in its political and diplomatic confrontation with the West.

However, a significant part of the West continues to demand an unconditional cessation of hostilities as the first step towards a settlement, without accompanying public agreements, commitments from the parties, or security guarantees addressing Russia's concerns. In addition, in the fall of 2025, after the second planned meeting of the presidents in Budapest was postponed, the U.S. administration again spoke of a "ceasefire,"⁵ which shows the continuing fragility of the basis for dialogue.

The Course of Military Operations

The year began with the continuation of the Russian Armed Forces' operation to defeat the Ukrainian Armed Forces group that had invaded the Kursk region in August 2024. The systematic expulsion of Ukrainian troops from Russian territory continued throughout the winter and part of the spring. In early February, the Ukrainian Armed Forces made new attempts to attack in this direction, but were

5 Budapest Summit Blocked by Russia's Unwillingness to "Stop" at Ukraine, Trump Says // TASS, 07.11.2025. URL: <https://tass.com/world/2040791>.

stopped, and by early March, Russian troops had moved to active operations. By March 13, Sudzha had been liberated.⁶ On March 14, Ukrainian President Volodymyr Zelensky announced that the Armed Forces of Ukraine's operation in the Kursk region had "accomplished its mission," directly indicating its withdrawal.⁷ By the end of April, the territory of the Kursk region had been largely cleared of Ukrainian troops.

On April 26, Valery Gerasimov, Chief of the General Staff of the Russian Armed Forces, reported that soldiers from North Korea had participated in the battles to liberate the Kursk region;⁸ on April 28, this information was officially confirmed by Pyongyang.⁹ Subsequently, information about military cooperation between Russia and North Korea began to appear regularly. In June, Russian Security Council Secretary Sergei Shoigu announced that Pyongyang would send 1,000 sappers and up to 5,000 military builders to Russia to clear mines and rebuild Russian territory.¹⁰

-
- 6 Stepanov A. Boitsy RF osvobodili Sudzhu — edinstvennyi zakhvachennyi VSU gorod v Kurskoi oblasti [Russian Forces Liberated Sudzha, the Only Town in the Kursk Region Captured by the Ukrainian Armed Forces] // Rossiiskaya gazeta, 13.03.2025. URL: <https://rg.ru/2025/03/13/sudzha-nasha.html>.
 - 7 Zelenskii zayavil, chto kurskaya operatsiya VSU «vypolnila svoyu zadachu» [Zelensky Stated That the Ukrainian Armed Forces' Kursk Operation "Accomplished Its Mission"] // RBC, 14.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/03/2025/67d462be9a794755634ad5dc>.
 - 8 Gerasimov otmetil rol' voennykh KNDR v osvobozhdenii Kurskoi oblasti [Gerasimov Noted the Role of the DPRK Military in the Liberation of the Kursk Region] // TASS, 26.04.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/23791087>.
 - 9 WPK Central Military Commission Highly Praises Combat Sub-units of Armed Forces of DPRK for Performing Heroic Feats in Operations to Liberate Kursk Area of Russian Federation // KCNA, 28.04.2025. URL: <http://www.kcna.kp/en/article/q/65e93d8a71e2fc200437c1459d7e150811d-1cd156746ab9a99680c015c20b8f49cc217b0f65acc54df87a22d320ecace.kcmsf>.
 - 10 KNDR napravit tysyachi saperov i voennykh stroitelei dlya vosstanovleniya Kurskoi oblasti [The DPRK to Send Thousands of Sappers and Military Build-

Ukraine actively continued its air offensive. On March 11, the largest attack by Ukrainian long-range drones on Russian territory to date took place: over 340 drones were launched, more than 90 of them targeting the Moscow region.¹¹ The attack killed three people and injured about 20. During the winter and spring, there were attempts to attack oil storage facilities and oil refineries in Russia. In response, Russia also carried out large-scale air strikes deep into Ukrainian territory, mainly using drones.

Against the backdrop of developing diplomatic contacts with the U.S., Russian President Vladimir Putin ordered a unilateral ceasefire starting on the evening of April 19 (the “Easter Truce”).¹² The Ukrainian side was critical of the initiative, but later announced its intention to observe the “mirrored” truce — depending on Russia’s compliance. By April 20, the parties had already made repeated statements accusing each other of violating the ceasefire.¹³ At the same time, the ceasefire, which lasted until midnight on April 21, was noted as an effective measure that sharply reduced the intensity of hostilities.

The second temporary ceasefire was introduced by President Putin’s decision during the celebrations marking the 80th anniversary

ers to Rebuild Kursk Region] // Interfax, 17.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1031606>.

- 11 Rossiiskie voennye soobshchili o 343 sbitykh noch'yu bespilotnikakh [Russian Military Reports 343 Drones Shot Down Overnight] // Interfax, 11.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1013050>.
- 12 Putin ob'yavil paskhal'noe peremirie v khode SVO [Putin Declared the Easter Truce in SMO] // Interfax, 19.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1021714>.
- 13 Voennye RF zafiksirovali 4900 narushenii rezhima paskhal'nogo peremiriya [Russian Armed Forces Recorded 4,900 Violations of the Easter Truce] // Interfax, 21.04.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1021842>; Faulconbridge G., Polityuk P. Kyiv and Moscow Accuse Each Other of Countless Violations of One-Day Easter Ceasefire // Reuters, 21.04.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/ukraines-zelenskiy-says-russian-army-trying-create-impression-easter-ceasefire-2025-04-20/>.

of Victory in the Great Patriotic War.¹⁴ The ceasefire began on the night of May 7–8 and lasted until midnight on May 11. The situation as a whole also appeared calmer than usual, but the sides continued to accuse each other of massive violations.¹⁵

After the May holidays, Russia resumed air strikes on Ukraine, making extensive use of long-range unmanned aerial vehicles such as the Geran. According to Western analysts, based on Ukrainian intelligence, the average rate of use of long-range drones had increased approximately 8–9 times since September 2024.¹⁶ The following months repeatedly set records for both the total number of UAVs and missiles used in attacks and their simultaneous use. For example, the June ceiling for single launches was more than 470 air targets (missiles and, mainly, drones), the July ceiling was over 730 units, and in early September it exceeded 800 units. Observers began to note the growing saturation of Ukrainian air defense, which led to increasing damage during the raids.¹⁷

The Ukrainian side has extremely limited capabilities to respond symmetrically to such an increase in air pressure and mainly focused

14 By Order of the President of Russia, the Russian Side Announces a Ceasefire for the Celebrations of the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War // President of Russia, 28.04.2025. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/76807>.

15 Minoborony RF podvelo itogi peremiriya na dni prazdnovaniya Pobedy [The Russian Ministry of Defense Summed Up the Results of the Truce During the Victory Day Celebrations] // Fontanka, 11.05.2025. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/05/11/75444590/>; Russia and Ukraine Accuse One Another of Ceasefire Violations // Reuters, 10.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/russia-says-ukraine-keeps-trying-breach-border-2025-05-09/>.

16 Drone Saturation: Russia's Shahed Campaign // Center for Strategic and International Studies, 13.05.2025.

17 Grynzspan E. En Ukraine, la Défense Antiaérienne Peine à Faire Face à L'Intensification Des Frappes Russes // Le Monde, 26.05.2025. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2025/05/26/en-ukraine-la-defense-antiaerienne-peine-a-faire-face-a-l-intensification-des-frappes-russes_6608414_3210.html.

the strikes of its long-range drones on infrastructure facilities deep inside Russia. During the summer, Ukraine's tactics for using long-range drones changed. In July 2025, significant pressure was exerted on airports in the European part of Russia, which led to several transport collapses with dozens of flights canceled. Apparently, the calculation was to exert psychological pressure on the civilian population, which was leaving en masse for vacation at that very moment. The same goal was pursued by a large-scale cyberattack on the IT infrastructure of Aeroflot company on July 28, which temporarily paralyzed the normal functioning of the airline.¹⁸

Since late July 2025, Ukraine has focused its systematic drone attacks on Russian oil refineries, presumably with the aim of provoking a fuel crisis in the midst of the harvest season.

However, the main spectacular moves to bring the war deeper into Russia were made at the end of spring. On the night of May 31 to June 1, road and railway bridges were blown up in the Bryansk and Kursk regions, respectively¹⁹ — the railway bridge was blown up as a freight train was passing, and the debris from the road bridge fell onto the railway tracks, causing a passenger train to derail and crash into it. As a result, seven people were killed and over 100 were injured.

In early June, there were several more attempts to blow up transport infrastructure facilities in the European part of Russia, particularly in the Voronezh and Belgorod regions. On June 3, there was an unsuccessful attempt to blow up one of the supports of the Crimean Bridge.²⁰

18 Aryalina M. Kiberataka na «Aehroflot»: kak dolgo pridetsya ustranyat' posledstviya [Cyberattack on Aeroflot: How Long Will It Take to Fix the Damage?] // Vedomosti, 28.07.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/07/28/1127530-aeroflot-ustranyat-posledstviya>.

19 Putin nazval teraktom podryv zh/d putei v Kurskoi i Bryanskoi oblastyakh [Putin Called the Bombing of Railway Tracks in the Kursk and Bryansk Regions a Terrorist Attack] // Interfax, 04.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1029558>.

20 Peskov: Krymskii most ne postradal ot ataki Kiev [Peskov: Crimean Bridge Unaffected by Kiev Attack] // TASS, 04.06.2025. URL: <https://tass.ru/politika/24133377>.

At the same time, on June 1, Ukraine carried out a large-scale attack on Russian long-range aircraft (Operation Spider Web). Heavy bombers and airborne early warning and control (AEW&C) aircraft were targeted at bases in Olenya (Murmansk region), Dyagilevo (Ryazan region), Belaya (Irkutsk region), and Ivanovo (Ivanovo region). According to a number of indirect sources, an attack on the Ukrainka airfield (Amur region) was also planned, but it appears to have been thwarted, as evidenced by a statement from the Russian Ministry of Defense.²¹ The attack was synchronized in time and carried out by simultaneously launching small copter-type strike FPV-drones from converted truck containers passing by the airfields. According to statements by the Russian side, “several aircraft caught fire”²² during the attacks, but all damaged aircraft are subject to repair.²³

On July 2, a Ukrainian missile strike hit a command post in the border area of the Kursk region. As a result, a number of officers from the 155th Naval Infantry Brigade were killed, as well as Deputy Commander-in-Chief of the Navy Mikhail Gudkov, who had previously commanded this brigade.²⁴

All these operations were undoubtedly intended to create leverage in preparing for negotiations with Russia on the most favorable terms, while at the same time brightening up the bleak picture of the frontline situation for the Ukrainian Armed Forces. Throughout the summer, Russian troops continued to actively push through Ukrainian defense,

21 Zayavlenie Minoborony Rossii [Statement by Ministry of Defense of Russia] // Ministry of Defense of Russia, 01.06.2025. URL: <https://mil.ru/news/c798b89f-a893-4d80-bd25-cba0195dc7a1>.

22 Ibid.

23 Ryabkov: RF vosstanovit samolety, povrezhdennyye v khode ataki Ukrainy 1 iyunya [Ryabkov: Russia Will Repair Aircraft Damaged During Ukraine's Attack on June 1] // TASS, 05.06.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24142441>.

24 Glavkom VMF: pogibshii Gudkov zavoerval avtoritet v voiskakh pobedami na pole boya [Commander-In-Chief of the Navy: The Late Gudkov Earned Respect Among the Troops Through His Victories on the Battlefield] // TASS, 08.07.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24455577>.

forming encirclements around its strongholds, which, under favorable circumstances, could be turned into pockets. Active combat operations were conducted to shape the lines of contact in the proximity of Kupiansk, Konstantinovka, and Pokrovsk. By the end of July, Toretsk and its surroundings, as well as Chasov Yar,²⁵ were finally taken under control. Particular attention was paid to the area of Slavyansk and Kramatorsk, which remained under Ukrainian control in the Donetsk People's Republic and through which, in particular, the Seversky Donets–Donbass canal runs, supplying water to the rest of the region.²⁶

The lack of infantry in the Ukrainian Armed Forces to occupy even existing field fortifications began to lead to tactical mishaps that caused panic. On August 11, Russian mobile groups made a deep breakthrough in the area northeast of Dobropolye,²⁷ briefly raising the question of the integrity of Ukrainian communications in the Slavyansk–Kramatorsk defensive area in the event of continued advancement. However, the operational development was not successful. Such episodes are characteristic of small forces fighting in sparse battle formations, due to a general shortage of manpower for large-scale offensives and the active use of reconnaissance and strike drones, which turn the front line into a wide strip sparsely occupied by troops, which is easily visible and open to fire.

By the end of October 2025, Russian troops had systematically isolated Ukrainian Armed Forces positions in the Pokrovsk–Mirnograd area, continuing to encircle the flanks of the groups defending Konstantinovka and Kupiansk.

25 Putin: rossiiskie voiska osvobodili Chasov Yar neskol'ko dnei nazad [Putin: Russian Troops Liberated Chasov Yar Several Days Ago] // TASS, 01.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24687833>.

26 Pushilin nazval vzyatie Slavyanska klyuchom k vodosnabzheniyu DNR [Pushilin Called the Capture of Slavyansk the Key to the DPR's Water Supply] // Vedomosti, 17.05.2025. URL: https://www.vedomosti.ru/strana/new_regions/news/2025/05/17/1110754-pushilin-nazval-vzyatie.

27 TASS: VS RF pererezali dorogu mezhdru Krasnoarmeiskom i Dobropol'em [TASS: Russian Armed Forces Cut Off the Road Between Krasnoarmey-sk and Dobropolye] // TASS, 12.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24760595>.

Humanitarian Issues

Russia attaches great importance to humanitarian contacts with Ukraine related to the exchange of prisoners and the bodies of the deceased. As President Putin noted in this regard, “the humanitarian component is important because it creates conditions for... substantive discussion of the essence of the problem.”²⁸

These exchanges took place throughout the year with varying intensity. The first took place on January 15, with 25 people transferred from each side.²⁹ Immediately after that, on February 5, a larger-scale exchange of prisoners took place, with 150 people transferred.³⁰ On the day the Easter truce was announced (April 19), Ukraine transferred 261 people to Russia, and Russia transferred 277 to Ukraine.³¹ The prisoner exchange was mediated by the UAE.

On May 16, during negotiations between the Russian and Ukrainian delegations in Istanbul, an agreement was reached on a prisoner exchange based on the “1000 x 1000” formula, which took place in three stages from May 23 to 25.³² On June 2, new agree-

28 Putin zayavil o vazhnosti gumanitarnykh obmenov plennymi s Ukrainoi dlya peregovorov [Putin Stressed the Importance of Humanitarian Prisoner Exchanges With Ukraine for Negotiations] // Interfax, 27.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1033426>.

29 Rossiya i Ukraina proveli obmen plennymi v formate 25 na 25 [Russia and Ukraine Exchanged Prisoners in a 25-for-25 Format] // Interfax, 15.01.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1003052>.

30 Rossiya i Ukraina proveli obmen plennymi v formate 150 na 150 [Russia and Ukraine Exchanged Prisoners in a 150-for-150 Format] // Interfax, 05.02.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1006475>.

31 Rossiya i Ukraina proveli obmen plennymi [Russia and Ukraine Exchanged Prisoners] // TASS, 19.04.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/23729055>.

32 Kak prokhodil obmen plennymi mezhdru Rossiei i Ukrainoi po formule “1000 na 1000” [How the Prisoner Exchange Between Russia and Ukraine Took Place According to the 1000-for-1000 Basis] // Kommersant, 25.05.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753491>.

ments were reached in Istanbul, pursuant to which a series of at least eight exchanges took place in June and July,³³ a total of about 1,200 people were exchanged on both sides.

The prisoner exchanges continued in August. On August 14, an exchange took place according to the “84x84” formula,³⁴ and on August 24, according to the “146x146” formula.³⁵ The latter exchange also included several Russian and Ukrainian citizens who had been imprisoned until 2022.

Exchanges of the bodies of the deceased also took place. On March 28, Russia handed over 909 bodies to Ukraine and received 43.³⁶ On April 18, the second stage of the exchange took place: another 909 bodies were handed over to Ukraine, and 41 bodies were returned to Russia.³⁷ On August 19, Russia handed over 1,000 bodies to Ukraine, and Ukraine handed over 19.³⁸ The exchanges continued throughout the fall.

33 Rossiya i Ukraina proveli ocherednoi obmen plennymi [Russia and Ukraine Conduct Another Prisoner Exchange] // Interfax, 26.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1033236>.

34 Rossiya i Ukraina proveli obmen plennymi po formule 84 na 84 [Russia and Ukraine Exchanged Prisoners on an 84-For-84 Basis] // Interfax, 14.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1042228>.

35 Rossiya i Ukraina proveli obmen plennymi [Russia and Ukraine Exchanged Prisoners] // TASS, 24.08.2025. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/24860715>.

36 Rossiya vernula tela 43 pogibshikh voennykh [Russia Has Returned the Bodies of 43 Deceased Soldiers] // RBC, 28.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/03/2025/67e6a3499a7947ef199229c3>.

37 Rossiya i Ukraina obmenyalis' telami pogibshikh voennykh [Russia and Ukraine Exchanged the Bodies of Deceased Soldiers] // RBC, 18.04.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/04/2025/680231a59a79479a6ffc7585>.

38 Medinskii: Rossiya peredala Ukraine 1 tys. tel pogibshikh voennosluzhashchikh [Medinsky: Russia Has Handed Over 1,000 Bodies of Deceased Servicemen to Ukraine] // TASS, 19.08.2025. URL: <https://tass.ru/politika/24821205>.

The U.S.–Russian Contacts

Since February 2022, the U.S.–Russian relations in terms of official discussions on the Ukrainian crisis have essentially broken down. The Joe Biden administration's course of "strategic defeat" for Russia, cloaked in rhetoric that Moscow must "pay for everything," quickly created a stalemate for U.S. diplomacy itself. The bet on a resounding success of the Ukrainian counteroffensive in the summer of 2023 failed, and with it, the calculation of a unilateral dictation of terms. As a result, Biden's team found itself hostage to the failure of the high-risk game it had ordered without having strong cards to play.

Starting from this "diplomatic zero," Donald Trump believed that the Ukrainian crisis could be easily resolved once he entered the White House. The President was clearly under the illusion that the problem was simply that Biden's team had conducted poor diplomacy with the Russians, and that now all that was needed was to intensify contacts, after which the situation would immediately be resolved.

This sentiment permeated Trump's numerous statements and the first contacts between representatives of the new administration and Moscow. On February 12, Trump held telephone talks with Putin, declaring that they had gone "fantastically" and that the war was about to end with a ceasefire. The day before, on February 11, Trump's confidant, envoy Steve Witkoff, visited Moscow, formally to organize a prisoner exchange between Russia and the U.S., but according to numerous sources, also to prepare for the expansion of contacts. On February 27, the first technical consultations between the two countries at the foreign ministry level took place in Istanbul to resolve accumulated differences.

On March 18, the two leaders held their third telephone conversation. On March 18 and 24, preliminary contacts between the American and Russian sides on the Ukrainian issue were held in Riyadh. The results of the meetings were limited, especially against the backdrop of the inflated expectations actively inspired by President Trump in the media. Ultimately, an agreement was reached on the safety

of shipping in the Black Sea, as well as the deescalation of attacks on energy infrastructure.³⁹

On April 3, Kirill Dmitriev, director of the Russian Direct Investment Fund (and participant in the Riyadh contacts), visited the U.S., and on April 11, Steve Witkoff met with Vladimir Putin in St. Petersburg. On April 25, Witkoff met again with Putin in Moscow, as well as with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and Presidential Aide Yuri Ushakov.

During these meetings, the foundation was laid for the aforementioned Russian-Ukrainian negotiations on May 16 in Istanbul, the first since 2022. The main outcome was the resolution of humanitarian issues. The parties also exchanged conditions for a ceasefire on the front lines, after which contacts were interrupted. As far as can be judged, both sides remained dissatisfied with what they received from their counterparts as starting conditions for such a truce. The second round of talks took place there on June 2.

In May and June, when the scale of the deadlock on the Russian-Ukrainian track became clear, there was a new wave of contacts between Russia and the U.S.: three telephone conversations between Putin and Trump (May 19, June 4, and June 14). This was followed in early July by a meeting between Sergey Lavrov and U.S. Secretary of State Marco Rubio in Kuala Lumpur (Malaysia).

The result of this preparatory work was the Alaska summit on August 15 — Vladimir Putin's visit to Anchorage (Alaska). Although the meeting ended without the signing of a final document and without comments from the parties on the substance of the arrangements reached, the rhetoric of the U.S. authorities changed sharply immediately afterwards. Trump rejected the idea of an immediate ceasefire in Ukraine and instead spoke of moving directly to a comprehensive peace settlement.

After the Alaska summit, the pace of negotiations slowed again, but at the end of October, an agreement was reached on a sec-

39 O chem Rossiya, Ukraina i SShA dogovorilis' v Ehr-Riyade. Glavnoe [What Russia, Ukraine, and the U.S. Agreed on in Riyadh. Key Points] // Kommersant, 25.03.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7604660>.

ond meeting between the U.S. and Russian presidents in Hungary.⁴⁰ The meeting was to be preceded by intensive work by both foreign ministries to prepare the agenda for the new summit.⁴¹ However, following contacts between the heads of the diplomatic departments of both countries, which were described as “productive,” the meeting was postponed but not canceled. The U.S. side cited Russia’s unwillingness to agree to an immediate ceasefire as the reason.⁴² In early November 2025, the Russian side stated that it was actively “filling in the details of the framework formulated by the presidents during their meeting in Anchorage,” but that the conditions for the meeting had not yet been met.⁴³

Overall, Russian strategy in the 2025 campaign remained unchanged: a systematic build-up of pressure to gradually create a sense of hopelessness in Ukraine and Western countries regarding the current policy aimed at “strategically defeating Russia.” The ultimate goal of the strategy is the complete collapse of the Ukrainian Armed Forces and

40 *Kommentarii pomoshchnika Prezidenta Rossii Yuriya Ushakova po itogam telefonnogo razgovora Vladimira Putina s Prezidentom SShA Donal'dom Trampom* [Commentary by Russian Presidential Aide Yuri Ushakov Following a Telephone Conversation Between Vladimir Putin and U.S. President Donald Trump] // President of Russia, 16.10.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78237>.

41 Bergengruen V., Linskey A. Trump Bets Personal Diplomacy Will Break Ukraine War Logjam // The Wall Street Journal, 17.10.2025. URL: <https://www.wsj.com/world/trump-bets-personal-diplomacy-will-break-ukraine-war-logjam-9e942b59>.

42 Putin-Trump Summit on Hold After Russia Rejects Ceasefire // Reuters, 22.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/european-leaders-issue-statement-backing-trumps-ukraine-ceasefire-position-2025-10-21/>.

43 MID RF: poka net uslovii dlya vstrechi Trampa i Putina [Russian MFA: There Are No Conditions for a Meeting Between Trump and Putin Yet] // Kommersant, 05.11.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8180179>.

mass desertion from the front lines, followed by political chaos in Kyiv, which will create the most favorable conditions for Russia to negotiate a peace agreement.

Ukraine also stuck to its previous strategy: horizontal escalation of the conflict deep into Russian territory in the hope of provoking internal political and economic problems in the country, as well as creating the most favorable starting conditions for Kyiv for possible peace negotiations.

However, Ukraine's Operation Spider Web went beyond this understandable scenario. Long-range aviation's aircraft have a dual purpose. On the one hand, they are carriers of conventional-tipped precision-guided long-range weapons, which allowed them to be actively used in combat operations from the very first days of the Ukrainian conflict. Many observers on the Ukrainian side were quick to use this as the final justification for the operation: since Russia is using heavy bombers in the campaign, this means it is a legitimate target for Ukrainian strikes.

However, on the other hand, these same heavy bombers are nuclear weapons carriers. Attacks on them, as well as the repeated attacks on the Engels airbase (Saratov region) since December 2022,⁴⁴ clearly demonstrate the problem of the "entanglement" of nuclear and non-nuclear factors of strategic stability in the context of modern armed conflicts. The adventurous pursuit of short-term success carries significant risks of nuclear escalation. The issue has been discussed for many years in the international expert community, and at this stage it has become clear that the ongoing dismantlement of the "nuclear-conventional fire-break" should be the subject of the most serious discussions in the first and second tracks dedicated to maintaining strategic stability.

The relative success of the first steps toward restoring U.S.–Russian relations has demonstrated, on the one hand, the complexity

44 Voennye RF zayavili o perekhvate bespilotnikov pri popytke ataki aehrodromov pod Ryazan'yu i Saratovom [Russian Military Announced the Interception of Drones Attempting to Attack Airfields Near Ryazan and Saratov] // Interfax, 05.12.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/875473>.

of the Ukrainian issue. It is impossible to untangle the tightly woven knot of mutual contradictions, objective security threats, and subjective concerns with a single cavalry charge, especially since the list of actors involved includes major European powers. The evolution of the Trump administration's position, which entered the process with ideas for a quick end to the armed conflict, shows that this fact is beginning to be publicly recognized. However, the negotiation process remains unstable and highly susceptible to fluctuations due to subjective factors and the unprecedented inconsistency that the U.S. side brings to its contacts with Russia.

On the other hand, these same contacts showed how easy it is to restore the very infrastructure of dialogue, which had been forgotten since the first days of hostilities in 2022, as well as to begin developing practical options for a package exchange of concessions and to form outlines of the future peace that should be established in Europe following the end of the military phase of the Ukrainian crisis. The path to a final settlement in the form of a new security architecture in Europe will not be easy, but the start of substantive discussions on its future contours in 2025 still inspires cautious optimism.

European Security: The Trump Effect

ANDREY ZAGORSKY

SERGEY OZNOBISHCHEV

Donald Trump's return to the White House has influenced the situation in Europe. He has changed the U.S. policy regarding the Ukrainian crisis by betting on a cessation of hostilities and resolution of the conflict. The United States has moved away from harsh anti-Russian rhetoric, though occasionally reverting to the language of ultimatums. At the same time, Washington encouraged Kiev to make concessions, threatening to stop and temporarily suspending the provision of military assistance to Ukraine. These changes in U.S. policy violated the consensus of Western countries formed in 2022–2024, which manifested itself in the course of agreeing on a common position towards Russia in June 2025 at the summits of the Group of Seven (G7) in Kananaskis (Canada) and NATO in The Hague (Netherlands) and in voting in the UN General Assembly. Washington's policy has contributed to the resumption of contacts and dialogue between Russia and the U.S., including a face-to-face meeting of Presidents Vladimir Putin and Donald Trump in August and the resumption of direct negotiations between representatives of Russia and Ukraine interrupted in April 2022 at the initiative of Kiev.

Trump's return to the White House predictably reinforced European countries' doubts about the reliability of American security guarantees. European NATO members faced a choice between attempts to negotiate with the United States, making concessions, and the prospect of backing upon their own resources.¹ June 2025 NATO summit formalized a compromise: European countries agreed to substantially increase their defense spending and shoulder the burden of supporting Ukraine in exchange for Washington's reaffirmation of its NATO commitments.

However, uncertainty in transatlantic relations has not disappeared due to the continued reversal of U.S. policy towards the Asia-Pacific region (Indo-Pacific in American terminology).

1 Horovitz L. U.S. Extended Nuclear Deterrence in Europe: Three Scenarios. SWP Comment No. 32. // Stiftung Wissenschaft und Politik, 2025. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2025C32_usa_nuclear_deterrence_europe.pdf.

European countries have established an understanding of the need to reduce their dependence on the United States in the field of security and defense.² The discussion on the “Europeanization” of NATO and the formation of its own (European) potential for “containing Russia” has intensified. The European Union (EU) began to play an increasingly prominent role in stimulating the arms race on the continent, without claiming to form an alternative NATO collective defense organization.

Negotiations to Resolve the Ukrainian Crisis

On May 16, June 2 and July 23, 2025, three rounds of negotiations between Russia and Ukraine took place in Istanbul, Turkey. Their main result was an agreement to exchange prisoners and transfer the bodies of dead soldiers and officers. At the first meeting, the parties agreed to prepare proposals for resolving the conflict. The relevant memoranda were presented at a meeting on June 2,³ but due to the opposite approaches of the parties, they were not substantively discussed in summer 2025.

The Ukrainian side assumed that negotiations on substantive issues of settlement must be preceded by a ceasefire of at least 30 days, with its possible extension without conditions. Substantive issues of settlement, including a permanent ceasefire, security guarantees and non-resump-

2 Von Ondarza N. Contours of an EU Partnership and Alliance Strategy. SWP Comment No. 9. P. 1. // Stiftung Wissenschaft und Politik, 2025. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2025C29_EU_alliance_strategy.pdf.

3 Opublikovan polnyi tekst rossiiskogo memorandumua po Ukraine [The Full Text of the Russian Memorandum on Ukraine Has Been Published] // Kommersant, 02.06.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7774862>; Ukrainian proposals for June 2 talks with Russia in Istanbul // Reuters, 01.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/ukrainian-proposals-june-2-talks-with-russia-istanbul-2025-06-01/>.

tion of hostilities, territorial and financial issues were proposed to be considered at a meeting of the heads of states of Russia and Ukraine with the participation of the U.S. President, as well as, possibly, the leaders of Turkey and European countries.

The Russian side proposed to start with the negotiation of the Treaty on the final settlement, the provisions of which should include: international legal recognition of the integration into Russia of the Crimea, Luhansk and Donetsk People's Republics (LPR and DPR), Zaporozhye and Kherson regions; Ukraine's refusal to join military alliances and coalitions, prohibition of any military activities of third states and the deployment of foreign armed forces, military bases and military infrastructure on its territory; establishment of a ceiling for the number of Ukrainian troops, the number of weapons and military equipment; ensuring the rights, freedoms and interests of the Russian and Russian-speaking population; making the Russian language an official language; legislative prohibition of glorification and propaganda of Nazism and neo-Nazism, dissolution of nationalist organizations and parties; removal of all existing and refusal to introduce new economic sanctions, bans and restrictive measures between Russia and Ukraine; rejection of mutual claims for damage caused in the course of hostilities.

Moscow has repeatedly proposed a short-term cessation of hostilities, but stipulated a long-term ceasefire on several conditions: the beginning of the complete withdrawal of Ukrainian military forces from the territory of DPR, LPR, Zaporozhye and Kherson regions and its completion within 30-day ceasefire; cessation of mobilization and commencement of demobilization of the armed forces; cessation of foreign military supplies and other foreign military assistance to Ukraine, including the provision of satellite communications services and intelligence; announcement of the dates of the presidential and parliamentary elections in Ukraine. A treaty on the final settlement of the conflict would be signed after the formation of new authorities of Ukraine.

During the third round of negotiations, Moscow proposed to create working groups on political, humanitarian and military issues that

would continue discussing these issues online.⁴ Kiev has shown no interest in this initiative.

In August 2025, the settlement of the Ukrainian crisis was discussed at a meeting between Presidents Putin and Trump in Alaska.

NATO Summit

The NATO summit in The Hague on June 24–25, 2025, was supposed to clarify the direction in which transatlantic relations under Trump would develop, taking into account his policy aimed at reducing U.S. involvement in European security and defense, and his demands to increase European defense spending from two to five percent of gross domestic product (GDP).

In the public space, attention was focused on the measures taken during the preparation of the summit to minimize the influence of the “Trump factor” on the fate of the alliance. Until the last moment, there was no clarity about the timing of the stay of the U.S. President in The Hague. To avoid a repetition of the situation that arose at the G7 summit in Kananaskis, which Trump left ahead of schedule, the working program of The Hague summit was severely curtailed.⁵ The final declaration was unprecedentedly brief. It contained only five points, including an expression of gratitude to the Government of the Netherlands for the hospitality provided. For comparison, there were 38 points in the Washington Summit Declaration (2024), and 90 in the Vilnius Summit Communiqué (2023). The Europeans clearly sought to agree with the new U.S. President on the parameters of future cooperation

4 O chem Rossiya i Ukraina dogovorilis' na novykh peregovorakh v Stambule [What Russia and Ukraine Agreed on at the New Talks in Istanbul] // RBC, 23.07.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/07/2025/6880ef349a794728b4722f6d>.

5 FT: rabochaya programma sammita NATO sokrashchena do odnogo zasedaniya iz-za Trampa [FT: NATO Summit Working Programme Cut to One Session Because of Trump] // TASS, 19.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24281769>.

within NATO, not stopping, as Politico magazine states, before “sucking up” and “slavish display” toward Trump.⁶

Characteristic features of the summit were more restrained pro-Ukrainian rhetoric and criticism of Russia. Ukraine’s prospects of joining the alliance were not discussed. However, the adopted declaration states that the fundamental threats and challenges to Euro-Atlantic security are “the long-term threat posed by Russia,” as well as the persistent threat of terrorism. It also reaffirmed the “enduring sovereign commitments” of NATO countries to provide support to Ukraine.⁷ The new Secretary-General, like his predecessor, confirmed that “NATO is not a part of the conflict.” Nevertheless, he recognized the indirect participation of the alliance in the conflict, obvious to Moscow, at least in the form of an assertion that NATO “is coordinating the training and the military equipment coming into Ukraine.”⁸

The Hague Summit solved its main political task. The summit-sanctioned compromise assumes that European countries have agreed to redistribute the burden within the alliance and substantially increase their military spending in exchange for a confirmation of the U.S. commitment to collective defense.

On the one hand, NATO countries have committed to spend 5% of GDP annually by 2035 on basic defense needs, including defense and security-related expenditures. Allies will allocate at least 3.5% of GDP

6 Politico soobshhila o kritike “podhalimstva” i “rablepiya” pered Trampom [Politico Reports Criticism of ‘Sucking up’ and ‘Slavish Display’ Toward Trump] // RBC, 26.06.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/06/2025/685c95ae9a794711064a6869>; NATO Chief calls Trump “Daddy” // Politico, 25.06.2025. URL: <https://www.politico.com/news/2025/06/25/nato-chief-calls-trump-daddy-00423485>.

7 The Hague Summit Declaration Issued by the NATO Heads of State and Government Participating in the Meeting of the North Atlantic Council in The Hague 25 June 2025 // NATO, 25.06.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_236705.htm. “Sovereign” obligations should be understood as individual, not collective obligations of alliance members.

8 Speech by NATO Secretary General Mark Rutte Followed by a Q&A at the Comenius University, in Bratislava // NATO, 20.02.2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_233223.htm.

annually to cover basic defense needs and meet NATO's Capability Targets (these expenditures are included in their defense budgets). They also pledged to account for up to 1.5% of GDP annually to protect critical infrastructure, defend networks, ensure civil preparedness and resilience, unleash innovation, and strengthen the defense industrial base (these costs are not included in their defense budgets).⁹

On the other hand, the first paragraph of the declaration reaffirms the commitment of alliance members (including the United States) to collective defense, enshrined in Article 5 of the Washington Treaty, which states that an attack on one is an attack on all.¹⁰ After the summit, Trump questioned the understanding of this paragraph as providing European countries with unconditional American security guarantees. White House representatives explained that the president "wanted to say" that the Article 5 "does not contain strictly prescribed obligations to use force in an attack on one of the alliance members, and the issue of using the armed forces is open."¹¹

The main military-political decision of the summit was left behind the frame of public discussion of its outcomes. At the summit, the alliance's defense planning cycle that began after the adoption of a new Strategic Concept in 2022 was completed. Following the approval of new defense plans in 2023, work has begun on defining "minimum necessary" forces and means for their implementation. In The Hague, the capability targets for the Alliance agreed at the meeting of NATO Defense Ministers on June 5 and distributed among member states, were adopted.¹²

9 The Hague Summit Declaration. Op. cit.

10 Ibid.

11 Politico: Tramp slovami o stat'e 5 NATO hotel skazat' ob otsutstvii zhestkih objazatel'stv [Politico: Trump Speaking About Article 5 NATO Wanted to Say About the Absence of Tough Commitments] // TASS, 25.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24348339>. This interpretation of Article 5 is correct in principle: a consensus decision by the NATO Council is necessary to activate it.

12 NATO Defence Ministers Agree on New Capability Targets // Government Offices of Sweden, 05.06.2025. URL: <https://www.government.se/press-releases/2025/06/nato-defence-ministers-agree-on-new-capability-targets/>.

Open sources report that the alliance's military capability targets can be increased by about 30%.¹³ The NATO Military Command document Minimum Capability Requirements, sent to the alliance members in spring 2024, dealt with increasing the number of brigade-level combat groups from 82 to 131. Particular emphasis was given to building up the potential of air and missile defense, high-precision long-range weapons, ammunition production, logistics and transport. It was proposed to increase the number of air defense units from 293 to 1,467.¹⁴ In November 2024, European Commissioner-Designate for Defense and Space Andrius Kubilius also spoke about the need of having additional 49 European military brigades.¹⁵ On the eve of a meeting of NATO Defense Ministers in June 2025, the Reuters news agency reported that the number of brigades to be deployed by the NATO allies in Europe is supposed to be raised from 80 to 120–130.¹⁶

Publicly available information is insufficient to qualitatively assess NATO's decision on capacity building. We have no information about which brigades and when are planned to be formed, what level of readiness they will have in accordance with the new NATO Force

Then it was also agreed to increase the defense spending of European countries to 5% of GDP.

- 13 Ruitenbergh R. NATO to Ask Allies for 30% Capability Boost, Top Commander Says // Defense News, 14.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/03/14/nato-to-ask-allies-for-30-capability-boost-top-commander-says/>.
- 14 Von Junghorst T. NATO Fordert 49 Weitere Kampftruppen-Brigaden // Die Welt, 06.10.2024. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article253847236/Absicherung-gegen-Russland-Nato-fordert-49-weitere-Kampftruppen-Brigaden.html>.
- 15 Hearing of Andrius Kubilius, Commissioner-designate (Defence and Space) P. 19 // European Union, 06.11.2024. URL: https://hearings.elections.europa.eu/documents/kubilius/kubilius_verbatimreporthearing-original.pdf.
- 16 Siebold S. NATO to Ask Berlin for Seven More Brigades Under New Targets, Sources Say // Reuters, 28.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/nato-ask-berlin-seven-more-brigades-under-new-targets-sources-say-2025-05-28/>.

Model. Capability targets are differentiated by time. Short-term objectives are designed for the next 6 years, and medium-term — for a period of 7 to 19 years.¹⁷ The question remains to what extent by 2030 the European countries of the alliance will actually meet the goals formulated today. Historically, they have never achieved the agreed goals and are now lagging behind the capability building plans agreed in 2021.¹⁸

The distribution of capability targets approved in 2025 remains uncertain. This uncertainty is related to the prospect of reducing U.S. forces and assets in Europe. Currently, there are 85,000 U.S. troops permanently stationed on the continent, including 20,000 on a rotational basis on the eastern flank of the alliance.¹⁹ Open sources report plans to reduce their numbers,²⁰ the parameters of which will be determined no earlier than the beginning of 2026, after the Pentagon completes its review of the deployment of U.S. forces abroad.²¹ However, in October 2025, without waiting for the review to be completed, the U.S. decided to reduce the number of troops deployed in 2022, first in Romania and then in Bulgaria, Hungary, and Slovakia.²² It is emphasized that this does not mean a large-scale withdrawal of U.S. troops from Europe or

17 NATO Defence Ministers Agree... Op. cit.

18 Ruitenbergh. Op. cit.

19 U.S. to Withdraw Some Troops from Europe's Eastern Flank, Romania Says // FRANCE 24, 29.10.2025. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20251029-romania-says-us-will-cut-some-troops-in-europe>.

20 Vandiver J. Trump Aims to Cut U.S. Force in Europe by 20,000, Compel Subsidies From Allies, Italian Report Says // Stars and Stripes, 24.01.2025. URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2025-01-24/trump-europe-troop-cuts-16590074.html>.

21 Cook L., McGrath S. The U.S. Draws Down Some Troops on NATO's Eastern Flank // Defense News, 29.10.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/10/29/the-us-draws-down-some-troops-on-natos-eastern-flank/>.

22 Sokrashchenie chisla voennykh SShA na vostoke NATO ne povliyaet na oboronnyye plany ES [The Reduction in the Number of U.S. Troops Stationed in NATO's Eastern Flank Will Not Affect the EU's Defense Plans] // Interfax, 29.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1055457>.

a renunciation of collective defense commitments within NATO.²³ Nevertheless, as a result of the expected reduction in the U.S. military presence, European countries will have to take on additional commitments within the framework of The Hague capability targets.²⁴

In 2025, discussions about the future of the alliance had practically no effect on its activities. NATO continues an ambitious program of military exercises.²⁵ The United States has not reduced participation in them.²⁶ The countries of the alliance are in no hurry to fulfill the 2022 decision to scale up the military presence on the “eastern flank” to the brigade-size level. Only Canada and Germany plan to complete the formation of multinational brigades, respectively, in Latvia in 2026 and Lithuania in 2027. The rest of the “framework nations” limited themselves to the operational reinforcement of multinational battalions (battlegroups) to the brigade level. Sweden assumed the role of the “framework nation” in formation of the ninth multinational battlegroup in southern Finland.²⁷

-
- 23 Timu A., Valero J., Drozdiak N. U.S. Withdraws Some Troops from Europe But Denies Broader Pullback // Bloomberg, 29.10.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-29/romania-says-us-told-allies-it-will-reduce-troops-in-east-europe>.
- 24 Robertson N. NATO Wants a ‘Focused’ Summit Amid Wars in Iran and Ukraine // Defense News, 25.06.2025. URL: <https://www.defensenews.com/pentagon/2025/06/24/nato-wants-a-focused-summit-amid-wars-in-iran-and-ukraine/>; Spatafora G. No Surprises? Preparing for the U.S. Defence Strategy and Posture Review // EU Institute for Security Studies, 24.07.2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/commentary/no-surprises-preparing-us-defence-strategy-and-posture-review>.
- 25 NATO Exercises 2025: The Complete Guide to Allied Readiness // Großwald, 05.05.2025. URL: <https://www.grosswald.org/nato-exercises-2025/>.
- 26 Vandiver J. U.S. Forces Continuing to Join NATO Exercises, Officials Say Following Reports of Exit // Stars and Stripes, 10.03.2025. URL: <https://www.stripes.com/theaters/europe/2025-03-10/nato-exercises-us-europe-17094572.html>.
- 27 NATO’s Military Presence in the East of the Alliance // NATO, 06.06.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm?selectedLocale=en.

Assessing the NATO military capability targets approved in 2025, it is important to note that in terms of their scale, they cannot be compared with the potential of the Cold War alliance and remain well below the levels that were set in 1999 by the Agreement on Adaptation of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe (the Adapted CFE Treaty), which had not entered into force. Only Poland can exceed by 2030 the “ceiling” in number of personnel of its armed forces, although its levels of armaments and equipment will still remain significantly lower than in the Adapted CFE Treaty.²⁸

The Hague agreements on the redistribution of burden within NATO between the United States and European countries pose new questions. In the future, one can talk about a deeper reform of the alliance, its “Europeanization,” including strengthening the European component in the NATO force structure, redistribution of key posts in its military and civilian structures, including the possible appointment of a European figure to the post of the Supreme Allied Commander Europe (SACEUR).²⁹

Doubts in Europe about the strength of The Hague compromise persist.³⁰ For this reason, the issue of European countries’ defense capabilities independent of the U.S. remains open to debate. One of its components is the agreement reached by the U.K. and France in July 2025 to create a joint Nuclear Steering Group to coordinate nuclear deterrence policies.³¹ But Europeans are trying to avoid formation

28 See *Western Military Capability in Northern Europe 2023. Part I: National Capabilities* / B. Ottosson, K. Pallin (eds). Stockholm: FOI, 2024. P. 126.

29 Spatafora G. Fit for Purpose? Reforming NATO in the Age of Trump 2.0. EU ISS Brief No. 13. P. 4 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/2025-06/Brief_2025_13_NATO%20and%20European%20defence.pdf.

30 Spatafora. No surprises?.. Op. cit.

31 Northwood Declaration: 10 July 2025 (UK-France Joint Nuclear Statement) // Government of the United Kingdom, 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/northwood-declaration-10-july-2025-uk-france-joint-nuclear-statement>.

of an alternative NATO defense alliance and are striving to maintain their political and military ties with the U.S.

Military Supplies to Ukraine

Due to differences in approaches within the Trump administration and European countries regarding the Ukrainian crisis, their provision of military and other assistance to Kiev underwent significant changes in 2025. European countries will have to shoulder a greater burden of this aid, as the U.S. has headed for its reduction, if not termination.

Since 2022, U.S. military supplies to Ukraine are estimated at almost €65 billion. European deliveries over the same period are comparable in scale. EU countries allocated €51 billion for these purposes, and the United Kingdom and Norway, which are not EU members — €12 billion.³² Even in the event of a complete cessation of U.S. aid to Ukraine, its financial replacement is considered an acceptable challenge. According to estimates, this would require European countries to increase funding for military assistance to Ukraine by 0.12% of GDP.³³

The more serious problem will be the substitution of those supplies, most of which were provided by the U.S. before 2025, and especially the nomenclature for which European countries do not have comparable weapons analogues. Thus, in the total supply of missile and artillery systems and ammunition to Ukraine by 2025, the U.S. share was 98%, while in supply of 152/155 mm rounds and long-range air defense systems — 80%. The U.S. share in deliveries of other weapons (armored combat vehicles, short and medium-range air defense systems, howitzers, tanks) was more modest, but their replacement would require a significant increase in European countries' own pro-

32 Scazzieri L. Plugging the Gap: How Europe Can Keep Ukraine Supplied With the Means to Defend Itself. EU ISS Brief No. 14. P. 1 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/2025-06/Brief_2025_14_Ukraine.pdf.

33 Ibid. P. 1–2.

duction. The U.S. allies also do not have comparable space reconnaissance and surveillance systems.³⁴

After a short period of uncertainty in the U.S. about the possibility of using for military assistance to Ukraine not only the remaining funds from the Biden administration, but also new funds,³⁵ a new “deal” has been agreed: American deliveries will continue, but they will be paid by the U.S. allies. At a meeting with Trump in July 2025, NATO Secretary General Mark Rutte said that a number of alliance members (primarily Germany, but also the United Kingdom, the Netherlands, Denmark, Canada, Norway, Sweden and Finland) are ready to pay for U.S. military supplies to Ukraine.³⁶ As a first step, the issue of supplying Kiev with Patriot air defense systems being in service in European countries and their replacement with purchases of these systems from the U.S. was discussed.³⁷

The redistribution of roles in the alliance has also affected the coordination of aid to Kiev. In 2025, these tasks continued to be carried out by the Contact Group for coordination of arms deliveries to Ukraine (“Ramstein format”).³⁸ In January 2025, the 25th meeting of the group was held — the first after the Trump election. It was chaired by outgoing U.S. Secretary of Defense Lloyd Austin,

34 Ibid. P. 2.

35 CBS: Tramp mozhет vydelit’ dopolnitel’nyuyu voennuyu pomoshch’ Ukraine [CBS: Trump May Allocate Additional Military Assistance to Ukraine] // Kommersant, 12.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7888110>.

36 Remarks by NATO Secretary General Mark Rutte With the President of the United States of America, Donald J. Trump at the White House // NATO, 14.07.2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_237051.htm.

37 Merts zayavil o planakh dobivat’sya zakupok u SSHA sistem PVO Patriot dlya Kieva [Merz Announced Plans to Seek Purchases from the United States of Patriot Air Defense Systems for Kiev] // Interfax, 10.07.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1035629>.

38 This format got its name from the American military base near the town of Ramstein in Germany.

who emphasized in his address the exceptionally large contribution of Washington to the Ukraine military potential.³⁹

The main objective of the meeting was to determine strategic goals and key needs of Kiev at least until the end of 2027. It was focused on the supply of air defense systems, armored vehicles, artillery, drones and military aircraft. It was also necessary to decide who would pay for these weapons in case of implementation of the already envisaged new course of Washington to curtail funding for Ukraine.

This was the last meeting of the Contact Group chaired by the United States. Its next, 26th meeting was held in February, chaired by the British Secretary of State for Defense John Healy. The initiative to abandon American leadership in favor of London belonged to Trump. At the meeting, the U.S. Secretary of Defense Pete Hegseth said that European countries should play a major role in providing security assistance to Ukraine.⁴⁰ A characteristic feature of the downgrading “sympathy” of the U.S. leadership for Kiev was the American decision not to hold a meeting of the U.S. and Ukrainian defense ministers in the “Ramstein format”.⁴¹ At the same time, Hegseth outlined said that he considers Ukraine’s entry into NATO “an unrealistic prospect.”

The 27th Ramstein meeting in April 2025 demonstrated Washington’s further distancing from its leading role in planning and ensuring European security. On the eve of the meeting, Hegseth “directly and unambiguously” stated that the U.S. priority is to “contain the war

39 Sysoev I. Vstrecha zapadnykh soyuznikov Kiev v Germanii mozhet okazat'sya poslednei [The Meeting of Kiev's Western Allies in Germany May Be the Last] // Rossiyskaya gazeta, 09.01.2025. URL: <https://rg.ru/2025/01/09/vstrecha-zapadnyh-soiuznikov-kieva-v-formate-ramshtajna-mozhet-okazatsia-poslednej.html>.

40 Stokan S. «Ramshtajn» menyaet pripev [“Ramstein” Changes the Chorus] // Kommersant, 12.02.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7498206>.

41 Glava Pentagona: SSHA schitayut nerealistichnym vstuplenie Ukrainy v NATO [Head of the Pentagon: the United States Considers Ukraine's Entry Into NATO Unrealistic] // TASS, 12.02.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23121031>.

with China in the Pacific,” so European countries must ensure their security on their own.⁴² The meeting was co-chaired by representatives of Great Britain and Germany. The Chiefs of General Staff of France, Great Britain and Ukraine discussed the prospect of deploying foreign troops in Ukraine, which was promised another aid package, this time worth \$27 billion.

Another aid package was also promised at the 28th meeting of the Contact Group in June 2025. Washington continued to signal a growing decline in U.S. attention to the “Ukrainian direction” of NATO activity. The U.S. Secretary of Defense demonstratively did not come to the Contact Group meeting, but the following day, June 5, attended the NATO Defense Ministers’ meeting.⁴³

Overall, the alliance continued to focus on supporting Ukraine. Rutte announced an increase in the amount of aid promised earlier for 2025 to €35 billion.⁴⁴

42 Soyuzniki Ukrainy na 27-i vstreche v formate «Ramshtain» poobeshchali vydelit’ VSU oruzhiya na 21 mlrd evro [Ukraine’s Allies at the 27th Ramstein Meeting Promised to Allocate Weapons to the Ukraine Armed Forces for 21 Billion Euros] // Krasnaya Liniya TV channel, 11.04.2025. URL: <https://www.rline.tv/news/2025-04-11-soyuzniki-ukrainy-na-27-y-vstreche-v-formate-ramshtayna-poobeshchali-vydelit-vsuo-ruzhiya-na-21-mlrd/>.

43 Baldor L. Hegseth Will Skip a meeting on Organizing Military Aid to Ukraine for a First on the U.S. // Associated Press, 04.06.2025. URL: <https://apnews.com/article/hegseth-ukraine-military-assistance-war-c9f1eead0b95ef6b-c7ab2ba799a272cd>.

44 Rytte: strany ES i Kanada postavlyat Kievu v 2025 godu oruzhiya na €35 mlrd. [Rutte: EU Countries and Canada Will Supply Kiev With Weapons Worth €35 Billion in 2025] // TASS, 23.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24330037>.

European Union

With the redistribution of the burden of defense spending and military support for Ukraine within NATO, the U.S. allies are implementing several strategies.⁴⁵

In *the short term*, this is a strategy to increase defense production in European countries, taking into account their commitments to build up the alliance's capabilities, as well as invest in arms production in Ukraine. Since 2024, a number of European countries have been purchasing military equipment for Kiev directly from Ukrainian manufacturers, actually paying for its production (this option was called the "Danish model," because Copenhagen went first on this path). In the same year, the EU allocated €1.4 billion to support the defense industry complex of Ukraine.

Military production in European countries is gradually gaining momentum. Germany plans to increase its defense spending to 3.5% of GDP by 2029. In 2025, Germany's defense budget was increased to €95 billion (2.4% of GDP). In 2029, it is expected to be €162 billion. These funds include €9 billion annually for assistance to Ukraine.⁴⁶

Production of 155 mm rounds in EU countries has grown from around 300,000 to 2 million per year since 2022.⁴⁷ The production of artillery systems is increasing. The German tank Leopard 2, the Italian Ariete, the French Leclerc Evolution, and the British Challenger are

45 Scazzieri. Plugging the Gap... Op. cit. P. 3.

46 Höller L. Germany Plans to Double Its Defense Spending Within Five Years // Defense News, 26.06.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/06/26/germany-plans-to-double-its-defense-spending-within-five-years/>; Martinez M. How Will Germany Pay for Rapid Rise in Defence Spending? // Reuters, 24.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/how-will-germany-pay-rapid-rise-defence-spending-2025-06-24/>.

47 Scazzieri L. Rebuilding Europe's Defences: How to Unlock a Coordinated Defence Surge. EU ISS Brief No. 22. P. 1 // EU Institute for Security Studies, 2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/briefs/rebuilding-europes-defences-how-unlock-coordinated-defence-surge>.

being modernized. The German Rheinmetall opened a tank factory in Hungary in 2023 and, in collaboration with Leonardo, plans to start production of the new KF51 Panther tank in Italy, offering to produce these tanks in Ukraine. A consortium of Airbus, Dassault and Leonardo plans to begin production of the Eurodrone medium-altitude UAV with a flight range of 2,000 km and a payload capacity of 2 tons in 2026. Air defense systems are also being modernized, including German IRIS-T and Franco-Italian SAMP/T NG.⁴⁸

European procurement of U.S. weapons and ammunition for replenishment of their own stocks and for Ukraine continues, especially those types of weapons in which European countries do not produce analogues. The production of American weapon systems in Europe is being established. In May 2025, the German Rheinmetall and the American Lockheed Martin signed a memorandum on the creation of a Competence Center in Germany for the production of missiles and missile systems, including ATACMS tactical ballistic missiles, mobile multiple launch rocket system GMLRS/GMLRS ER based on the American HIMARS, PAC-3 missiles for the Patriot anti-ballistic missile system, Hellfire and JAGM air-to-ground anti-tank missiles. Rheinmetall expects to enter serial production of these missiles after 2027.⁴⁹

In the long term, European countries plan to invest in development and production of weapons and strategic means, in which European countries are critically dependent today on the United States, primar-

48 See Grinyaev S.M. Gotovnost' 2030. Plany i vozmozhnosti Bryusselya po militarizatsii Evropy [Readiness 2030. Plans and Opportunities of Brussels for the Militarization of Europe] Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN (Issue II). 2025. No 11 (379) // Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2025. URL: <https://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/2025/an379.pdf>; Ruitenbergh R. KNDS, Rheinmetall, Thales Move Ahead on Next-Generation Tank Project // Defense News, 24.01.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/01/24/knds-rheinmetall-thales-move-ahead-on-next-generation-tank-project/>.

49 Rheinmetall and Lockheed Martin to Establish European Production Hub for ATACMS and PAC-3 Missiles // Defence Industry Europe, 18.05.2025. URL: <https://defence-industry.eu/rheinmetall-and-lockheed-martin-to-establish-european-production-hub-for-atacms-and-pac-3-missiles/>.

ily modern command and control systems, space reconnaissance and communications systems, strategic air defense systems, high-precision long-range weapons, means of detection and destruction of enemy air defense systems, long-range military transport aviation, aerial refueling equipment, heavy helicopters. According to experts, relevant developments can take from five to ten years.⁵⁰

At the same time, development of a new generation battle tank and fifth and sixth generation fighters is being carried out. In January 2025, the Franco-German KNDS, Rheinmetall and the French Thales have signed an agreement to develop a new generation main battle tank (MGCS), which in 2035–2040 is supposed to replace the Leopard 2 and Leclerc tanks that are in service in the German and French armed forces.⁵¹ Since 2018, the Franco-German-Spanish consortium has been working on the creation of a sixth generation fighter — the Future Combat Air System (FCAS).⁵² Due to disagreements that arose in 2025 between the French (Dassault) and German (Airbus) participants of the project, the timing of its completion is likely to move closer to 2050.

Defense policy issues belong to the exclusive competence of the EU countries, they are not ready to delegate their powers to Brussels. However, in recent years, the EU has played an increasingly promi-

50 Wolff G., Steinbach A., Zettelmeyer J. The Governance and Funding of European Rearmament. Bruegel Policy Brief. 2025. No. 15. P. 3–5 // Bruegel, May 2025. URL: https://www.bruegel.org/sites/default/files/2025-05/PB%2015%202025_0.pdf; Spatafora G. Turning Money Into Action: What Next Steps for European Defence? // EU Institute for Security Studies, 11.03.2025. URL: <https://www.iss.europa.eu/publications/commentary/turning-money-action-what-next-steps-european-defence>; Ruitenbergh R. Mind the Gaps: Europe's To-Do List for Defense Without the U.S. // Defense News, 25.02.2025. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2025/02/25/mind-the-gaps-europes-to-do-list-for-defense-without-the-us/>.

51 Ruitenbergh. KNDS, Rheinmetall, Thales Move Ahead... Op. cit.

52 Grinyaev. Op. cit.; Future Combat Air System (FCAS): Shaping the Future of Air Power // Airbus, [n.d.]. URL: <https://www.airbus.com/en/products-services/defence/future-combat-air-system-fcas>.

ment role in the revival of the European defense industry, stimulating the joint development, production and procurement of weapons and ammunition by its members. The goal pursued by the European Union is to gradually form a single market and increase the share of its members' final defense products in their purchases.

In 2017, the EU established the Permanent Structured Cooperation (PESCO) program and the European Defence Fund, which co-financed projects under this program. In 2023, the *European Defence Industry Reinforcement Through Common Procurement Act* was adopted, and in 2024, the European defense and industrial strategy was initiated. European Investment Bank provided credits for this joint production of dual-use products. However, the scope of these programs was considered relatively small.⁵³

On March 6, 2025, the EU extraordinary summit has approved an ambitious ReArm Europe plan, and on March 19, the EU presented the *White Paper on European Defence — Readiness 2030*, which defines key areas of the EU's defense policy until 2030: air and missile defense; artillery systems; ammunition and missiles (replenishment of stocks of at least 2 million large-caliber rounds per year); drones and counter-drone systems; military mobility; artificial intelligence (AI), quantum, cyber & electronic warfare; strategic enablers and critical infrastructure protection.⁵⁴

The goal is to “mobilize” for these purposes €800 billion by the end of 2030, which will be invested in the European defense industry. The European Union will provide €150 billion of this amount to finance joint purchases by European countries of defense products.

53 Von Ondarza. Op. cit. P. 2.

54 White Paper for European Defence — Readiness 2030 // European Commission. 2025. URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White%20paper%20for%20European%20defence%20-%20Readiness%202030.pdf. See also Clapp S., Höflmayer M., Lazarou E., Pari M. ReArm Europe Plan / Readiness 2030 // European Parliamentary Research Service (EPRS) Briefing, 2025. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI\(2025\)769566_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2025/769566/EPRS_BRI(2025)769566_EN.pdf).

Another €650 billion remains to be “mobilized” by EU member states. However, this is only part of the funds that European countries plan to spend on rearmament — Germany alone is going to spend €649 billion for these purposes over the same period.⁵⁵ The plan also foresees investments in the development of the defense industry complex of Ukraine, which is actually proposed to be integrated with the growing European defense industry.

To implement this ambitious plan, the European Union provides its members with a number of financial incentives.

First, by the end of 2030, Brussels softens the terms of the 2012 fiscal pact (the Treaty on Stability, Coordination and Governance in the Economic and Monetary Union) and allows countries to exceed restrictions established by the pact (sovereign debt should not exceed 60%, and the budget deficit, subject to the first requirement — 3% of the country’s GDP), if such an excess is related to increased defense spending.

Not all states will be able to take advantage of such mitigation. It is of interest to those (particularly Germany) that have already reached the public debt and deficit thresholds. The new EU rule will allow them to go beyond this framework (until 2030, Germany plans additional borrowing of €400 billion).⁵⁶ But countries with public debt and budget deficits below 60% and 3% of GDP, respectively, will not be able to benefit from this fiscal easing.⁵⁷ Thus, the EU encourages states to increase defense spending by increasing public debt, and not in alternative ways — by raising taxes or reducing other, in particular, social spending.

Secondly, in May 2025, the EU adopted a regulation on a new financial instrument “Security Action for Europe” (SAFE), intended to “mobilize” €150 billion in financial markets and provide member countries with loans for joint purchases of arms and military equip-

55 Höller. *Op. cit*; Martinez. *Op. cit*.

56 Ibid.

57 Wolff, Steinbach, Zettelmeyer. *Op. cit*. P. 10.

ment.⁵⁸ Such loans will be available not only to EU members, but also to individual partners with which the EU has concluded security cooperation agreements and with whom additional agreements will be signed under the new financial instrument, provided that the contribution of European companies to the final purchased products will be at least 65%. After the March extraordinary summit, Brussels has started consultations on the issue with a number of non-EU NATO states.⁵⁹

In fact, not only Norway, closely integrated with the EU within the European Economic Area, but also Ukraine is equated with the EU member states. EU members wishing to receive funds from the new financial instrument will have to submit not only a plan for military-industrial investment and prospective purchases, but also indicate how this will contribute to support of Ukraine and ensure its participation in the planned purchases. The contribution of Norway and Ukraine will be counted as a 65% share of European companies in the final product. The EU offers similar conditions to the U.K., with which a partnership agreement on defense and security was signed at the May 2025 summit, including an agreement on U.K. cooperation with the European Defense Agency. Consultations are ongoing with Turkey and Canada, but the rule of 65% will not apply to them.⁶⁰

By July 2025, 18 EU countries had shown interest in borrowing under the new financial instrument for a total of €127 billion⁶¹.

58 SAFE: Security Action for Europe // Council of the European Union, 27.05.2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/27/safe-council-adopts-150-billion-boost-for-joint-procurement-on-european-security-and-defence/>.

59 Von Ondarza. *Op. cit.* P. 2.

60 *Ibid.* P. 4–5.

61 These countries include Belgium, Bulgaria, Croatia, Cyprus, Czech Republic, Estonia, Finland, France, Greece, Hungary, Italy, Latvia, Lithuania, Poland, Portugal, Romania, Slovakia, and Spain. See Eighteen EU Members Apply for a Total of \$147 Billion From Defence Fund // Reuters, 30.07.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/finance/eighteen-eu-members-apply-total-147-billion-defence-fund-2025-07-30/>.

Strategic Autonomy

European doubts about the reliability of American security guarantees were compounded in early 2025 by fears that Trump, in the context of a renewed dialogue with Russia, would agree with Moscow to resolve the Ukrainian crisis through the head of his allies and Kiev and simply “cede” Ukraine to Russia. Against this backdrop, European countries’ defense capabilities independent of the U.S. remained an important topic of debate. However, the EU does not claim to be a collective defense organization. All its strategic planning documents within the Common Security and Defence Policy (CSDP) emphasize that collective defense is a NATO responsibility, not an EU one.

The EU does not have its own command and staff structures. There are no defense plans and no capacity-building goals similar to those adopted by NATO in 2025. The European Defence Agency is mainly concerned with the defense-industrial cooperation plans of member countries. With the exception of large NATO member states such as Germany or France, EU member states do not have military forces and assets that are not transferred to NATO headquarters under the new Force Model or to battlegroups on the “eastern flank.”

Against this background, at the beginning of 2025, French President Emmanuel Macron resumed his earlier proposal to start a strategic dialogue with interested countries on the role of French nuclear weapons in the defense of Europe.⁶² For the first time, this proposal was supported by German Chancellor Friedrich Merz,⁶³ and Polish Prime Minister Donald Tusk, speaking in parliament, reported that he was having discussions with Paris about the possibility of Poland’s “falling

62 Macron Seeks Talks on How French Nuclear Weapons Could Protect Europe
// Financial Times, 05.03.2025. URL: <https://www.ft.com/content/a6e951ba-271e-4e1d-acba-6dbb328bbe40>.

63 Germany’s Merz Wants European Nuclear Weapons to Boost U.S. Shield
// Reuters, 09.03.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/germanys-merz-wants-european-nuclear-weapons-boost-us-shield-2025-03-09/>.

under the protection of French nuclear umbrella.”⁶⁴ In response, a discussion has unfolded in the expert community and in the public space about what European nuclear deterrence could look like, including the possibility of deploying French nuclear weapons on the territory of the EU countries, as well as about what factors could prevent this.⁶⁵

The questions raised during the discussion have not yet been answered. However, in May 2025, Macron stated that France was ready to start to start to discuss the placement of French aircraft with nuclear weapons in other European countries,⁶⁶ although this had so far been excluded from the French nuclear doctrine. In July, he instructed the country’s defense minister to conduct consultations — “strategic dialogue” — with interested countries, the outcome of which is to be delivered at the end of the year.⁶⁷ This dialogue is now developing primarily between France, Great Britain and Germany. Poland is also joining in.

On July 10, 2025, France and the United Kingdom agreed to establish a joint Nuclear Steering Group to coordinate nuclear deterrence policy,⁶⁸ and also signed a broader second Lancaster agreement in which

64 Mcguigan S. Poland’s Donald Tusk Wants Access to Nuclear Weapons to Deter Putin as He Announces Plan to Give Military Training to Every Adult Male in His Country to Build 500,000-Strong Army // Daily Mail, 08.03.2025. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14475967/Polands-Donald-Tusk-access-nuclear-weapons-plan-build-army.html>.

65 See Perot E. Revisiting Deterrence: Towards a French Nuclear Umbrella Over Europe? SDS Policy Brief. 2025. No. 6 // Center for Diplomacy, Security and Strategy, 2025. URL: <https://csds.vub.be/publication/revisiting-deterrence-towards-a-french-nuclear-umbrella-over-europe/>; Sorg A. Force de l’Europe: How Realistic Is a French Nuclear Umbrella? // War on the Rocks, 04.03.2025. URL: <https://warontherocks.com/2025/03/force-de-leurope-how-realistic-is-a-french-nuclear-umbrella/>.

66 Frantsiya nachnet dialog s ES po ispol’zovaniyu yadernogo oruzhiya [France Will Start a Dialogue With the EU on the Use of Nuclear Weapons] // RIA Novosti, 13.07.2025. URL: <https://ria.ru/20250713/frantsija-2028907373.html>.

67 Ibid.

68 Northwood Declaration: 10 July 2025 (U.K.-France joint nuclear statement). Statement by the United Kingdom and the French Republic on Nuclear

they affirmed, that a threat to one state will be treated as a threat to the other.⁶⁹ On 29 August, Paris and Berlin discussed the issue at a meeting of the Franco-German Defense and Security Council.⁷⁰ In September, the President of Poland Karol Nawrocki posed questions about European nuclear deterrence during his visit to Paris.

At this stage, however, it is clear that France's strategic dialogue partners are not prepared to discuss defense policy issues in isolation from NATO. The only "strategic autonomy" option they consider is to operate through NATO without U.S. involvement if necessary. This implies strengthening the "European pillar" of the alliance (or its "Europeanization"). Europeans are trying to avoid the need for an alternative NATO defense alliance, and the possibility of agreeing on the role of French and British nuclear capabilities is seen only as a complement to American guarantees and as an insurance in case if Washington refuses to fulfill its obligations.

In March 2025, speaking in favor of a dialogue with France and the UK on the possibility of sharing their nuclear capabilities in the interests of Europe's defense, Merz emphasized that it was not about replacing but supplementing U.S. nuclear guarantees.⁷¹ Speaking about the French "nuclear umbrella," Tusk said that the need for close cooperation with the U.S. and NATO is not negotiable,⁷² and

Policy and Cooperation — July 2025 // Government of the United Kingdom, 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/northwood-declaration-10-july-2025-uk-france-joint-nuclear-statement>.

69 Lancaster House 2.0: Declaration on Modernising UK–French Defence and Security Cooperation // Government of the United Kingdom, 10.07.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/lancaster-house-20-declaration-on-modernising-uk-french-defence-and-security-cooperation>. The first Lancaster agreement was signed in 2010.

70 Conclusions of the Franco-German Defence and Security Council // Élisée, 02.09.2025. URL: <https://www.elysee.fr/en/emmanuel-macron/2025/09/02/conclusions-of-the-franco-german-defence-and-security-council>.

71 Germany's Merz Wants European Nuclear Weapons... Op. cit.

72 Mcguigan. Op. cit.

Nawrocki noted that Poland expects France's support in the NATO program of joint use of nuclear weapons (Nuclear Sharing): "The partnership between Poland and France consists precisely in this."⁷³

In the Lancaster agreement of 2025, London and Paris underline: "We have a shared responsibility to strengthen Euro-Atlantic security and recall, in this regard, the critical deterrence that NATO provides. We reaffirm the importance of intensifying our efforts in support of NATO and acting jointly within it. We also recognize the value of a stronger and more capable European defense that contributes positively to transatlantic and global security and is complementary to, and interoperable with, NATO. In this regard, we underline that the European Union remains a unique and essential partner for NATO."⁷⁴

The conclusions of the meeting of the Franco-German Defense and Security Council of August 29, 2025 also note that increasing Europe's responsibility for its own defense implies strengthening the European pillar of NATO, and that "the transatlantic Alliance remains the foundation of European security." At the same time, Paris and Berlin reiterated the necessity to further deepen of EU-NATO cooperation in the field of European security and defense.⁷⁵ France and Germany have also agreed to start a strategic dialogue. Its first results will be summed up at the end of 2025.

73 Prezydent Pol'shi zayavil o gotovnosti k razmeshcheniyu yadernogo oruzhiya [President of Poland Announced Readiness to Deploy Nuclear Weapons] // Interfax, 17.09.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1047702>.

74 Lancaster House 2.0. Op. cit.

75 Conclusions of the Franco-German Defence and Security Council. Op. cit.

OSCE and European Political Community

Since 2022, the *Organization for Security and Cooperation in Europe* (OSCE) has been in a state of a permanent crisis.⁷⁶ During this time, the organization has not have an approved budget. The space for consensus has narrowed to a minimum. The discussions in the Permanent Council boil down to the controversy surrounding the Ukrainian crisis. In the first half of 2025, the OSCE adopted only four decisions: on the dates, agenda and organizational modalities of the Annual Security Review Conference,⁷⁷ on additional provisional expenditure for the Conference and Language Services Programme,⁷⁸ on the extension of the mandate of the OSCE Mission to Moldova until the end of 2025,⁷⁹ and on the dates and agenda of the Economic and Environmental Dimension Implementation Meeting.⁸⁰ Referring to financial considerations, the OSCE Chair in 2025 Finland refused to hold

76 See Zagorsky A.V., Oznobishchev S.K. European security / In: *Strategicheskij Obzor 2023* [Strategic Review 2023] / A.G. Arbatov (ed.). Moscow: MGIMO University, 2024. P. 248–250; Zagorsky A.V., Oznobishchev S.K. Arms Race in Europe / In: *Strategicheskij Obzor 2024* [Strategic Review 2024] / A.G. Arbatov (ed.). Moscow: MGIMO University, 2025. P. 252–256.

77 Decision no. 1506. Dates, Agenda and Organizational Modalities of the 2025 Annual Security Review Conference (ASRC). 1515th Plenary Meeting of the Permanent Council. PC.JOUR/1515 // OSCE, 03.04.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/c/589547.pdf>.

78 Decision no. 1507. 2025 Additional Provisional Expenditure Authorization for the Conference and Language Services Programme. PC.DEC/1507 // OSCE, 19.06.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/5/594023.pdf>.

79 Decision no. 1508. Extension of the Mandate of the OSCE Mission to Moldova. PC.DEC/1508 // OSCE, 19.06.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/3/594029.pdf>.

80 Decision no. 1509. Dates and Agenda of the 2025 Economic and Environmental Dimension Implementation Meeting. PC.DEC/1509 // OSCE, 24.07.2025. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/f/595783.pdf>.

the annual meeting of the Council of Ministers in December and asked Austria, where the organization's headquarters is located, to organize this meeting in Vienna.

The Helsinki+50 Conference, held in Helsinki on July 31—August 1 and dedicated to the 50th anniversary of the signing of the Conference on Security and Cooperation in Europe Final Act, was marked by sharp controversy. It was attended mainly by representatives of Western countries and non-governmental organizations. The central topics of the conference were the Ukrainian crisis and human rights. Under these circumstances, Moscow decided not to take part in the conference at a high level. Russia was represented by the Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the OSCE Maxim Buyakevich.⁸¹

Against this background criticism of the organization is growing, especially in Russia. In June 2025, Russian Foreign Minister Sergey Lavrov stated: "The OSCE has been basically laid to waste. They trampled upon the consensus principle."⁸² As an alternative to the pan-European organization, the "continent-wide" Eurasian dialogue format, or the Greater Eurasian Partnership, is becoming increasingly popular. OSCE adherents admit: if the situation does not change and the member states of the organization do not return to dialogue, the OSCE will at best "remain on life support."⁸³

81 Chernenko E. Orushchie finskie parni. Kak OBSE vstretila polveka svoego bytiya [Screaming Finnish Guys. How the OSCE Met Half a Century of Its Existence] // Kommersant, 31.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7925860>; Chernenko E. B znachit besperspektivnost'. Kak razrushaetsya OBSE — krupneishaya v mire regional'naya organizatsiya [H Means Hopelessness. How the OSCE, the World's Largest Regional Organization, Is Crumbling] // Kommersant, 31.07.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7925564>.

82 Foreign Minister Sergey Lavrov's Remarks and Answers to Questions at the Forum of the Future 2050, Moscow, June 9, 2025 // Ministry of Foreign Affairs of Russia, 09.06.2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/2024956/.

83 Hill W.H. Russia, The United States, and the OSCE: A Cloudy Future? P. 3 // Security and Human Rights Monitor, 01.08.2025. URL: <https://>

At the end of 2024, at the Ministerial Council meeting in Valletta, Malta, the vacant posts of the Secretary General, the Director of the Office for Democratic Institutions and Human Rights, and the High Commissioner on National Minorities were filled. It was also decided that Switzerland will gain the OSCE Chairpersonship in 2026. The new Secretary-General, Feridun H. Sinirlioğlu (Turkey), is restrained in his remarks and calls on member states to revive political dialogue within the organization.⁸⁴ All these decisions are short-term in nature and do not eliminate uncertainty about the fate of the OSCE, but retain the possibility of its use in the future to discuss the new architecture of European security.

In parallel with the OSCE, the practice of holding semi-annual summits of the *European Political Community* (EPC) continues. They provide a platform for the political dialogue of EU member states with states that maintain close relations with the European Union (without the participation of Russia and Belarus). In recent years, this dialogue has become more structured. There are parallel thematic round tables at the EPC meetings along with plenary sessions. On the sidelines of the summit, meetings are held to discuss topical issues in a narrow composition.⁸⁵

The first EPC summit was held in Prague in October 2022. The fifth summit of the EPC Heads of State and Government was held in Budapest, Hungary, on November 7, 2024, the sixth summit was held in Tirana, Albania, on May 16, 2025. The main topics discussed at these meetings were security and strengthening of Europe's defense capabilities, migration, economic security and reducing dependence on critical imports, various aspects of European connectivity, includ-

www.shrmonitor.org/assets/uploads/2025/08/Hill_10.58866_BIHD5746.pdf.

84 Helsinki +50 Conference. Secretary General Feridun H. Sinirlioğlu's Keynote Speech. Helsinki, 31 July // OSCE, [n.d.]. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/3/3/595828_0.pdf.

85 See Zagorsky, Oznobishchev. European security. Op. cit.; Zagorsky, Oznobishchev. Arms Race in Europe. Op. cit.

ing energy, transport, information and communication technologies, global trade.

The changes in Washington's policy following Trump's return to the White House set in motion a correction of the European security system. How long-term and sustainable these processes will prove to be, time will tell.

The first obvious "Trump effect" is a redistribution of the burden within NATO. The U.S. will remain in Europe, but European countries for which the alliance continues to be the central security organization will have to pay more for collective defense.

The second "Trump effect" consists in stimulation of an arms race. European countries now derive not only from increased commitments within NATO, but also plan to "restrain" Russia on their own. The EU is promoting a revival of the European defense industry complex, but does not claim to replace NATO as a collective defense organization and coordinates its policy with the alliance.

The third "Trump effect" is a return to practical diplomacy of the question of ending the Ukrainian crisis by political means, although this prospect remains unclear.

The fourth "Trump effect" is a window of opportunity for the normalization of Russian-American relations. But even if this opportunity is realized, the prospect of a Russia-inclusive European security architecture remains uncertain.

New U.S. Missile Defense Project

ALEXANDER ERMAKOV

One of the most important factors that will influence the global nuclear landscape in the coming decades will undoubtedly be the U.S. plans to radically modernize its global missile defense system with the deployment of space-based interceptors. This activity is directly linked to other factors affecting the landscape, such as the growth of China's strategic nuclear forces and the emergence of new nuclear powers and new delivery systems.

At the same time, very little is known about the overall design of the planned system, and it could be radically changed at any moment.

Long-Standing Interest

Over the past decades, the U.S. has shown serious interest in missile defense, but at the same time, its national approach to the issue has been characterized by constant revisions, cancellations, and restarts of plans. In the 1950s to 1970s, several presidential administrations worked on a number of systems, individual elements of which were actively tested. In 1975–1976, the Safeguard system, deployed after the conclusion of the Anti-Ballistic Missile Treaty (ABM Treaty), was even on combat duty. It had limited capabilities and covered only one intercontinental ballistic missile (ICBM) base and strategic aviation. These systems were based on ground-based anti-missiles and ground-based targeting systems.

However, the most famous American missile defense program, President Reagan's Strategic Defense Initiative (SDI, "Star Wars"), was supposed to use space-based assets and, as a result, is most important to consider in light of Trump's recent initiative. SDI was widely covered in domestic sources, but despite its undoubtedly enormous political significance, both domestically and internationally, the actual activity during Reagan's two presidential terms boiled down to the development of numerous concepts and experiments that were more scientific in nature. No plan for deploying the system was approved. Unlike previous and subsequent U.S. missile defense programs, no interceptors of any type were tested.

In 1996, the Bill Clinton's administration proposed deploying the National Missile Defense (NMD) in three stages, initially with 20, then 100, and finally 250 GBI interceptors, which were supposed to ensure the interception of five warheads without penetration aid, up to 10 ICBMs with the simplest penetration aid, and up to 20 ICBMs, respectively.¹

The George W. Bush's administration and subsequent ones until very recently continued to adhere to the missile defense concept proposed under Clinton, which was called Ground-Based Midcourse Defense (GMD). Fort Greely, Alaska, was chosen as the main deployment site. There are five more launchers at the U.S. Space Force Vandenberg base, California: four are permanently equipped with GBIs on duty and one is used for testing, as Vandenberg is primarily a test center.² By the early 2010s, 26 interceptors had been deployed in Alaska, and in 2013, President Obama announced a plan to increase their number to 40, which was completed in November 2017.³

In February 2018, during Donald Trump's first term, Boeing was awarded a contract to build 20 more GBI silos and install anti-missiles in them.⁴ In March 2025, it was reported that the construction of these silos had been completed, but despite regular news reports

1 Grego L., Lewis G., Wright D. Shielded from Oversight: The Disastrous U.S. Approach to Strategic Missile Defense Appendix 1: The Development of the GMD System. P. 1. // Union of Concerned Scientists, 2016. URL: <https://www.ucs.org/sites/default/files/attach/2016/07/Shielded-from-Oversight-appendix-1.pdf>.

2 *Ground-Based Midcourse Defense (GMD) Program Overview*. Washington, D.C.: Missile Defense Agency, 2016. P. 6.

3 Judson J. U.S. Installs Final Ground-Based Missile Interceptor to Counter ICBM Threat // Defense News, 07.11.2017. URL: <https://www.defensenews.com/land/2017/11/07/final-ground-based-missile-defense-interceptor-in-place-at-fort-greely/>.

4 Judson J. Boeing Wins \$6.6B Deal to Support Missile Defense System, Build More Interceptors // Defense News, 01.02.2018. URL: <https://www.defensenews.com/land/2018/02/01/boeing-wins-66-billion-deal-to-support-missile-defense-system-build-more-interceptors/>.

about the delivery of anti-missiles, the total number of interceptors deployed has not been disclosed.⁵ As of the summer of 2025, it can be assumed that the number of anti-missiles in Alaska is close to 60. It is noteworthy that, although a quarter of a century has passed and several presidents have come and gone, they still have not deployed the Clinton's missile defense system, not even the "second stage" (i.e., with a hundred GBI interceptors), which, according to the plans at the time, should not have taken so long.

The only weapon deployed in the U.S., apart from the GBI, that is theoretically capable of destroying ICBMs is the SM-3 (Standard Missile 3) ship-based anti-missile in the Block IIA modification. The SM-3 is a three-stage solid-fuel missile which, like the GBI, launches an exoatmospheric kinetic interceptor onto its interception course. The missile's dynamic characteristics allow it to launch the interceptor high enough to engage even low-orbit satellites. This was demonstrated in February 2008, when a malfunctioning U.S. reconnaissance satellite USA-193 was shot down at an altitude of about 240 km.⁶ The SM-3 was rapidly deployed and used by the U.S. Navy in combat conditions to intercept medium-range missiles during Iranian strikes on Israel, reportedly with success.

Presumably, Aegis BMD can counter ICBMs, but only if the anti-missile launch point is ideally located not just under the target trajectory, but immediately after the end of the ICBM's boost phase during ascent or during the descent of warheads (before entering the atmosphere). Such capabilities already exist to repel an attack from North Korea, but to counter attacks from Russia or China, ships with anti-missiles would have to be deployed in the Arctic Ocean or the Sea of Okhotsk, which is hardly possible.

5 Judson J. Boeing Grows Alaska-based Homeland Missile Defense Silo Count by 20 // Defense News, 05.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/air-warfare/2025/03/04/boeing-grows-alaska-based-homeland-missile-defense-silo-count-by-20/>.

6 Day D. Burning Frost, the View From the Ground: Shooting Down a Spy Satellite in 2008 // The Space Review, 21.06.2021. URL: <https://www.thespacereview.com/article/4198/1>.

Summarizing the brief description of modern ICBM interception systems deployed as part of the U.S. national missile defense system, the following can be noted.

Their interception capabilities are extremely limited; at best, they are capable of repelling a strike by several ICBMs of primitive design.

Despite their political significance and active discussion, in fact, in the quarter century since the U.S. withdrew from the ABM Treaty, only those interception systems have been deployed that even in the 1990s were considered to be in the early stages of deployment.

The actual activities of the military and industry are likely aimed at developing technologies and conducting tests, and thus differ little from the work of the 1960s, contrary to political statements about the existence of a real means of protecting the country.

The Golden Dome Over America

The above programs could only have had a “cosmetic effect,” and at best, missile defense would have had some potential for reliable protection against a country with the capabilities of North Korea. In the event of a confrontation with China or, even more so, Russia, it would have been of extremely limited use. This state of affairs clearly did not suit Donald Trump, who returned to the White House in 2025. One of his first executive orders was to create an “Iron Dome for America.”⁷

Key points of the decree to note:

- The threat posed by ballistic, hypersonic, and cruise missiles remains “the most catastrophic” for the United States;
- Building an effective missile defense system is part of the “peace through strength” policy;
- The objectives of missile defense policy are to protect the popula-

7 Trump D. The Iron Dome for America // The White House, 27.01.2025.
URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/the-iron-dome-for-america/>.

tion and critical infrastructure, as well as to ensure a guaranteed retaliatory strike;

- A new generation of missile defense must provide protection against ballistic, hypersonic, and cruise missiles and other airborne threats from any adversary, including great powers;
- To ensure this, space-based interceptors for ICBMs operating in the boost phase of the trajectory must be developed and deployed;
- Additional ground-based interceptors must be deployed to repel countervalue strikes (i.e., attacks on major cities);
- Previously announced missile defense modernization programs are supported;
- Additional “left-of-launch interception” systems must be developed and deployed;
- In addition to kinetic interception systems, it is proposed to develop “non-kinetic” systems (probably to resume active R&D on laser, electromagnetic, and other similar weapons).

The name was borrowed from an Israeli tactical missile defense system, which had proven successful in repelling attacks by home-made low-range rockets. However, a month later, it was replaced with a more “premium” name: Golden Dome. This made it easier to find visual images: propaganda materials quickly adopted the image of a golden hemisphere protecting the U.S. from missile threats.

Trump’s next major announcement on the construction of the Golden Dome took place on May 20, when the President announced that Vice Chief of Space Operations General Michael Guetlein had been appointed to lead the program, and that the system would be “fully operational by the end of [Trump’s] term.”⁸ Trump announced the total planned cost of the Dome as \$175 billion, of which the first

8 Stone M., Mason J. Trump Selects \$175 Billion Golden Dome Defense Shield Design, Appoints Leader // Reuters, 21.05.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us/trump-make-golden-dome-announcement-tuesday-us-official-says-2025-05-20/>.

\$25 billion has already been approved as part of the supplemental budget bill. At least part of the first tranche will go toward additional funding for ongoing programs, such as the GPI and NGI anti-missiles currently under development, or increasing the production rate of the SM-3.⁹

It is noteworthy that during his second major speech on the Golden Dome, Trump only briefly mentioned the most discussed innovation — space interceptors. However, he repeatedly described the Dome as an “integrated, multi-layered defense system against all types of threats (including UAVs).” It is also worth mentioning plans to include Canada in the program. Its participation is not necessary for the space echelon, but it is necessary for defense against aerodynamic targets from the north.

Closer information and command coordination of existing air defense/missile defense assets will be one of the first tasks to be addressed in the construction of the Golden Dome, as General Guetlein has stated.¹⁰ It is expected that elements of artificial intelligence will be widely introduced into interception control systems, target distribution etc.¹¹ Once again, the question of deploying another NGI missile defense position in the Midwest (the northern part of the main territory of the United States) is being raised.¹²

9 Insinna V., Hitchens T., Marrow M., Roque A. How SASC, HASC Want to Spend Reconciliation on Golden Dome, Munitions // Breaking Defense, 29.06.2025. URL: <https://breakingdefense.com/2025/07/how-sasc-hasc-want-to-spend-reconciliation-on-golden-dome-munitions/>.

10 Hadley G. Guetlein Talks Golden Dome Priorities, Says Missile Interceptors Are Feasible // Air & Space Forces Magazine, 23.07.2025. URL: <https://www.airandspaceforces.com/guetlein-first-priority-golden-dome-c2/>.

11 Tucker P. New Golden Dome Details Emerge From Industry Day // Defense One, 14.08.2025. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2025/08/new-golden-dome-details-emerge-industry-day/407476/>.

12 Stone M. Exclusive: Pentagon Golden Dome to Have 4-layer Defense System, Slides Show // Reuters, 13.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/pentagon-golden-dome-have-4-layer-defense-system-slides-show-2025-08-12/>.

Looking ahead, the SHIELD program is considering plans to create a new “universal” anti-missile system for intercepting hypersonic gliding vehicles, cruise missiles, aerodynamic targets, and medium-range ballistic missiles, likely to replace the Patriot and THAAD systems.¹³ It is planned to deploy up to 11 batteries of such air/missile defense systems, which will be the most significant deployment of air defense missile systems on the continental United States since the mid-1970s, when most of the Nike Hercules systems were phased out.¹⁴ Considering that this program alone is estimated to cost \$151 billion over ten years, it becomes clear that the \$175 billion Trump mentioned for the entire Golden Dome as an integrated system is the maximum expenditure for the period of his presidential term.

However, there is no talk of abandoning the space strike component, although it will obviously not be deployed during Donald Trump’s term in office. At best, testing of technologies and early prototypes of interceptors will begin during this period. At least, representatives of Lockheed Martin, one of the leading American companies in this field, have stated that they plan to conduct tests of a space interceptor in 2028.¹⁵

The U.S. Department of War will spend at least a year just figuring out what the system should look like. The U.S. military’s uncertainty about what they want might be hinted at by the repeated postponement of a big meeting with industry representatives, where they planned to discuss their proposals and the customer’s requests.¹⁶

13 Roque A. MDA Outlines Golden Dome’s SHIELD \$151 Billion Contracting Vehicle // *Breaking Defense*, 08.08.2025. URL: <https://breakingdefense.com/2025/08/mda-outlines-golden-domes-shield-151-billion-contracting-vehicle/>.

14 Tucker. Op. cit.

15 Tucker P. Lockheed Martin Aims to Test a Missile-killing Satellite by 2028 // *Defense One*, 05.08.2025. URL: <https://www.defenseone.com/technology/2025/08/lockheed-martin-aims-test-missile-killing-satellite-2028/407212/>.

16 Sherman J. Pentagon Cancels Golden Dome Industry Summit Two Weeks After Presidential Launch // *Inside Defense*, 03.06.2025. URL: <https://in->

At the annual symposium on space and missile defense held at the Von Braun Center, military and government officials were strictly prohibited at the last minute from commenting on the Golden Dome, even though it was, of course, the central topic and was actively discussed by representatives of industry and think tanks.¹⁷

It was only at the end of June that an official request for information from industry was published on what a missile defense system with space interceptors might look like.¹⁸ The specific architecture of the system is not disclosed in the request, but judging by the definitions used, the Pentagon would like to have a network of orbiting interceptors capable of striking both ballistic missiles in the upper atmosphere and their warheads, including maneuvering ones, already in space. It is unclear whether this refers to large satellites equipped with a “battery” of anti-missiles or individual launch vehicles carrying a single anti-missile (i.e., Brilliant Pebbles at a new technical level).

The targeting is expected to rely on the aforementioned space groups, although none of them will be deployed for another three years. In September, applications began to be collected from companies wishing to participate in the development of interceptors, and due to traditional delays in budget approval by Congress, the industry will have to carry out the work at its own expense in the first stage, in the hope of compensation in the future.¹⁹

sidedefense.com/daily-news/pentagon-cancels-golden-dome-industry-summit-two-weeks-after-presidential-launch.

- 17 Hitchens T. At Missile Defense Conference, the First Rule of Golden Dome Is Don't Talk About Golden Dome // Breaking Defense, 06.08.2025. URL: <https://breakingdefense.com/2025/08/at-missile-defense-conference-the-first-rule-of-golden-dome-is-dont-talk-about-golden-dome/>.
- 18 Missile Defense Space Based Interceptors (SBI). Request for Information (RFI) // System for Award Management, 27.06.2025. URL: <https://sam.gov/opp/0e2c8bdac1704aafb3377aa92e3e01f6/view>.
- 19 Machi V. Space Force to Issue Space-Based Interceptor RFP on Sept. 5 // Aviation Week, 22.08.2025. URL: <https://aviationweek.com/defense/missile-defense-weapons/space-force-issue-space-based-interceptor-rfp-sept-5>; Machi V. Golden Dome's Rapid Timeline Col-

The number of deployed devices and their orbits are not yet known; they are probably not even defined. Decisions in this area will be of great importance. For example, for early interception of missiles from China or North Korea, an orbital inclination of about 45 degrees is optimal, but in this case, the interceptors will only fly over southern Russia. The simplest solution, namely placing satellites in polar orbit, will result in a uniformly thin layer over the entire Earth.

If an attacker launches several ICBMs simultaneously from a single area, thousands of devices would need to be deployed for effective interception. Although the United States has no particular problems with launching multiple small satellites thanks to the revolution in launch services in recent years, it should not be forgotten that such a group will require constant replacement of satellites that are falling out of orbit.²⁰ Most likely, an entire military-industrial complex will have to be built up around maintaining the functioning and regular modernization of the Dome.

Questions also arise regarding the achievable effectiveness of the Golden Dome. The decree noted that it is intended to protect against equal opponents when repelling countervalue strikes. This is quite difficult to imagine, since even without resorting to special measures to break through space-based missile defense, which were actively developed in the USSR in the 1980s against the SDI, but simply by conducting massive salvos, not only Russia but also China will be able to “overload” space-based missile defense with the number of targets and deliver a devastating countervalue strike (a traditional euphemism for nuclear strikes on cities).

Perhaps, in reality, the U.S. military is planning to solve two separate tasks: creating a means of reliable protection against a weak countervalue strike by a “rogue state” and a means of guaranteeing

lides With Industry Funding Fears // Aviation Week, 28.08.2025.
URL: <https://aviationweek.com/defense/missile-defense-weapons/golden-domes-rapid-timeline-collides-industry-funding-fears>.

20 For example, the largest low-orbit satellite constellation, Starlink, loses between 30 and 100 satellites every month due to natural causes.

a retaliatory strike in a confrontation with near-peer opponents. The U.S. can expect to solve the problem of “simultaneous but independent” deterrence of Russia and China in this way. By strengthening its missile defense system, it can increase the resilience of its nuclear forces and command and control systems without triggering a strategic arms race, which would follow if Washington decided to increase its arsenals by one and a half to two times. To protect against a counterforce strike, when it is necessary to reliably destroy individual ICBM silos and hardened command centers, rather than urban agglomerations, any additional factor of protection from missile defense is very significant.

The main customer in the White House, like Ronald Reagan, whom he has repeatedly mentioned in a positive light, may believe in any missile defense system of any reliability and any orientation, especially since it will not be implemented during his term anyway. Trump’s successor may reshape the initiative to suit his own agenda, or even cancel it altogether and propose his own system of a different kind. However, history also clearly shows that there is no point in expecting the U.S. to abandon the very idea of national missile defense and attempts to make it effective. It is merely a question of the price they are willing to pay for it.

Nevertheless, the Golden Dome will be a key factor in the U.S.–Russian, U.S.–Chinese, and indeed global strategic landscape for years to come. It will determine the direction of military development in a number of countries and the possible agenda for negotiations on the limitation of strategic and space weapons.

Artificial Intelligence in Military Affairs

NATALIA ROMASHKINA

DMITRY STEFANOVICH

Artificial intelligence (AI)¹ is included in the list of technologies that are changing the face of war and peace, and is actively used in the most advanced military fields. It provides search, recognition, and analysis of information; generation of recommendations and decisions; automatic shaping and providing of executive commands to devices. AI is used to solve problems characterized by large amounts of source data, uncertainty and inconsistency, the difficulty of comprehensively processing varied information that changes over time, and tight deadlines for decision-making.²

Forecasting of the possible nature of future warfare shows that major changes in the forms and methods of using armed forces will be determined not so much by geographical and military-political conditions as by scientific and technological progress in the development of new types of weapons and military equipment (WME) and the improvement of principles for commanding troops and weapons. Military dominance will be determined not only by the size of armies, but also by the quality of algorithms and programs in the field of combat management, including AI.

Artificial Intelligence on the Battlefield

In combat systems (weapons, sensors, navigation, air support, and surveillance), AI is used to make operations more efficient and less dependent on human involvement. In theory, eliminating complete human control over combat systems reduces the impact of mistakes and frees

-
- 1 AI refers to the field of research that develops models, systems, and complexes of cybernetic devices that simulate and replace human intellectual activity (perception of varied information and logical thinking), as well as the practical application of their results.
 - 2 Iskusstvennyi intellekt (II) [Artificial Intelligence (AI)] // Voennyi ehntsiklopedicheskii slovar'. [Military Encyclopedia] Ministry of Defense of Russia, [n.d.]. URL: <https://mil.ru/services/encyclopedia/dictionary/list/f98068b6-083e-4bfb-bde5-13531f0dba05>.

up military personnel for other tasks, but these processes are associated with threats and ethical issues.

The United States is currently the leader in the development of autonomous and semi-autonomous weapons. In January 2023, the Pentagon updated its policy document in this area, taking into account the latest advances in AI.³ The directive contains guidelines for the development and operation of *autonomous and semi-autonomous weapons systems*, including guided munitions capable of automatically selecting targets and striking them with kinetic and non-kinetic, lethal and non-lethal means, as well as *operator-controlled systems for the defense of military facilities*. According to the U.S. Department of War, the updates were necessary due to significant technological advances in AI since the previous edition of this document was published in 2012, as well as China's goal of becoming the world leader in this field by 2030. One of the most important points now reflected in the document is an expanded vision of the role of artificial intelligence in the future of the U.S. armed forces.⁴ In addition, a working group on autonomous weapons systems was established to advise the U.S. Department of War.

In many countries, the development of autonomous combat or support vehicles capable of operating independently and, in the event of loss of communication with the control center, continuing to perform their mission or returning to a predetermined position is considered promising. Traditional examples of such technology are unmanned aerial vehicles (UAVs), as well as ground, surface, and underwater vehicles for various purposes.

There have been known experiments with single and group use of unmanned "loyal wingmen" in the U.S. Air Force together with F-16,

3 Autonomy in Weapon Systems. DOD Directive 3000.09 // U.S. Department of War, 25.01.2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Jan/25/2003149928/-1/-1/0/DOD-DIRECTIVE-3000.09-AUTONOMY-IN-WEAPON-SYSTEMS.PDF>.

4 Albon C. Pentagon Updates Autonomous Weapons Policy to Account for AI Advances // Defense News, 25.01.2023. URL: <https://www.defensenews.com/artificial-intelligence/2023/01/25/pentagon-updates-autonomous-weapons-policy-to-account-for-ai-advances/>.

F-22, and F-35 multi-functional fighters. Projects are actively underway to develop automatic group interaction between various platforms, such as strike and reconnaissance UAVs, with airborne warning and control aircraft and maritime patrol aircraft.

Examples of modern strike UAVs developed as “loyal wingmen” to manned fighter jets include the XQ-58 Valkyrie from the American company Kratos Defense & Security Solutions, a render of which with built-in landing gear was presented in April 2025,⁵ as well as the heavy S-70 Okhotnik [Hunter] heavy drone from the Russian company Sukhoi, the “wingman” of Su-57, which was equipped in 2025 with an AI system that performs the functions of an electronic co-pilot.⁶

UAVs equipped with the Skynode S system, developed jointly by government and commercial partners in the U.S., EU, and Ukraine, are increasingly being used by the Armed Forces of Ukraine (AFU) in combat operations against Russia. Skynode is a compact mini-computer and flight controller that is placed inside drones manufactured by Ukrainian companies. According to Auterion company, this is “the first purpose-built all-in-one solution... [that] empowers Ukrainian forces with advanced computer vision to counter and bypass the loss of GPS and radio frequency targeting functions in electronic warfare.”⁷

In recent years, ground-based robotic systems have been actively used on the battlefield. Examples include the MUTT (United States)⁸ remote-controlled tracked robot for infantry support;

5 Trevithick J. XQ-58 Valkyrie with Built-In Landing Gear Shown in New Rendering // The War Zone, 16.04.2025. URL: <https://www.twz.com/air/xq-58-valkyrie-with-built-in-landing-gear-seen-in-new-rendering>.

6 V Su-57 vnedrili iskusstvennyi intellekt [Artificial Intelligence Was Introduced on Su-57] // RIA Novosti, 24.05.2025. URL: <https://ria.ru/20250524/pomoschnik-2018798216.html>.

7 Auterion Introduces Breakthrough Drone Technology for Kinetic Military Use to Help Democracies Defend Themselves // Auterion, 28.04.2024. URL: <https://auterion.com/auterion-introduces-breakthrough-drone-technology-for-kinetic-military-use-to-help-democracies-defend-themselves/>.

8 Multi-Utility Tactical Transport (MUTT) UGV // Army Technology,

the THeMIS (Germany) tracked remote-controlled infantry vehicles (shipped to the Armed Forces of Ukraine since 2022 for combat operations against Russia)⁹; the Uran-9 combat multi-functional robotic system (Russia)¹⁰ for reconnaissance and fire support at the tactical level, reducing personnel losses during combat operations; the Uran-6 firefighting vehicle (Russia) and the Uran-14 demining vehicle (Russia), which are used by Russian army engineering troops in the special military operation (SMO) zone and in liberated territories.¹¹

Autonomous marine systems include the unmanned Sea Hunter vessel (USA), capable of patrolling vast maritime areas;¹² the Poseidon nuclear-powered underwater vehicle (Russia);¹³ the HSU-001 underwater vehicle for reconnaissance and anti-submarine warfare (Chi-

08.07.2020. URL: <https://www.army-technology.com/projects/multi-utility-tactical-transport-mutt-ugv/>.

- 9 The Arms and Military Equipment Germany Is Sending to Ukraine // Die Bundesregierung, 17.04.2025. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv-bundesregierung/military-support-ukraine-2054992>.
- 10 Uran-9 // Spetsial'noe konstruktorskoe byuro MO RF [Russian Ministry of Defense's Special Design Bureau], [n.d.]. URL: <https://skbmo.ru/uran9.html>.
- 11 Khrolenko A. Vliyanie SVO na razvitie "uranovoi" gruppy robotizirovannykh kompleksov [The Impact of SMO on Development of Uran Family Robotic Systems] // Sputnik Uzbekistan, 18.01.2024. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20240118/svo-vliyaniye-razvitiye-kompleks-razminirovaniya-42091493.html>.
- 12 Trevithick J. Navy's Sea Hunter Drone Ship Has Sailed Autonomously To Hawaii And Back Amid Talk Of New Roles // The War Zone, 04.02.2019. URL: <https://www.twz.com/26319/usns-sea-hunter-drone-ship-has-sailed-autonomously-to-hawaii-and-back-amid-talk-of-new-roles>.
- 13 Torpedu "Poseidon" nazvali oruzhiem apokalipsisa: pochemu ee boitsya ves' mir [The Poseidon Torpedo Was Dubbed the Weapon of Apocalypse: Why the Whole World is Afraid of It] // News.ru, 10.04.2023. URL: <https://news.ru/weapon/pyat-tysyach-hirosim-pochemu-torpedu-posejdon-nazvali-oruzhiem-apokalipsisa>.

na);¹⁴ and the Sea Baby surface vehicle (Ukraine) (used in the attack on the Crimean Bridge in 2023).¹⁵

A promising direction for further improvement of autonomous systems is ensuring their ability to interact in groups. To this end, the U.S. Defense Advanced Research Projects Agency (DARPA) is implementing programs for the group use of UAVs, autonomous surface and underwater vehicles, and ground-based mobile robotic platforms for various purposes.

One of the most effective AI-powered group weapons on the battlefield is the so-called drone swarm, i.e., a squad of UAVs with swarm intelligence, which provides for coordinated actions of a large number of agents (boids) interacting with each other and the environment. Although each boid follows simple basic rules, the system as a whole demonstrates complex collaborative behavior. It acts as a single large organism, similar to a swarm of bees. The swarm has a common goal, but individual drones are capable of acting independently and transmitting information to other members of the group. The U.S. Army successfully tested the world's largest swarm of 103 Perdix micro-drones back in October 2016.¹⁶ Currently, dozens of countries (including the U.S., EU countries, Russia, the U.K., Turkey, Israel, the United Arab Emirates, South Africa, etc.) are actively developing and using such weapons for various purposes, with thousands of drones being deployed. On June 18, 2025, the Fars News Agency of the Islamic

14 Strachan D.R. China Enters the UUV Fray // The Diplomat, 22.11.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/china-enters-the-uuv-fray/>.

15 Newdick T. New Drone Boat Named Sea Baby Used in Kerch Bridge Attack // The War Zone, 16.08.2023. URL: <https://www.twz.com/new-drone-boat-named-sea-baby-used-in-kerch-bridge-attack>.

16 Department of Defense Announces Successful Micro-Drone Demonstration // U.S. Department of War, 09.01.2017. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/1044811/departments-of-defense-announces-successful-micro-drone-demonstration/>.

Republic of Iran reported the launch of “dozens of killer drones” with warheads over Israeli territory, which hit their targets.¹⁷

To *optimize strategic decision-making in combat conditions*, AI is used to process large amounts of data from various sources and create complex models that show connections, patterns, and the potential consequences of certain actions in a significantly shorter period of time. AI can also perform simulations to test possible scenarios and obtain optimal results, including in crisis situations.

At present, various countries are developing AI-based control systems that enable centralized planning and coordination of military operations of various scales, from tactical to strategic, in air, space, sea, land, cyber, and electromagnetic domains. In English-language sources, such actions have been named “multi-domain command and control” (MDC). A similar operational-strategic command and control system based on symbiotic (human-machine) intelligence is being developed for the U.S. Air Force by Lockheed Martin, L3Harris, and Alphabet. During actual military operations, in addition to traditional command and control tasks, this system is expected to maintain its functions in the event of a loss of command. Using a set of existing command centers, the system should automatically create a new configuration of control nodes after the failure of individual elements and decision-making levels in order to maintain the controllability of its forces and assets.

In Russia, new AI-based control systems are being developed to enhance combat capabilities through inter-service interaction, organized through a unified control circuit for a set of heterogeneous technical means of target designation, strike systems, and electronic warfare used by Air and Space Forces and Ground Forces.¹⁸ The tasks

17 SMI: *armiya Irana nachala shestoi etap ataki dronov na Izrail'* [Media: Army of Iran Starts the 6th Stage of Drone Attack against Israel] // RIA Novosti, 18.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250618/iran-2023721834.html>.

18 Galkin D.V., Kolyandra P.A., Stepanov A.V. *Sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v voennom dele* [The Status and Prospects of Artificial Intelligence Use in Military Affairs] // *Voennaya mys'*. 2021. No. 1. P. 113–124.

of using AI in military control systems, intelligent decision support systems, and in the processing of large amounts of information are included in the scope of activities of the Artificial Intelligence Technology Development Department, which was established in 2022 within the structure of the Ministry of Defense of the Russian Federation.¹⁹ Research in the field of big data technologies, deep neural network machine learning, and the application of AI in perspective communication systems is being conducted, in particular, by the Artificial Intelligence Technologies Research Laboratory of the Roselectronics holding company (part of the Rostec State Corporation).²⁰

Modern command, control, communications, intelligence, surveillance, and reconnaissance systems for decision support include: Project Maven (USA) with machine learning algorithms for analyzing video footage from UAVs (currently being tested in Ukraine in combat operations against Russia);²¹ the Andromeda-D command information system (Russia) with AI elements for processing data from various sources;²² the JOCAS joint combat control system (China) with AI technologies for analyzing intelligence.²³

-
- 19 V Minoborony RF sozdali upravlenie po rabote s iskusstvennym intellektom [In Russian Ministry of Defense the Department for Artificial Intelligence Was Established] // TASS, 17.08.2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/15492531>.
- 20 Iskusstvennyi intellekt: novoe sodержanie voennoi moshchi [An Artificial Intelligence: the New Essence of Military Power] // Zvezda, 23.09.2022. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/2022921178-RPjz.html>.
- 21 Sanger D. In Ukraine, New American Technology Won the Day. Until It Was Overwhelmed // The New York Times, 25.04.2024. URL: <https://www.nytimes.com/2024/04/23/us/politics/ukraine-new-american-technology.html>.
- 22 Eranosyan V. Tumanna "Andromeda" tol'ko dlya glaz protivnika [The Andromeda Is Nebulous Only for Adversary's Eyes] // Zvezda, 01.09.2020. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20208261143-q1xUL.html>.
- 23 Govorun V. V Kitae sozdali pervyi II, kotoryi mozhet rukovodit' vseimi vooruzhennymi silami strany [The First AI Able to Command All National Armed Forces Was Developed In China] // Naked Science, 17.06.2024. URL: <https://naked-science.ru/community/966182>.

AI is also actively used for *target recognition* in combat environment. It provides a detailed overview of the operational area by quickly analyzing reports, documents, news, photos, videos, and other information. AI can predict adversary behavior, anticipate vulnerabilities, weather and environmental conditions, evaluate strategies, and propose plans for assistance, saving time and manpower.

Already today, in a number of countries, including Russia, over-the-horizon radars use AI to quickly identify military objects among hundreds of signals received from various air targets. In addition, AI is known to be used in detection radars to classify small targets, such as UAVs.²⁴

UAVs equipped with AI elements for target recognition are actively used on the front lines. These include systems such as the MQ-9 Reaper (USA), capable of remaining in the air for long periods of time, performing tasks such as tactical support for ground forces, strategic surveillance, and immediate feedback for target confirmation and damage assessment;²⁵ Wing Loong II (China), which experts consider to be analogous to the MQ-9 Reaper;²⁶ various modifications of ZALA (Russia), equipped with autonomous navigation and the ability to automatically generate reports; Loyal Wingman (South Korea), capable of performing reconnaissance missions and autonomously accompanying manned fighters (this UAV is planned to be operated together with the next-generation KF-21 Boramae fighter).²⁷

A striking example of the wide range of problems associated with the use of AI on the battlefield is the “The Gospel” (Hebrew:

24 Huizing A. et al. Deep Learning for Classification of Mini-UAVs Using Micro-Doppler Spectrograms in Cognitive Radar // *IEEE A&E Systems Magazine*. 2019. Vol. 34. No. 11. P. 46–56.

25 Anderson C. MQ-9 Reaper: The World’s Most Lethal Hunter-Killer Drone // Defense Feeds, 22.04.2025. URL: <https://defensefeeds.com/military-tech/air-force/air-force-uavs/mq-9-reaper/>.

26 Crowley T. Wing Loong II Drone — A Comprehensive Overview // NSIN, 01.04.2025. URL: <https://www.nsin.us/wing-loong-ii/>.

27 South Korea’s Loyal Wingman Air Combat Drone Unveiled // The War Zone, 25.02.2025. URL: <https://www.twz.com/air/south-koreas-loyal-wingman-air-combat-drone-unveiled>.

“Habsora”) AI-based target recognition system, which has been used by the Israel Defense Forces (IDF) since 2023 to strike Hamas in the Gaza Strip.²⁸ Experts from Israel report that in the current military operations, “The Gospel” AI has significantly accelerated the process of creating target lists, putting the process on stream, and has already turned into a real target factory. We can guess that the sources might be data from satellites at any time of day and in any weather; info from drones; data from devices that track mobile and radio communication activity and content; data from devices that track vehicle movement; photos and videos of Hamas members, data on their clothing, behavior patterns, their homes, and their family members (according to open sources, “The Gospel” contains data on 30,000 to 40,000 individuals suspected of belonging to Hamas or Islamic Jihad), etc.

These are very large data sets, which AI processes thousands of times faster than humans. According to various sources, AI identifies 3,000 to 15,000 targets per month. These are then reviewed by the unit commander on duty, who makes the final decision on whether to launch strikes. However, there are doubts about the ability of humans to properly analyze such a large number of targets identified by AI and adequately assess the risk to civilians.

The Israeli military claims that AI takes civilian casualties into account in a special rating system and emphasizes accuracy and minimal damage to the civilian population. However, the facts prove otherwise: according to data from the Gaza Ministry of Health for May 2025, since October 7, 2023, more than 50,000 civilians have been killed in Gaza, and more than 118,000 people have been injured.²⁹

28 Davies H., McKernan B., Sabbagh D. ‘The Gospel’: How Israel Uses AI to Select Bombing Targets in Gaza // The Guardian, 02.12.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/dec/01/the-gospel-how-israel-uses-ai-to-select-bombing-targets>.

29 Minzdrav Gazy soobshchil o bolee 52,5 tys. pogibshikh s oktyabrya 2023 goda [Ministry of Healthcare in Gaza Reported More Than 52,500 Deads Since October 2023] // TASS, 04.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23848673>.

In addition, there has been widespread destruction in the city, where buildings across a huge area have been simply razed to the ground.

Despite the fact that attacks on the Gaza Strip are not based solely on data from “The Gospel,” many experts doubt the effectiveness of this AI system. In this regard, the legitimacy of their use (including the issues of humanitarian law) is highly questionable, especially given the large number of inevitable abnormalities at this stage of AI development.

Artificial Intelligence in the Nuclear and Missile Field

AI in the nuclear and missile sphere, especially at the strategic level, is the most sensitive issue. In Russian Strategic Rocket Forces (RVSN), advances in AI technology are being used to create decision support systems for commanders and smart weapons (in particular, onboard control systems) for various purposes. The goals of AI implementation in this area are diverse and relate to ensuring sustainable data transmission systems and optimizing logistics. In general, they can be divided into the following conventional groups:

- enhancing the capabilities of the Missile Attack Warning System (SPRN);
- improving the resilience of nuclear command and control systems, both in peacetime and during combat operations;
- optimization of combat patrol routes for aircraft, land-based mobile missile systems, surface combatants, and submarines;
- planning target strikes, adjustment of target lists, and assessing the potential for overcoming enemy air and missile defense systems;
- improving the efficiency of logistics.

At the strategic level, the greatest threat may be posed by the use of AI to build up real-time reconnaissance and targeting capabilities for nuclear weapons, which is greatly facilitated by the formation of mega-constellations of communication and remote sensing satellites. At the same time, in order to achieve a truly destabilizing

effect, it is necessary to have appropriate weapons with a short flight time to the most remote areas of deployment and patrol of all platforms of the nuclear triad. Practice shows that autonomous weapons, including strike UAVs, can be used for this purpose. The experience of the Ukrainian sabotage operation against Russian long-range missile-carrying aircraft, as well as Israeli strikes on Iranian missile and nuclear facilities in 2025, shows that remotely controlled weapons, including those activated in close proximity to targets, can also be used for this purpose. At the same time, it is theoretically possible to create hypersonic delivery systems for autonomous loitering munitions.³⁰ The vulnerability of strategic weapons to “drone swarms” has also been described previously in scientific literature.³¹

At the same time, AI technologies make it possible to optimize countermeasures against such attacks, reducing the likelihood of successful disarming strikes. In particular, the optimization of raw intelligence from all possible sources significantly reduces the possibility of covert preparation for such an attack. In addition, AI systems make it possible to plan combat patrol routes for air, ground, and sea strategic platforms (as well as their logistical support) with a view to minimizing all possible threats. AI can also likely be used in autonomous command and control systems for strategic nuclear forces (SNF), which will ensure that commands for the combat use of SNF are delivered under any strategic conditions. AI elements in onboard control systems will also increase the ability to overcome existing and future air and missile defense systems when using both classic nuclear delivery vehicles and their novel models, which are at various stages of deployment. In Russia, such systems may include the Avangard hypersonic boost-glide vehicle, the Poseidon multipur-

30 Bogdanov K.V., Stefanovich D.V. Mirovye raketnoye rasprostraneniye: vyzovy i resheniya [Global Missile Proliferation: Challenges and Solutions] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2022. No. 2. P. 63–77.

31 Kallenborn Z., Bleek P. Swarming Destruction: Drone Swarms and Chemical, Biological, Radiological, and Nuclear Weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25. No. 5–6. P. 523–543.

pose ocean-based system, and the Burevestnik cruise missile with unlimited range. Developments are underway to introduce AI into hypersonic weapons in the U.S.³²

The purpose of applying AI in *control systems in missile and air defense systems* is to accelerate the processing of data received from air and space surveillance and missile attack warning systems, as well as in the automatic control of defense systems. A typical example of such a situation is the countering of a massive strike by various types of air and space strike weapons flying at different altitudes, speeds, and from different directions.

AI takes on particular significance in military affairs when used in hypersonic strikes, as it drastically reduces the time available to respond due to the presumed later detection of the approaching weapon and assessment of its likely target.³³ In such a situation, AI can help the command center to correctly identify targets in a timely manner and issue commands to destroy them in the correct order, i.e., to form calculated tasks in real time, taking into account the constantly changing situation.

In the future, the U.S. plans to use AI as a general control tool in a unified distributed strategic-level information and control system containing components located in different parts of the world to solve air and missile defense tasks. In particular, as part of the Golden Dome project to create a “missile shield” for the U.S., AI is expected to be used to optimize the entire system,³⁴ and this task is planned to be implemented with the involvement of private sector. It is noted that the key task of the “AI echelon,” which is “above all echelons of the air

32 Rummler T., Future Hypersonics Could Be Artificially Intelligent // Sandia Lab News, 25.04.2019. URL: <https://www.sandia.gov/labnews/2019/04/25/hypersonics/>.

33 It should be noted that the speed of hypersonic weapons is generally lower than that of traditional long-range ballistic missiles.

34 Judson J. Army Eyes Artificial Intelligence to Enhance Future Golden Dome // Defense News, 28.03.2025. URL: <https://www.defensenews.com/land/2025/03/28/army-looks-to-artificial-intelligence-to-enhance-future-golden-dome/>.

and missile defense system,” will be to coordinate launchers, anti-missiles, and sensors.³⁵

The U.S. is currently working on introducing AI into the nuclear sphere.³⁶ The key role of AI in ensuring the transmission of messages, including combat commands, within the automated NC3 system is emphasized.³⁷

At the same time, there is a growing practice of involving private sector in the process of introducing technologies with AI elements into the strategic sphere. For example, Anduril’s Lattice software will be used to optimize the interaction between outdated, modern, and promising elements of the U.S. early-warning system.³⁸

Artificial Intelligence and Strategic Stability

Despite the existing threats and ethical issues, AI, when implemented in a balanced and constructive manner, might contribute to strengthening nuclear deterrence. The perspective application of AI technologies could increase strategic stability, provided that there is international oversight or at least cooperation to ensure a clearer

35 Erwin S. L3Harris Taps Commercial AI Partners for Pentagon’s Golden Dome Program // Space News, 13.03.2025. URL: <https://spacenews.com/l3harris-taps-commercial-ai-partners-for-pentagons-golden-dome-program/>.

36 Hadley G. AI “Will Enhance” Nuclear Command and Control, Says STRATCOM Boss // Air&Space Forces, 28.10.2024. URL: <https://www.airand-spaceforces.com/stratcom-boss-ai-nuclear-command-control/>.

37 Trevithik J. How The Military Wants AI To Help Control America’s Nuclear Arsenal // The War Zone, 07.03.2025. URL: <https://www.twz.com/nuclear/this-is-how-the-military-wants-ai-to-help-control-americas-nuclear-arsenal>.

38 Erwin S. Anduril Secures \$99.7 Million Contract for Space Force Network Upgrade // Space News, 21.11.2024. URL: <https://spacenews.com/anduril-secures-99-7-million-contract-for-space-force-network-upgrade/>.

understanding of the impact of AI on the development and capabilities of strategic nuclear forces.³⁹

The initiatives of the previous U.S. administration under Joe Biden to consolidate internationally the view that meaningful human control is essential in the field of AI, and primarily in the area of nuclear force command and control systems, did not, in our opinion, take into account all aspects and possible consequences of the impact of AI on the extremely sensitive nuclear and missile field. China has not yet presented a detailed official position on the assessment of the impact of AI on strategic stability, although Beijing has previously supported the general formulation of the need to maintain human control over decisions on the use of nuclear weapons.⁴⁰

In Russia, at the conceptual level, it is emphasized that “from the point of view of decision-making on the use of nuclear weapons, replacing humans is currently inappropriate.”⁴¹ According to the fundamental documents of the Russian Federation in the field of nuclear deterrence, the decision to use nuclear weapons is made by the President.⁴²

Given the ongoing process of introducing AI systems into the nuclear sphere at various levels, individual experts propose vari-

39 Lin H. Artificial Intelligence and Nuclear Weapons: A Commonsense Approach to Understanding Costs and Benefits // *Texas National Security Review*. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 98–109.

40 President Xi Jinping Meets with U.S. President Joe Biden in Lima // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 17.11.2024. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xw/zyxw/202411/t20241117_11527672.html.

41 Nadezhnaya opora bezopasnosti i suvereniteta Rossii, interv'y u s komanduyushchim RVSN S.V. Karakaevym [A Reliable Pillar of Russia's Security and Sovereignty, Interview with RVSN Commander S.V. Karakaev] // *Krasnaya Zvezda*, 17.12.2024. URL: <http://redstar.ru/nadyozhnaya-opora-bezopasnosti-i-suvereniteta-rossii/>.

42 Osnovy gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti yadernogo sderzhivaniya. [The Basic Principles of State Policy of the Russian Federation on Nuclear Deterrence] Presidential Decree No. 991, 19.11.2024. Item 20 // President of Russia, 19.11.2024. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45562>.

ous confidence-building measures: a formal refusal to introduce AI into certain weapons systems, strengthening the emergency communications infrastructure between nuclear countries, establishing new norms of responsible behavior, creating thematic educational programs, etc.⁴³

At present, another promising area of work in this field appears to be the development of international multilateral dialogue on the exchange of best practices in the implementation of breakthrough technologies, AI included, in strategic weapons, the perception of the consequences of such implementation by potential adversaries (as well as allies and partners) and the formation of a unified conceptual and categorical framework for discussing this issue.

As the analysis shows, the use of AI in military affairs will only increase in the future. It is impossible to give an unambiguous assessment of these processes either in the field of conventional weapons or, in particular, in the nuclear and missile field. The most important task today is to prevent the introduction of AI in the military sphere on an *ad hoc* basis, without a proper assessment of all the consequences and prerequisites of such an introduction. Solving this task has both a national and international dimension. Given the slow pace of official dialogue on relevant issues in international forums, a special role falls to the scientific and expert community, although there are difficulties here as well due to insufficiently formalized national approaches.

43 Wehsener A., Reddie A.W., Walker L., Reiner P. AI-NC3 Integration in an Adversarial Context: Strategic Stability Risks and Confidence Building Measures // Institute for Security and Technology, February 2023. URL: <https://securityandtechnology.org/virtual-library/reports/ai-nc3-integration-in-an-adversarial-context-strategic-stability-risks-and-confidence-building-measures/>.

U.S.–China Confrontation in Asia-Pacific

ALEXANDER NIKITIN

The 20th Congress of the Chinese Communist Party (CPC), held in 2022, put forward the goal of turning China into a “modernized socialist state.”¹ Beijing does not use the term “superpower,” but in meaning precisely calls for bringing the country to a level exceeding the development indicators of all or almost all other powers.

Since 2025, with the advent of the D. Trump 2.0 administration, the United States has also returned to the slogans declared in the first term of Trump’s presidency to consolidate America’s superpower status and secure world championship. In this sense, Donald Trump needs long-term foreign policy achievements, and in particular, success on the “front” of the U.S.–China confrontation.

The clash of plans and ambitions of the U.S. and China in the Asia-Pacific region (APR) does not correlate well with their economic interdependence, but it has been escalating in the last decade, primarily due to Washington’s attacking position. A multi-layered confrontation has developed, in which tariff wars and sanctions policy play a key role, on the one hand, and the military-technological race, on the other.

Against this background, the rapid growth of military spending in both the United States and the People’s Republic of China (PRC) continues. U.S. military expenditures grew by 5.7% in 2024, reaching \$997 billion, or 37% of global military spending. In China, military spending in 2024, according to SIPRI, increased by 7% to \$314 billion (this is a “wide” estimate taking into account indirect military spending), or, if we consider official data, in 2025 it was planned to increase the defense budget by 7.2% to 245.5 billion dollars.² At the same time, the PRC spends up to 50% of the funds allocated for military needs by all countries in Asia and APR, being several times ahead of other major countries in the region — India, Japan, and South Korea — in military spending.

1 Zuenko I. XX s’ezd Kompartii Kitaya: osnovnye itogi [XX Congress of the Communist Party of China: Main Results] // RIAC, 28.10.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/khkh-sezd-kompartii-kitaya-osnovnye-itogi/>.

2 Rost rashodov Kitaya na voennye nuzhdy sostavit v 2025 godu 7,2% [China’s Military Spending Will Grow by 7.2% in 2025] // Interfax, 05.03.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1012000>.

Reforming China's Military Forces and Growing Nuclear Arsenal

In the latest (of December 2024) report to the U.S. Congress on China, the Pentagon presented its assessments of the Chinese military forces. Washington believes that it is opposed by the world's largest army, which comprised of approximately 2,035,000 active, 510,000 reserve and 500,000 paramilitary personnel, which adds up to a total of 3,045,000.³

Chinese military doctrine involves ensuring the PRC's ability to “fight and win wars against a strong enemy... counter an intervention by a third party in a conflict along the PRC's periphery, and project power globally”.⁴

The modernization and reform of the Chinese armed forces is taking place in accordance with the directions defined by the 2020 document “Goals of the Centennial Struggle in the Field of Military Construction,” or “Goals of 2027” (meaning the upcoming 100th anniversary of the formation of the People's Liberation Army of China — PLA). The 20th Congress of the CPC set the following tasks for the reorganization of the PRC's military capabilities, adapting the “Goals-2027” and outlining the tasks for the future until 2035 and 2050.⁵

By 2027: accelerate the integrated development of mechanization, informatization and intelligentization (introduction of artificial intelligence, AI) in the armed forces, while modernizing military theory, organization, military personnel and developing new types of weapons and military equipment.

3 *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China, 2024. Annual Report to Congress.* Washington, DC: U.S. Department of Defense, 2024. P. 44.

4 Ibid.

5 Kashin V.B. XX s'ezd KPK i ego vliyanie na politiku KNR v sfere oborony [The 20th Congress of the CCP and Its Impact on the China's Defense Policy] // *Rossiiskoe kitaevedenie*. 2023. No. 1. P. 35–45.

By 2035: complete the modernization of military theory, organization, military personnel, and rearmament of the army, navy, aviation and space forces.

By 2049: completely transform the people's armed forces into a world-class army. By 2050, China should have the strongest military and the largest ocean-capable navy, as well as the ability to project military power globally.

To a large extent, the reform and modernization of the Chinese armed forces is taking place with an eye to development of military capabilities in the U.S. as the main potential enemy.

The modern nuclear inventory of the United States, according to the Federation of American Scientists, is 5,177 nuclear warheads, including warheads of silo-based intercontinental ballistic missiles (ICBMs), and warheads deployed on submarines and strategic bombers, patrolling, among other places, in the Indian Ocean and APR, within reach of Chinese shores and zones of interests. The American nuclear arsenal (taking into account deployed, reserve and intended for dismantlement warheads) is about 10 times higher than the current nuclear arsenal of the PRC.

The Pentagon believes that in mid-2024 the Chinese nuclear arsenal has surpassed 600 warheads, despite the fact that back in 2022, in a report to Congress on Chinese military power, the figure of 300 nuclear warheads was called. China's nuclear arsenal is being modernized and built up faster than any other of the nine nuclear weapon possessing countries.

At the same time, in the last and penultimate reports to Congress, the Pentagon adjusted earlier forecasts that China would likely create 1,500 warheads by 2035. It was indicated that the estimated stockpiles of weapon-grade material available to China will allow to bring the arsenal to about 1,000 warheads by 2030, while a further increase in the number of assembled warheads will require expanding nuclear weapon-grade material production.⁶

It is significant that even if the previous forecast of 1,500 warheads were realized by the middle of the next decade, China still would not

6 *Military and Security Developments...* Op. cit. P. 107–109.

reach half of the number of warheads that the United States and Russia have in their nuclear arsenals today (counting not only deployed, but also reserve arsenals).

However, one can argue that the PRC is moving away from the long-stated strategy of “minimum deterrence.” Former deputy commander of the U.S. Strategic Command, Lt. Gen. Thomas Bussiere rightly remarked that it is not “purely a numbers game... It is what is operationally fielded... what is the status of the forces, posture of these fielded forces.”⁷

Over the past five years, China has built up more types and units of nuclear weapons than at any time in the past. The creation of three large bases for intercontinental solid-fuel silo-based missiles in the northwestern regions of the country continued — missiles that cannot be reached and destroyed by delivery carriers from the U.S. naval bases surrounding China, not counting heavy bombers. New bases and launchers for liquid-fueled strategic missiles DF-5 with a range of 13,000 km are being built. In general, the number of nuclear warheads for stationed and mobile strategic missiles is increasing.

In the sector of intermediate-range missiles, the Chinese arsenal of dual-use DF-26 missiles with a range of up to 4,000 km has reached 250 units. They are available in three versions, one of which is intended to destroy naval targets and is not capable to carry nuclear warheads, but the other two may be equipped with nuclear warheads. The number of nuclear warheads on these missiles is estimated at 100 units, and their low-yield warheads have been specially developed for non-strategic tasks. In 2026, it is planned to deploy a new type of intermediate-range DF-27 missiles with a range of 5,000–8,000 km.

In the fleet, six submarines are replacing JL-2 missiles with a range of 7,200 km, capable of reaching Alaska, Guam and the Hawaiian Islands from protected areas in the South China Sea (SCS), with JL-3 missiles with a range of 9,000–10,000 km (12 units on each sub-

7 Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight M. Chinese Nuclear Weapons, 2025 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2025. Vol. 81. No. 2. P. 135–160.

marine).⁸ These new missiles can already reach the continental coast and northwestern areas of the United States from the northern part of the seas washing China, but cannot hit Washington or the eastern coast of the U.S. without advancing far into the ocean. The constant combat patrols of these strategic submarines have been established: at least one of them is constantly at sea, which guarantees survivability and a retaliatory nuclear strike in any scenario of military operations on the shore.

As for the air component of the nuclear triad, China has equipped its 20 H-6N bombers for strategic missions, placing missiles capable of carrying nuclear warheads on them. Work continues on a new strategic stealth bomber H-20 (to be deployed no earlier than 2030), which, when refueling in the air (tanker planes have already been tested), will be able to fly to the continental U.S.

Possible Doctrinal Changes in China's Nuclear Strategy

China traditionally emphasizes that its nuclear doctrine is based on the principle of *no-first-use of nuclear weapons* at any time and under any circumstances. It is also stipulated that China's nuclear weapons will not be used against non-nuclear states or the territory of nuclear-free zones. Another principle of China's nuclear doctrine is a compliance with *a minimum level of nuclear deterrence* that ensures national security (although, at the doctrinal level, this minimum level is not quantified).

But the principle of no-first-use should not be just a political promise — it should materialize in the structure of the arsenal and types of weapons. Previously, China kept almost all of its nuclear warheads separate from the carriers, which ensured that they could not be unexpectedly used in the first strike, and a significant part

8 According to other sources, this process has already been completed. See Kristensen et al. Chinese Nuclear Weapons, 2025. Op. cit.

of the carriers and warheads were hidden in underground storage facilities in mountainous areas. Recently, however, this principle has been gradually eroded. There is data on the constant combat duty of submarines carrying nuclear warheads. The transfer of a small part of the arsenal to high combat readiness for a launch on warning (retaliatory strike) is also being discussed. The army periodically conducts exercises on transfer of missile divisions to “full” and “high” level of combat readiness for rocket launching.

The American side believes that China is creating a missile attack early warning system, which is mainly based in space, using military satellites, but also includes ground-based radar stations. The simultaneous construction of hundreds of new missile silos in the north-west of the country that makes possible the rapid launch of solid-fueled missiles, may mean that China plans to move to the “launch-on-warning” concept, which allows to avoid destroying missiles on the ground in silos during the enemy attack. Missile forces trainings with a scenario of receiving a signal on a detection of flying enemy missiles and an advance counter launch of China’s own missiles have already been held.

Despite Beijing’s adherence to the no-first-use policy, the Pentagon’s 2024 report to Congress suggests that the PRC’s nuclear strategy includes consideration of a nuclear first strike in response to nonnuclear attacks that would threaten the viability of the PRC’s nuclear forces comparable to the strategic effects of a nuclear strike.⁹

In May 2025, Beijing rejected Washington’s proposal to continue informal negotiations on nuclear weapon issues, the previous round of which took place in November 2023. The representative of the Chinese Embassy in Washington demanded that the U.S. “stop megaphone diplomacy” and called on countries with the largest nuclear arsenals to “significantly and substantially” reduce their arsenals, which will become a prerequisite for negotiations with China.¹⁰ Earlier, in Feb-

9 *Military and Security Developments...* Op. cit. P. 102.

10 Hammer M. China Declines to Meet with U.S. on Nuclear Arms Control // Semafor, 02.05.2025. URL: <https://www.semafor.com/>

ruary 2025, Beijing invited Washington to adopt the same policy of no-first-use of nuclear weapons that China proclaims.

Scientific and Technical “War” between the United States and China

Recently, the intensity of scientific, technological and military-technical confrontation between the U.S. and China has increased so much that Chinese analysts began to use the term “scientific and technical war,”¹¹ finding in the counter actions of governments and corporations of the two countries many analogies with traditional and modern military strategies. In this confrontation, such means are used as tightening export controls, imposing exorbitant tariffs, prohibitions and restrictions on investing in the economy and science of a competitor country, financial and economic sanctions, blocking information channels, restricting scientific and technical exchanges and training students from a competitor country, increasing levels of secrecy in all branches of science and industry. At the same time, China is stepping up its strategy of overcoming dependence on technological imports and strengthening its technological sovereignty by creating or replacing supply chains blocked by the U.S. through sanctions policies.¹²

[article/05/01/2024/china-declines-to-meet-with-us-on-nuclear-arms-control-us-official-says](https://www.moscowtimes.ru/article/05/01/2024/china-declines-to-meet-with-us-on-nuclear-arms-control-us-official-says).

- 11 The key project of the PRC’s State Fund for Social Sciences is devoted to the adaptation of the term “war” to technological confrontation between the U.S. and China, see Cuihong C., Bie W. Strategy for Turning U.S. Technology Competition with China Into a “War” // *Journal of Strategy and Decision-Making*. 2025. No. 2. P. 26–47.
- 12 Danilin I.V., Sidorova E.A. Kontseptsiya tekhnologicheskogo suvereniteta v menyayushchemsya mire [The Concept of Technological Sovereignty in the Transforming World] // *Zhurnal Novoj jekonomicheskoy associacii*. 2024. No. 3 (64). P. 238–243.

The scientific and technological spheres have become the cutting edge of the U.S.–China confrontation. In these areas, both sides, and especially the United States, began to consider rivalry according to the formula of “zero-sum confrontation”: each technological and even scientific achievement of a competitor country began to be perceived as its own loss and lag. By analogy with the arms race in a number of technological areas (AI, electronics, electric cars, etc.), a “technology race” arose.

Since the beginning of the XXI century, the gap between China and the U.S. in the economic, military, scientific and technological spheres has steadily narrowed. In 2010, in terms of the aggregate gross domestic product, China overtook Japan to become the world’s second economy with 40.47% of total U.S. GDP. In 2023, China’s GDP was already 64.18% of the American indicator, and in terms of GDP at PPP (or purchasing power parity), China recently surpassed the U.S.¹³ Nevertheless, the PRC still lags behind the U.S. (about half in dollar terms) in research and development spending.

The situation with the dynamics of innovation, reflected in the growth in the number of patents for scientific discoveries and technologies, is also indicative. In 2010, 490,000 patent applications were registered in the United States, and 391,000 in China. By 2024, the ratio was 598,000 patent applications in the U.S. and 1,677,000 in the PRC. As for developments in the field of AI, China accounts for 61% of all registered patents on this topic, while the U.S. — 21%. By 2022, China’s share in the industrial robot market amounted to 52.4%, that is, more than half of all high-tech products of this type produced in the world.¹⁴ At the same time, a number of problems

13 GDP — United States, China // World Bank Country Official Statistics, [n.d.]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=US-CN>.

14 Figojskij O. Protivostoyanie SSHA i Kitaya v nauke i tekhnike [U.S.–China Confrontation in Science and Technology] // Nanotechnological Society of Russia, 03.04.2025. URL: <https://www.rusnor.org/pubs/articles/22175.htm>.

remain in China related to the quality of patent applications, which the PRC authorities are striving to solve.¹⁵

In response, the United States, within the framework of the state scientific, technological and innovation policy, began to increase support for priority technologies, including microelectronics, renewable energy sources, data privacy, data security and cybersecurity technologies, and some others, as well as military developments in hypersonics. This, in particular, was reflected in the list of critical technologies updated in 2024.¹⁶

The U.S. is undertaking measures to prevent Chinese technologies from entering American markets and crowding them out. In his first term as the President, Donald Trump issued a ban on the use of equipment of the Chinese computer leader Huawei Corporation in government departments and the U.S. communication networks. Under pressure from the U.S. the European Commission in 2023 has excluded Huawei from EU network providers and announced the replacement of already installed Chinese communication infrastructure equipment. Similar processes occur in the markets of electric vehicles, solar panels and in a number of others.

In turn, China is trying to seize the lead in developing new standards in the electronic communications sphere. At the International Telecommunication Union (ITU), the Chinese company China Mobile is the coordinator of the development of the advanced communication standard 6G, integrating Chinese technical specifications into it. Within the framework of the Belt and Road macro-project, the Digital Silk

15 Mirovoi lider patentovaniya podnimaet planku kachestva [Global Patenting Leader Raises the Quality Bar] // HSE University Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (HSE ISSEK), 02.03.2023. URL: <https://issek.hse.ru/news/818184234.html>.

16 Critical and Emerging Technologies List Update. Report of the National Science and Technology Council // The White House. President Joe Biden, February 2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2024/02/Critical-and-Emerging-Technologies-List-2024-Update.pdf>.

Road subproject is being developed as a comprehensive channel for the export of Chinese technical standards and equipment.

The technological rivalry between China and the U.S. has also spread to both military-space and scientific-space programs. Beijing attaches particular importance to the lunar exploration program, which has not only technological, but also political and symbolic value. The program is divided into three stages: since 2004, the exploration of the moon the by robotic missions has been conducted; by 2030, it is planned to land Chinese taikonauts on the moon, and by 2040 — to create under the auspices of the PRC an international permanently inhabited research station on the lunar surface.

The U.S. legally restricts American companies and individuals' investment in China's high-tech industries. The Committee on Foreign Investment of the United States (CFIUS) restricts investments, as well as mergers and acquisitions involving Chinese technology companies in the U.S., contrary to the principle of non-discrimination. The Committee has strengthened the vetting of foreign investment in areas such as microelectronics, AI, biotechnology, quantum computing and maintaining data privacy, cutting out and banning Chinese companies from participating.

Scientific exchanges in high-tech areas between China and the U.S. were frozen by the American side. 162 Chinese employees of American organizations and companies were accused by the U.S. Department of Justice that, while studying or working in the U.S., they committed theft of technological and industrial secrets.¹⁷ The U.S. Federal Communications Commission (FCC), under pressure from the State Department, rejected China Mobile's application for an eight-year extension of its license for operations in the U.S. and revoked the telecom operators' permits for three other Chinese companies, saying that Chinese

17 Guo E., Aloe J., Hao K. The U.S. Crackdown on Chinese Economic Espionage Is a Mess. We Have the Data to Show It // *Technology Review*, 02.12.2021. URL: <https://www.technologyreview.com/2021/12/02/1040656/china-initiative-us-justice-department/>.

companies allegedly collected intelligence and engaged in espionage in the United States.

In general, both in the U.S. and China, the ideas of *technonationalism* are gaining popularity, reinforced by geopolitical and economic justifications. The importance of gaining and maintaining *technological sovereignty* in the modern era is being confirmed. And while China is implementing this course on its own, the United States is mobilizing a number of technologically advanced allies — Japan, Taiwan, South Korea, India, Australia, Western European countries and the largest companies in these countries.

The U.S. is trying to suppress the development of Chinese science and technology through a wide range of measures. However, excessive restriction of the flow of Chinese technologies can weaken the competitiveness of American technology companies in the global market and affect the stability of transnational supply chains. Such a policy, in addition, pushes China to accelerate the creation and promotion of its own innovations, which may ultimately lead to a decrease in dependence on American technologies and contribute to the strengthening of non-Western technological alliances, that is, to the weakening of U.S. technological dominance.

It is, however, too early to speak of final severance of scientific and technical ties between the U.S. and China — this is unprofitable for both countries. One confirmation may be that in December 2024, the PRC and the United States resumed an intergovernmental agreement on scientific and technical cooperation. The U.S. cannot ignore the fact that China has obvious strengths: an active government policy to support innovation, monopoly positions in the production of a number of types of raw materials and high-tech products, highly qualified labor, and the world's largest production capacity. In the future, how the two countries find a balance between aggressive rivalry and normal competitive interaction will affect the order of all global scientific and technological development.

Formation of Anti-Chinese and Pro-Chinese Geopolitical Configurations

The U.S. Indo-Pacific Strategy, which was adopted under the administration of Joseph Biden in 2022, begins with the words: “The United States is an Indo-Pacific power....”¹⁸ The fact that the U.S. is a “Pacific” power is undoubted, and that the “Indo-Pacific” is doubtful. The official position of China, Russia and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) as the leading regional organization in the Asia-Pacific region is to deny Washington’s right to unite the waters and shores of the Indian and Pacific oceans into a single field of its interests as if there are no historically established regional ties and areas.

The first U.S. Indo-Pacific strategy was put forward by President D. Trump in 2017, who made it clear that this combined region has become a high priority for the United States, and China’s economic and military power comes to a contradiction with the American interests.

Washington’s geopolitically and ideologically motivated combination of the Asia-Pacific and Indian Ocean regions creates a conditional common space of 52 countries with a population of 5.9 billion people. Washington is trying to involve the 13 most developed countries in this region, excluding China (with the U.S. — 14 countries), in the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF), which formation, if completed, will unite countries representing 40% of global GDP and 28% of global goods and services trade.¹⁹ This association is given a clear anti-Chinese orientation.

Earlier in the macro-region, on the initiative of Washington, the quadripartite alliance QUAD consisting of the U.S., Australia, Japan and India, and the tripartite bloc AUKUS (Australia, the United

18 Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. President Joe Biden, February 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>.

19 Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // U.S. Department of Commerce, [n.d.]. URL: <https://www.commerce.gov/ipef>.

Kingdom, the U.S.) were formed. The United States is trying to include in QUAD+ South Korea, Vietnam, New Zealand and other Asia-Pacific countries. Within the framework of both alliances, there is military-political cooperation, but at the same time it can be said that they are techno-economic blocs.

Within QUAD, a Critical and Emerging Technology Working Group and a High Level Network Communications Working Group have been established to coordinate U.S. military industrial and technology efforts with Japan, India, and Australia. The U.S. seeks to win over and limit the focus on Chinese standards and technologies of countries such as Japan, South Korea, Australia, as well as the technically most developed ASEAN countries (Vietnam, Thailand, Philippines, Indonesia, etc.).

The United States is actively creating new exclusive mechanisms for specific technological areas, such as the Global Partnership on Artificial Intelligence (GPAI). A quadripartite (QUAD-based) microelectronic chip collaboration alliance (CHIP4) is also being formed to promote the revival of the semiconductor production chain in the U.S. This anti-Chinese integration covers not only high-tech industries, but also a wider industrial base. In particular, Washington is inviting Indo-Pacific countries to join the Minerals Security Partnership (MSP) in order to reduce dependence on the supply of key raw materials from China, the area in which it has advantages in the region.

Responding to U.S. attempts to create anti-Chinese blocs in the Asia-Pacific region and South Asia, China began to actively promote its own formats of regional integration. In Kuala Lumpur (Malaysia) in May 2025, a forum was held at which high-level representatives from the PRC, ASEAN and the Gulf Cooperation Council (GCC) met.

Although the main theme of the forum was trade and economic, Chinese Prime Minister Li Qiang, speaking there, emphasized the geopolitical significance of the dialogue: "Facing escalating geopolitical conflicts and confrontations, we can create long-term strategic opportunities."²⁰ He added that the countries represented at the forum have

20 Siqui J. China Pushes for a New "Asian Alliance" as It Signs Deals with Asian, Gulf States // South China Morning Post, 28.05.2025. URL:

a population of one quarter of humanity, but they account for only 5% of world trade, which creates great potential for growth.

In response to the formation of the Trans-Pacific Partnership²¹ (an alternative APEC trade and economic association of countries to which Russia and China were not invited), Beijing has successfully formed in 2022 the *Comprehensive Regional Economic Partnership* (RCEP), consisting of 15 APR states. The partnership covers 2.3 billion people and accounts for about 30% of global GDP, more than a quarter of global trade in goods and services and 31% of global foreign direct investment (FDI) inflows, according to the World Bank.²² For a number of reasons, Russia did not take part in the negotiation process to create the association, and India withdrew from the negotiation process halfway, due to which China remained undisputed engine of the association.

U.S.–China Confrontation in the South China Sea

The current strategic plan for the use of nuclear weapons by the United States, the so-called OPLAN 8010-12, is a set of operational plans aimed at four opponents: Russia, China, North Korea and Iran.

Depending on the scenario, a significant part of the American arsenal of strategic nuclear forces can be directed to Chinese targets using all components of the nuclear triad.

<https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3312111/china-pushes-new-asian-alliance-it-signs-deals-asean-gulf-states>.

- 21 The TPP was formed at the initiative of Washington during the presidency of Barack Obama, but Donald Trump withdrew the U.S. in 2017. The reformatted Comprehensive and Progressive Agreement on the Trans-Pacific Partnership (CP TTP) since 2018 brings together 11 APR countries.
- 22 Portansky A.P. Vstuplenie v silu VREP sposobstvuet ukrepleniyu liderstva Kitaya v ATR [The Entry Into Force of the WEPI Contributes to Strengthening China's Leadership in APR] // IMEMO, 12.01.2022. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vstuplenie-v-silu-vrep-sposobstvuet-ukrepleniyu-liderstva-kitaya-v-atr>.

As it is known, about 100 tactical nuclear bombs of types B61-3, B61-4, B61-12, whose yield varies from 0.3 kt to 170 kt, are located on six NATO military bases in five countries in Europe. Another 100 of the same tactical warheads are in storage in the United States, being intended for emergency and support operations abroad, including North-East Asia.²³

During the Cold War, almost all patrols of the U.S. nuclear submarines with nuclear missiles were carried out in the Atlantic Ocean aimed for use in case of armed confrontation between the NATO and the Warsaw Pact countries. Today more than 60% of submarine deterrent patrols (and there are 30–36 of them per year with an average duration of 77 days) take place in the Pacific Ocean, “reflecting increased nuclear war planning against China and North Korea.”²⁴

The United States is trying to accuse China of a global projection of its military power, but the Pentagon’s annual reports to Congress on the development of the military sphere in the PRC for 2023 and 2024 do not indicate any geopolitical actions of the PRC far away from its borders, apart from operating a military base in Djibouti, entering of the Chinese warships into the Gulf of Aden and sending Chinese contingents to UN peacekeeping missions. The U.S. main claims are focused on the actions of the PRC in the South China Sea and around it, including the Taiwan Strait. At the same time, in American reviews there is a growing opinion that the entire large-scale Belt and Road program represents not only an expansion of trade and economic connectivity, but also the designation of new geostrategic vectors of Chinese influence and military infrastructure capabilities. This means that the ports and transport hubs being built along the Silk Road trajectories may receive military significance in the future.

The basic positions of the PRC in relation to SCS have remained unchanged for many years. China’s 2019 Defence White Paper argues:

23 Kristensen H.M., Korda M., Johns E., Knight-Boyle M. United States Nuclear Weapons, 2025 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2025. Vol. 81. No. 1. P. 53–79.

24 Ibid.

“The South China Sea islands and Diaoyu Islands are inalienable parts of the Chinese territory. China exercises its national sovereignty to build infrastructure and deploy necessary defensive capabilities on the islands and reefs in the South China Sea, and to conduct patrols in the waters of Diaoyu Islands in the East China Sea.”²⁵ In fact, China views the South China Sea as its inland sea and is trying to strengthen this position by erecting artificial islands, restricting fishing activity and exploration of underwater minerals by other states, the actions of its warships and the “crowding out” of private fleets of small vessels.

Currently, the confrontation in SCS is developing on at least three intersecting tracks. The first level is disputes about the sovereign affiliation of the Spratly archipelago and the Paracel Islands between China and Vietnam, Taiwan and the Philippines, which have access to the South China Sea. The United States only indirectly participates in this section of the confrontation in the status of a “fan” rather than a “player.” Debate at this level is hampered by the lack of a unified position of participating states on claims against China and the existence of overlaps between their demands on the waters.

The second track is the clash of PRC and ASEAN approaches to the principles of conduct in the SCS, which manifests itself in disputes around the Declaration on the Conduct and the potential Code of Conduct of Parties in the South China Sea. It should be noted that China requires that only states directly involved in this conflict can take part in resolving territorial differences. On the basis of this approach, Beijing is pushing Washington out of the settlement process. And given the quantitative superiority over China of a group of opposing PRC countries in the event of majority decisions, Beijing also insists on applying the principle of consensus — i.e. one country’s right to block any decision.

Finally, the third track is actually a macro-confrontation between China and the U.S. in South China Sea, which is expressed in disputes

25 China’s National Defense in the New Era // The State Council Information Office of the PRC, 24.07.2019. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html.

about freedom of navigation, exploitation of offshore fossil resources, recalculation of military-naval balances of forces in the SCS, but in fact is a projection of a wider confrontation between the U.S. and the PRC.

Hiding behind the slogan “ensuring freedom of navigation and flight” and demonstrating the possibilities of potentially blocking China from the sea, the United States conducted numerous military exercises in the South China Sea in 2023–2024, involving other states. In April 2024, Australia, the U.S., the Philippines, and Japan conducted exercises in the SCS, as stated, in order to improve operational and tactical compatibility between the armed forces. Ships of the naval forces and aviation of the participating countries took part in it. In August and September of the same year, the naval forces of the U.S., Australia, the Philippines, Canada, Japan and New Zealand were involved in exercises in the disputed waters of the SCS.²⁶

Despite the importance of diverse problems of countries located around the South China Sea, all their contradictions and confrontations are subregional in nature and do not threaten to aggravate with global consequences. At the same time, the Taiwan knot is fraught with an escalation of confrontation, which will inevitably have global consequences.

Taiwan Knot

According to the head of the Department of Diplomacy at Chinese Renmin University Dyao Damin, “with the advent of Trump 2.0 and the continued rule of the Democratic Progressive Party in Taiwan, the Taiwanese issue has become the most sensitive, most risky and, most likely, inevitably key issue in current Sino-American relations... The risk of an out-of-control situation in the Taiwan Strait has increased

26 SSHA i soyuzniki provodyat sovmestnye ucheniya v Yuzhno-Kitaiskom more [The U.S. And Allies Hold Joint Exercises in the South China Sea] // *Armiya.az*, 01.10.2024. URL: <https://ru.ordu.az/ru/news/218763>.

significantly.”²⁷ Even during the first presidential term of Trump, the United States significantly increased arms sales to Taiwan and intensified military interaction between the U.S. and the Taiwanese side. On May 15, 2025, retired U.S. Rear Admiral M. Montgomery told at a congressional hearing that there were more than 500 American military in Taipei at that time teaching Taiwanese military techniques to repel an external invasion.

The Chinese side believes that Washington’s modern formula in the Taiwan issue is to “control China through the Taiwan knot, block reunification and support Taiwan independence.”²⁸ To do this, Washington internationalizes the Taiwan conflict, involves external forces in it, artificially increases its significance to the confrontation of “democracy and authoritarianism.” The U.S. is also resorting to actions such as raising tariffs on Chinese products and lifting the trade-friendly regime; China’s comprehensive technology blockade and supply chain disruption; further supplying Taiwan with weapons and “warming up” preparations for an “invasion.”

A new circumstance in Taiwan itself was the election victory and inauguration on May 20, 2024 of President Lai Ching-te, leader of the Democratic Progressive Party, who appealed to Beijing to recognize Taiwan as an independent separate state. He called Beijing a hostile foreign force, stressing that the two Chinas on both sides of the strait “do not obey each other.”²⁹ In response, China’s Taiwan Affairs Office under the State Council of the People’s Republic

27 刁大明. 从1.0到2.0 : 特朗普政府对华安全战略的延续与政策变化[J]. 国际安全研究, 2025, (1):96-114. [Dyao Damin. From 1.0 to 2.0: Continuity and Changes in the Security Strategy of the Trump Administration Towards China // *International Security Studies*. 2025. No. 1. P. 96–114]

28 朱卫东. 透视特朗普第二任期的中美关系与台湾问题. 期刊:台湾研究, 2025, №1 (191): 1-8. [Zhu Weidong. A Look at Sino-American Relations and the Taiwan Question in Trump’s Second Term] // *Taiwan Studies*. 2025. No. 1 (191). P. 1–8.

29 Lee Y., Blanchard B. New Taiwanese President Calls on China to Stop Its Threats // Reuters, 20.05.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/new-taiwan-president-take-office-facing-angry-china-2024-05-19/>.

of China issued the statement that Taiwan independence and peace in the Taiwan Strait are incompatible things. “No matter how the situation on the island changes, no matter who is in power, it will not change the fact that the two sides [of the strait] belong to one China,” the statement said.³⁰ Russia also responded to the position of the new Taiwanese president, repeating the provision from the joint statement of the leaders of Russia and China: Moscow “opposes Taiwan’s independence in any form, firmly supports the actions of the Chinese side to protect its own sovereignty and territorial integrity.”³¹

The decisiveness of the line of the new Taiwanese leader raises the stakes in the confrontation between the United States and mainland China. The United States is connected with Taiwan by the U.S. domestic 1979 Taiwan Relations Act, which regulates the supply of weapons for Taiwan’s self-defense and determines the U.S. policy towards the Taiwan Strait. Daniel Ellsberg recently published a classified Pentagon document indicating that decades ago Washington was considering, among other things, operational plans for the use of nuclear weapons against China in the event of Beijing’s artillery or missile attacks on Taiwan.³²

However, the new point is the line taken by D. Trump to curtail and reduce the external obligations of the United States to “protect” other countries, which clearly manifested itself in relations with NATO regarding the reduction of U.S. participation in European defense and cannot but affect the sustainability of obligations in the Asian theater.

American strategists are not sure how the U.S. involvement in a potential military operation to protect Taiwan, that is, in a mili-

30 Ibid.

31 «Zachinshchik opasnoi voyny». Na Taivane proshla inauguratsiya novogo prezidenta [“Instigator of a Dangerous War.” Taiwan Hosts Inauguration of New President] // RBC, 20.05.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2024/66476e629a7947fe00846000>.

32 Kimbal D.G. The U.S. and China Re-Engage on Arms Control. What May Come Next // Bulletin of the Atomic Scientists, 15.11.2023. URL: <https://thebulletin.org/2023/11/the-us-and-china-re-engage-on-arms-control-what-may-come-next/>.

tary confrontation with mainland China, could end. Earlier simulations of such an operation led to results showing serious U.S. military losses and significant destruction of Taiwanese infrastructure.³³ One has to keep in mind that the Chinese side can use not a classic “invasion” of the island, but hybrid strategies — long sea blockade, remote destruction of Taiwan’s military facilities through rocket attacks and unmanned aircraft, etc. The appearance of DF-26 medium-range dual-use missiles in the Chinese forces, capable of carrying nuclear warheads and destroying enemy aircraft carrier and other naval formations, also changes the scenarios of a potential collision on the Taiwan Strait.

As emphasized in the white paper “The Taiwan Question and the Reunification of China in the New Era” published in 2022, the PRC does not undertake to abandon the use of force and reserves the option “to take all measures necessary to settle the Taiwan question... free of external interference” and interference of a very small number of separatist supporters of Taiwan independence.³⁴ At the same time, according to experts from the Federation of American Scientists, “in a situation in which the stakes would be high — such as in a military clash over Taiwan — both China and the United States appear to reserve the option of using nuclear weapons — including first use — if deemed necessary”.³⁵

Thus, uncertainty around Taiwan remains, although after the first months of the second Trump administration in Washington and a year and a half of Lai Ching-te’s presidency in Taipei, the situation has stabilized somewhat. It can remain in this state for quite a long time if Beijing’s position does not change.

33 Nikitin A.I. Security in the Asia-Pacific / In: *Strategicheskii Obzor 2023* [Strategic Review 2023] / A.G. Arbatov (ed.). Moscow: MGIMO University, 2024. P. 128–129.

34 Full Text: The Taiwan Question and China’s Reunification in the New Era // The State Council Information Office of the People’s Republic of China, 10.08.2022. URL: http://english.scio.gov.cn/m/whitepapers/2022-08/10/content_78365819_5.htm.

35 Kristensen et al. Chinese nuclear weapons, 2025. Op. cit.

Confrontation on the Korean Peninsula

In the conflict on the Korean Peninsula, for the eighth decade, there has been a clash of American and Chinese influence and interests. American warships and submarines with nuclear weapons on board continue to sail off the coast of the peninsula. In addition, large-scale U.S.–South Korean military exercises are held annually with the participation of up to 300,000 troops.

The new moment, however, is the increased uncertainty of the South Korean authorities in the reliability of the American nuclear “umbrella” due to the policy of D. Trump to curtail and reduce the U.S. overseas military obligations. This pushes the debate in the South Korean political class about the possibility and even the need to acquire their own nuclear weapons, especially since the developed nuclear energy sector allows to accumulate weapon-grade nuclear materials and provide the necessary engineering capacity. Similar sentiments are no less evident in Japan.

This prospect worries Beijing, as well as Moscow. The PRC has supported the North Korean regime for many decades, although in recent years China has become to a certain extent annoyed by Pyongyang’s unwillingness to follow Beijing along the path of economic reform. Russia, in 2024, concluded with the DPRK “Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Democratic People’s Republic of Korea.”³⁶ Earlier, Washington argued that the potential deployment of American medium-range missiles (announced after the U.S. withdrew from the INF Treaty) at bases in Guam and Okinawa does not affect Russia’s interests, but now the situation has changed. In accordance with the new Russian–North Korean treaty, any military conflict in which the DPRK will be involved will be the object of strategic assistance from Russia. Consequently,

36 Order on Signing a Treaty on Comprehensive Strategic Partnership Between Russia and North Korea // President of Russia, 18.06.2024. URL: <http://en.kremlin.ru/acts/news/74321>.

Russia, like the PRC, will respond proportionally to the deployment of new American missiles in the Asia-Pacific region by building up its Pacific potential.

Currently, the Trump administration apparently considers the inter-Korean dilemma on a par with the Middle East and Ukrainian conflicts as the object of a potential mediating role for the United States, which could potentially lead to a change in the nature of relations between the U.S. and the DPRK. Washington can again, as in 2018–2019, make an attempt to limit the North Korean nuclear program through negotiations — especially since South Korea, Japan and to a certain extent even China are interested in this.³⁷ However, this will be more difficult to do due to the development of a strategic partnership between the DPRK and Russia.

Scenarios for the Future

According to American professor John Delury, Donald Trump's slogan "America first" means "China first" in his foreign policy course, i.e. D. Trump's significant focus on confrontation with the PRC throughout during his second term of office³⁸.

There are two possible scenarios for the development of U.S.–China confrontation in the near term.

In the first one, the Trump administration will pursue a tough but balanced policy towards China. Beijing will be criticized on a wide range of issues, from trade, economic and investment to political issues around Taiwan, Hong Kong, Xinjiang, but this will be done in such a way as not to bring these matters to confrontation. The tariff and technology wars will continue but will be entrenched in forms allowing both sides to say that they have finally "regained something."

37 Wertheim S. Asia Should Encourage 'Trump the Peacemaker' // *Global Asia*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 8-13.

38 Delury J. Expect Trump to Go It Alone and Seek a Big Deal with China // *Global Asia*. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 26.

As a worst-case scenario, it can be assumed that if Trump fails to win concessions from the Chinese side on the front of the tariff and trade wars, if Beijing's rapprochement with Moscow continues and the rallying of the Asia-Pacific countries under the auspices of Washington into an anti-Chinese alliance does not work, the United States can go for the most tough confrontation with China. It will include an ideological offensive against the Chinese political system, support for Taiwan's declaration of independence, a sharp increase in the U.S. military presence in the APR near Chinese shores, including the widespread deployment of medium-range missiles with conventional and nuclear weapons.

On October 30, U.S. President Donald Trump and Chinese President Xi Jinping met on the sidelines of the APEC summit in Busan, South Korea. The leaders made every effort to smooth over recent tensions in the trade and economic sphere. China has pledged to crack down on the supply of fentanyl precursors, lifted a number of tariffs on U.S. agricultural products, in particular, agreed to purchase soybeans (25 million tons annually for the next three years), and, most importantly, has reversed recent decisions to impose strict controls on exports of rare earth metals, gallium, germanium, antimony, graphite, and magnetics³⁹; the U.S. responds by reducing the trade tariff previously imposed on Chinese goods by 10 percentage points.⁴⁰ Later, Beijing also reported that the parties had agreed on a one-year delay in the introduction of tough restrictions announced by the United States in September on cooperation between Chinese and American companies in the areas of technology transfer, shipbuilding, and maritime transport.

However, the long-awaited contact lasted less than two hours and, despite clearly visible progress on the economic front, did not bring

39 Lawder D., Shalal A. What Did Trump, Xi Agree to on Tariffs, Export Controls and Fentanyl // Reuters, 02.11.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/us/what-did-trump-xi-agree-tariffs-export-controls-fentanyl-2025-11-01/>.

40 Boak J., Megerian C. Trump Cuts Tariffs on China After Meeting Xi in South Korea // Associated Press, 30.10.2025. URL: <https://apnews.com/article/trump-xi-china-trade-war-4c19a752c97828246c08f60f0dc54c79>.

about any truly significant shifts: virtually all geopolitical and military-political issues in bilateral relations, including Taiwan, remained off the agenda of the meeting. The only exception was the establishment of a “hotline” to deescalate incidents between the U.S. and Chinese militaries.⁴¹ Experts cautiously assess the results as a tactical “thaw” that has yet to develop into a real normalization of relations, as the situation remains extremely unstable.⁴²

In general, the further development of the U.S.–Chinese confrontation in the Asia-Pacific region will depend not only on the actions of Beijing and Washington, but also on relations in the U.S.–PRC–Russia triangle. In this regard, the role of the Russian Federation can be quite significant.

Russia and the United States, when the Trump administration came to power in 2025, changed in a certain way the general tone and direction of their relationship. They are not in a state of direct military conflict and the leadership of the two countries would not want to move towards increasing tension, although differences in positions, and in some areas a direct or indirect clash of interests, continue.

On the other hand, Russia and China are developing a strategic partnership, while strengthening political, trade, economic, scientific and technological ties not only on a bilateral basis, but also in the formats of the Shanghai Cooperation Organization, APEC and BRICS. Russia is ready to make the necessary efforts to prevent the formation of anti-Chinese associations in the Asia-Pacific region, while it considers the PRC to be its close partner in restructuring the world order on a multipolar basis.

41 Pritchett E. U.S., China Agree to Open Direct Military Hotline After Xi-Trump Summit // Foxnews, 02.11.2025. URL: <https://www.foxnews.com/politics/us-china-agree-open-direct-military-hotline-after-xi-trump-summit>.

42 Hunnicutt T., Chen L., Chu M. Trump-Xi “Amazing” Summit Brings Tactical Truce, Not Major Reset // Reuters, 30.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/china/trump-xi-amazing-summit-brings-tactical-truce-not-major-reset-2025-10-30/>.

India and Pakistan: Nuclear Stalemate and Prospects for Its Overcoming

ALEXEY KUPRIYANOV

India has consistently outclassed Pakistan in conventional forces throughout their coexistence due to its inherently greater economic and demographic potential. But after both countries tested nuclear weapons in 1998, a strategic stalemate was created. Over the following decades, Indian political and military elites have sought to break this stalemate, anticipating the possible Chinese intervention at the same time. Innovations tested during the India-Pakistan conflict in the spring of 2025 offer a chance to do it.

History and Geography

The southern coastal section of the India-Pakistan land border runs through marshy terrain of the Lesser Rann of Kutch, and extends into the salt marsh of the Greater Rann of Kutch. This area is contested. Border incidents regularly occur: Indian and Pakistani patrols detain fishermen of each other. But large-scale operations in this area present significant difficulties due to the nature of the terrain. The concentration of the invading force, equipped with special means for crossing water obstacles, would be quickly detected. Crossing the marshy terrain would take a long time, allowing the enemy to bring up troops for defence.

The border line then passes through the Greater Rann of Kutch and the Thar Desert. The terrain is mostly flat there, with no significant obstacles, and the permanent population is sparse. However, cross-border raids are difficult: moving columns are easily detected on the flat terrain, raising dust, allowing the air force to be deployed to inflict damage on the enemy before reaching the combat line. A typical example of fighting in the Thar Desert is the Battle of Longewala (December 4–7, 1971), when the garrison of an Indian outpost, numbering only 120 soldiers, with air support, repelled several attacks by Pakistani forces numbering 2,000 soldiers and 70 tanks.

The next section of the border separates the Pakistani province of Punjab from the Indian state of Punjab. There is a well-developed road network on the both sides, and the ground is firm enough to accommodate armored vehicles of any weight. The main problem is

that almost the entire area on both sides is cultivated plain, densely crisscrossed by a network of rivers and irrigation canals. The challenges of combat operations due to this terrain became evident during the Second Indo-Pakistani War. Mutual attempts by the Pakistanis and Indians to stage large-scale tank breakthroughs in the Khem Karan and Sialkot sectors, respectively, ended in failure.

The officially established border between the countries ends there, and the “Line of Control” (LoC) begins, dividing Kashmir where a major offensive is extremely difficult due to the mountainous terrain. To gain operational space, the sides need to cross several mountain ranges, each successive one posing an increasing challenge due to the poor road network. At the same time, for social and political reasons, neither side is prepared to give up Kashmir. Any attempt at a settlement through the renunciation of part of Kashmir’s territory would mean a political crisis in the country whose leadership decides to do so.

Military Potential and Key Threats

The military potential and size of India’s armed forces significantly exceed those of Pakistan, with the exception of self-propelled artillery (SPGs) and multiple launch rocket systems (MLRS). However, the gap is not significant enough to ensure total superiority and a swift victory in a conventional war. The geography of the border described above prevent either side from expecting this scenario.

Nevertheless, it can be assumed that if a war were fought solely between India and Pakistan and only with conventional forces, Pakistan would ultimately suffer defeat. Pakistan’s main industrial and agricultural capacities, as well as the bulk of its population, are concentrated in the Indus River Valley in the provinces of Punjab and Sindh. Therefore, an Indian breakthrough into the Indus Valley by any means, whether a tank push through the Thar Desert or the destruction of Pakistan’s defenses in the north, will lead to the collapse of Pakistan’s system of governance and the end of Pakistan as a sovereign state.

Two other critical threats to Pakistan are the possibility of the state's disintegration and a naval blockade. Pakistan is a multi-ethnic state united by religion (Islam) and official language (Urdu), which is not the mothertongue for any of the major ethnic groups. The most influential political parties are divided along regional lines. Traditionally, the Punjabis have been the politically dominant ethnic group, with the Sindhis playing a significant role in political life, while other ethnic groups, including the Pashtuns and Balochi, are relegated to secondary roles. National movements and insurgent groups are active in both Khyber Pakhtunkhwa and Balochistan. If the Pakistani army and intelligence are unable to successfully combat them for any reason, Pakistan could very well fragment into separate factions, especially since various ethnic groups and provinces have accumulated grievances against each other.

The possible naval blockade also poses a serious threat. Pakistan lacks its own large oil and gas reserves, so it is forced to import hydrocarbons by sea from Gulf countries. Facilities capable of storing these reserves are relatively small, and if India imposes a naval blockade, they would only last for a few weeks, or a few days in the event of large-scale military action.

Nuclear Weapons as a Guarantee

The development of an Indian nuclear explosive device and its testing (1974) were driven primarily by status and domestic political considerations. After the Third Indo-Pakistani War of 1971, Pakistan no longer posed an existential threat to India, and the likelihood of another war with China was considered slim. China lacked the necessary nuclear delivery systems at that time, and the possible use of tactical nuclear weapon in the Himalayas would have had little effect.

The Pakistani leadership, for its part, decided that the very survival of the state depended on the ability to acquire nuclear weapons in the foreseeable future. The well-known statement by Zulfikar Ali

Bhutto¹ fully reflected the determination of the Pakistani military and political elites. As a result, by the time India finally openly conducted military nuclear tests (1998), Pakistan had also completed its own nuclear weapons program, ushering in a period of asymmetric nuclear peace in South Asia.

Its specificity lies in the almost certainty that if India uses nuclear weapons, Pakistan will cease to exist as a state. Its bureaucratic apparatus would be destroyed, all key industrial facilities would be eliminated, and a significant portion of the population would perish. If Pakistan were to use nuclear weapons, India would survive, albeit with significant population losses, its economic potential would be undermined, and recovery would take a very long time. Furthermore, even in the best-case scenario for India, if Pakistan were to fail or hesitate to use nuclear weapons, India would face the biggest migration crisis in its history, which would lead to unpredictable social consequences.

Unlike India, which officially adheres to a no-first-use doctrine, Pakistan publishes its nuclear doctrine only in the most general terms, indicating a readiness to use nuclear weapons if its existence as an independent state is threatened. Judging from statements by Pakistani officials and military elites, these scenarios include an Indian use of nuclear weapons; the large-scale successful operation by Indian armed forces; Indian-inspired subversive actions that could lead to the collapse of the state; and a naval blockade.² Such ambiguity, according to Pakistani politicians and experts, ties the Indians' hands, preventing them from probing Pakistan's red lines without risking a Pakistani nuclear response, while simultaneously giving the Pakistanis free rein.

1 "Pakistan will fight, fight for a thousand years. If India builds the bomb, Pakistan will eat grass or leaves, even go hungry, but we will get one of our own... We have no other choice"!

2 Shukla A. Pakistan Weighs Its Options, As India Readies for War // The Diplomat, 01.05.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/pakistan-weighs-its-options-as-india-readies-for-war/>.

The Strategic Depth Problem

From the Pakistani elites' perspective, Pakistan has only one strategic adversary (i.e. India) and a lot of strategic allies and partners (China, the United States, Muslim countries). Pakistani leadership successfully balances between these partners, skillfully playing on their fears and interests. For the United States, Pakistan has been a reliable partner since the Cold War, despite all the controversial operations of Pakistani intelligence agencies. For China, it is a valuable political and economic partner, providing access to the Indian Ocean via the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC). For the Gulf states, it is the only Muslim country possessing nuclear weapon and an important partner in both domestic and external security. The success of Pakistan's strategy allows it to receive modern military equipment and financial investments from the friendly countries, although for its key strategic partners, economic relations with India are comparatively more valuable.

At the same time, the Pakistani leadership is seriously concerned about the problem of "strategic depth." It is believed that to ensure the preservation of Pakistani statehood and the sustainability of resistance in any possible conflict with India, Pakistan needs to secure a strategic rear base, which should be Afghanistan with a Pakistan-friendly government.³ At the same time, relations between Islamabad and Kabul are complicated by the Pashtun issue, because Afghan authorities do not recognize the Durand Line border, believing that it has divided the Pashtun people.

This strategic objective was seemingly resolved in 1995, when Kabul was captured by the Pakistani-backed Taliban, partly controlled by the Pakistani Inter-Services Intelligence (ISI). The fall of the Taliban led to a loss of strategic depth. The return of the Taliban to power in 2021, at first glance, allowed Pakistan to regain it. However, this time, the Taliban's popular support was significantly

3 Parkes A. Considered Chaos: Revisiting Pakistan's 'Strategic Depth' in Afghanistan // *Strategic Analysis*. 2019. Vol. 43. No. 4. P. 297–309.

higher, there was no internal threat, and its government turned its attention to the border issue.

Now the situation on the Afghan-Pakistani border remains tense, with Pakistan accusing Kabul of supporting Tehreek-e-Taliban Pakistan militants.⁴ The Pakistani leadership's concerns have further increased since the start of the Indian-Afghan rapprochement.⁵ Currently, the formation of a Delhi-Kabul axis is perceived in Pakistan as one of the key threats, and the possibility of a two-front struggle is a very real scenario.

Pakistan's Strategy: Nuclear Weapons and Small-Scale Warfare

Pakistan's strategy is built on this possibility. Its main elements are:

1. Protecting strategic nuclear weapons from an Indian disarming strike. To this end, new mobile missile systems are being developed, and a missile capable of carrying a nuclear warhead was successfully tested from a submerged submarine.
2. Maintaining combat-ready ground forces, intended to inflict maximum damage on the enemy in the event of a conventional conflict, preventing a rapid breakthrough, and conducting tactical offensive operations. To achieve these objectives, it is envisaged to use tactical nuclear weapons if necessary. The main forces of the Pakistani army are concentrated along the Indian border and the LoC, but a number of them are involved in counterinsurgency operations.

4 The Challenge to Islamabad from the Tehrik-e-Taliban Pakistan // IISS, 01.2024. URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2024/01/the-challenge-to-islamabad-from-the-tehrik-e-taliban-pakistan>

5 D'Souza S.M. Understanding India's Strategic Outreach to the Taliban in Afghanistan // The Diplomat, 20.06.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/06/understanding-indias-strategic-game-with-the-taliban-in-afghanistan/>.

3. Supporting terrorist groups and the Kashmiri separatist movement operating in India. This strategy helps constantly deliver pinpricks to India, influencing public opinion at opportune moments, forcing Indian law enforcement to take harsh countermeasures, fueling resentment among Kashmiri youth.
4. Focus on Air Force. Since a large-scale Indian ground operation seems relatively unlikely due to Pakistan's nuclear weapons, Pakistan can afford to focus its efforts on developing an Air Force designed to compete with India's in "battles for the status" during the next escalation, achieving aerial victories and raising national morale. Partnership with China plays a significant role: Beijing views Indo-Pakistani conflicts as a testing ground for new weapons systems, supplying Pakistan with modern weapons at low prices.
5. The Navy is relegated to auxiliary functions. In the event of a blockade, it must ensure unimpeded passage of merchant ships to Pakistani ports; in the event of a conflict, it must inflict maximum damage on the Indian Navy.
6. Struggle on the diplomatic front. Pakistani diplomacy constantly plays the Kashmir card, attracting the attention of the Muslim countries and highlighting the suffering of Kashmiris under Indian occupation. "Kashmir Solidarity Days" are regularly held, and relevant pictorial and textual materials are distributed. The goal of such actions is to directly influence the sentiments of Muslim populations around the world, hoping they will put pressure on their governments. This can lead to a creeping internationalization of the Kashmir issue.

India: A Future War on Two and a Half Fronts

Just as Pakistan's strategic culture is afflicted by the "Kashmir disease," India's strategic culture is afflicted by the "China disease." One of the foundations of India's national myth is the narrative of an unprovoked Chinese attack in 1962. This presupposes that such an attack

could happen again. Since Pakistan is China's strategic partner, India would then have to fight on "two and a half fronts": the half-front referring to the insurgency waged by Maoist Naxalites and separatists in northeast India, either sympathetic to or exploited by China, or by Pakistan-backed Muslim militants.⁶ This makes any country that has territorial disputes with China and an interest in containing it, a potential strategic ally for India, for example, Vietnam, the Philippines, the United States, and Japan.

Meanwhile, the conflicts with China are not existential in nature and could be resolved by drawing the border along the current "Line of Actual Control" (LAC) in the Himalayas. However, such an agreement would, firstly, cause a number of tangible problems for India's ruling BJP party, and secondly, would deprive India of the opportunity to exploit American fears of a growing Chinese threat, which allow India access to American technology and intelligence.

In the absence of a full-scale conventional conflict with Pakistan, India can afford to play the China card in both internal and external policy. China has no interest in starting a conflict with India, that is one of its most promising trading partners. The specific nature of the Himalayan theater of operations precludes deep offensives using large numbers of armored vehicles to exploit success. China's naval presence in the Indian Ocean is currently insignificant, and the PLA Navy will be unable to significantly increase its forces there, especially given the Malacca dilemma.

Possible conflicts in other neighboring countries (Bangladesh and Myanmar) do not pose a serious threat to India as long as secular regimes remain in power there. Since India aspires to regional hegemony, it is forced to divert some of its forces to displaying the flag and maintaining a presence in the Indian Ocean region, deploying a network of radar stations, building a navy, and establishing naval bases in small island states.

6 Unnithan S. The Two and a Half Front War // India Today, 25.01.2021. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/up-front/story/20210125-the-two-and-a-half-front-war-1759580-2021-01-17>.

India's Strategy: Searching for Countermeasures

India's nuclear capabilities are sufficient to inflict critical damage on Pakistan and destroy it as a state, but it is insufficient to avoid the consequences of a retaliatory strike. Reliably covering all key facilities on the Indo-Gangetic Plain is impossible. Therefore, India is forced to pursue a comprehensive strategy, the main elements of which are as follows:

1. Maintaining Indian nuclear potential and expanding its nuclear delivery systems. This is primarily focused on increasing their range; the goal is to strengthen its position in talks with China and ensure Beijing's non-intervention in the possible large-scale conflict with Pakistan. Currently, the range of the Indian missiles allows to deliver nuclear warheads anywhere within China.
2. Maintaining and expanding Indian ground forces. Given the potential for a "two-and-a-half-front" war, India is preparing for two absolutely different types of military action: mountain warfare in the Himalayas and Kashmir, and deep-seated operations using armored vehicles in Punjab and the Thar Desert. The internal front is expected to be held by the police and the Assam Rifles (a paramilitary force subordinate to the Ministry of Home Affairs). Reforms aimed at increasing the army's combat effectiveness are currently underway: a brigade-level "Integrated Battle Group" system is being introduced; the two-division XVII Mountain Strike Corps has been created; the other corps deployed along the border with China and in Kashmir are also undergoing training for mountain warfare. Active work is underway to establish military transport infrastructure in the border regions: unlike the PLA, which can use rail transport to maneuver troops along the border, the Indian Army is forced to rely on roads and airfields.
3. Support for separatist groups in Pakistan. Amid Pakistan's terrorist war, India also supports separatists, primarily the Balochi. Although Islamabad accuses Indian intelligence of directing

Balochi operations,⁷ the scale of this support is far smaller than Pakistan's support for Kashmiri militants and consists primarily of financial aid and providing safe haven for resistance leaders.

4. Improving the Air Force's combat capabilities in India is a priority, as air superiority will become crucial if border clashes escalate into a full-scale conflict. However, due to the need to spend funds on other items in the military budget, as well as the lack of a patron like China, India cannot achieve a decisive superiority in the air.
5. Naval Development: India is building a powerful naval force to create a security sphere across the Indian Ocean. These forces must be sufficient to ensure control of the region and repel PLA Navy expeditionary forces if necessary. Construction of the second *Vikrant*-class aircraft carrier, which will replace the *Vikramaditya*,⁸ is planned for completion within the next decade, followed by the *Vishal*-class carrier, bringing the number of carriers in the Indian Navy to three.
6. Diplomatic measures. India is attempting to isolate Pakistan by declaring it a "terrorist state," to disrupt the unity of Muslim countries that might support Pakistan in the event of a new Kashmir conflict, and to persuade other countries to designate as terrorist organizations some of those organizations overtly or covertly supported by Pakistan. The results so far haven't been very impressive, and the Indians have never succeeded in isolating Islamabad diplomatically. Even designating an organization as terrorist is not enough to guarantee the extradition of its militants, as demonstrated by the example of Lashkar-e-Taiba, which

7 Rehan T. India's Actions in Balochistan and Bilateral Ties // Centre for Strategic and Contemporary Research, 16.05.2025. URL: <https://cscr.pk/explore/themes/defense-security/indias-actions-in-balochistan-and-bilateral-ties/>.

8 Kumar B. India Decides It Will Not Operate a Third Aircraft Carrier. Here Is Why // Business Standart, 04.02.2025. URL: https://www.business-standard.com/external-affairs-defence-security/news/india-decides-it-will-not-operate-a-third-aircraft-carrier-here-is-why-125020400853_1.html.

is considered terrorist in Pakistan and, according to Indian sources, is supported by the Inter-Services Intelligence.⁹

Kashmir Time Crisis

Pakistan's "small war" against India in Kashmir is particularly dangerous in terms of escalation. Pakistani proxy groups, holding the initiative, decide where exactly the attack will be carried out. Each terrorist attack sparks a wave of discontent in Indian society, and forces the Indian government to respond. At the same time, the government is constantly under pressure to retaliate as quickly as possible to appease angry voters, while at the same time preparing the attack as thoroughly as possible and launching it when the enemy least expects it.

The situation in India is further complicated by constant criticism from the opposition, which accuses the government of insufficient measures and underestimating the danger of a terrorist attack. Moreover, each retaliatory strike must be proportionate to both the terrorist attack and previous retaliatory strikes. If the casualty count of a new terrorist attack is greater than or approximately equal to the previous one, the response must be stronger. Thus, Pakistan can, to a certain extent, influence the speed of the escalation spiral, trapping the Indian side in uncertainty: since the exact location of Pakistan's "red lines" is unknown, the Indians are forced to continually seek new solutions from a limited set of options.

To resolve this strategic dilemma, Indian military officials and politicians must address the fundamental issue of how to avoid a nuclear strike if the scale of the next terrorist attack requires them to take decisive measures, even leading to a conventional conflict. A wide range of retaliatory measures are being considered, from the "Cold

9 Shahid K.K. Pakistan and the Latest Reincarnation of Lashkar-e-Taiba // The Diplomat, 31.05.2025. URL: <https://thediplomat.com/2025/05/pakistan-and-the-latest-reincarnation-of-lashkar-e-taiba/>.

Start” doctrine¹⁰ to a “soft naval blockade.” Although the primary goal remains unresolved, some of the associated problems have been partially addressed. For example, India’s threat to use strategic nuclear weapons if Pakistan uses tactical nuclear weapons in a conventional conflict will obviously reduce the likelihood of such use.¹¹

Operation Sindoor: New Trends

The latest conflict between India and Pakistan in the spring of 2025 demonstrated the limitations of existing means. Mutual shelling of well-fortified border posts equipped with shelters results in nothing but incidental casualties. Air combat is unpredictable and can lead to the loss of expensive aircraft, which is perceived negatively by the population. At the same time, before and during Operation Sindoor, the sides employed a number of innovations that could shape the course of future conflicts:

Water War. The suspension of the Indus Waters Treaty (1960) means that India does not consider itself bound by its restrictions — in particular, the obligation to submit its new dam designs to arbitration or review by a neutral international expert. Dams with under-sluices type gated spillways, which India will now be free to build, theoretically allow for the use of water as a weapon in a broad sense: either completely emptying the reservoir, which could lead to flooding downstream, or damming the spillway and filling the reservoir, which could ruin crops downstream during a drought. Considering that the headwaters of all the Indus tributaries are in Indian

10 A scenario of a conventional conflict with an intensive operation of Indian mechanized units on Pakistani territory, accompanied by the active use of high-precision weapons.

11 Bagchi I. Even a Midget Nuke Strike Will Lead to Massive Retaliation, India Warns Pak // The Economic Times, 30.04.2013. URL: <https://economic-times.indiatimes.com/news/politics-and-nation/even-a-midget-nuke-strike-will-lead-to-massive-retaliation-india-warns-pak/articleshow/19795988.cms>.

territory, and the Pakistani provinces of Punjab and Sindh are water-scarce,¹² the consequences could be quite devastating for the Pakistani economy. The effectiveness of water weapons, however, is reduced by the construction of cascades of hydroelectric power plants and reservoirs. Furthermore, the use of water as a weapon could set an undesirable precedent for India itself. China currently has a cascade of hydroelectric power plants in the upper reaches of the Brahmaputra, and a “water war” against Pakistan could lead to similar actions by China.

Information Warfare. The conflict was marked by an unprecedented information war, both sides actively used patriotic online communities to boost their own nation’s morale and undermine the enemy’s one. Narratives were created that bore little resemblance to reality, and attempts to present alternative points of view or verify each side’s claims of aerial victories were discredited. The information war was partially successful for both sides: they managed to create a consistent narrative for their own national audiences. Further development of online information warfare technologies (the widespread use of bots, AI, and deepfakes) may, in the near term, generally reduce the intensity of the confrontation, as it will remove the need to achieve real successes while demonstrating imaginary ones.

The ever-increasing use of UAVs. Before the conflict both sides assumed that it would be fought with the UAVs. Meanwhile, the study and understanding of UAV tactics proceeded relatively slowly, with the primary focus on the acquisition and gradual development of domestic production of MALE-class attack UAVs and medium-range reconnaissance ones. Meanwhile, comparatively little attention was paid to the development and acquisition of loitering munitions. This directly impacted the effectiveness of both sides’ strikes during the conflict. Currently, both India and Pakistan are actively expanding

12 Hussain A. Why is Pakistan’s new canal project sparking water shortage fears? // Al Jazeera. 27.03.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/3/27/why-is-pakistans-new-canal-project-sparking-water-shortage-fears>.

their UAV arsenals, purchasing commercially available drones, and testing countermeasures, including self-propelled anti-aircraft missile-gun systems (SPAA) and electronic warfare systems. The widespread use of loitering munitions, FPV drones, and small copters with release systems in future conflicts will allow to avoid domestic political repercussions associated with the possible loss of expensive aircraft or the death or capture of pilots, and to expand the range of options for the both sides.

All these innovations could lead to negative consequences in the future and lower the threshold for the use of nuclear weapons. A “water war” could be interpreted by the Pakistanis as an existential threat comparable in consequences to a large-scale military operation; a successful information war could increase separatism in Pakistan’s provinces and lead to inappropriate decision-making by Pakistani politicians and military personnel amid a lack of reliable information; the massive use of UAVs could provoke the use of nuclear weapons if military nuclear facilities are damaged.

Volatile Middle East Region

STANISLAV IVANOV

The events of 2025 confirm the reputation of the Middle East as one of the most conflict and volatile regions of the world from a military-political point of view. About a half of all oil reserves and about a third of our planet's natural gas reserves are concentrated here, strategically important sea, air and land communications pass through it, about half a billion people live in the Middle East region, and it is a place where the shrines of the three main world religions are located. Given this, any internal or regional conflict in the Middle East undermines international stability and has a negative impact on the world economy and trade.

One of the leading regional powers — Israel — possesses nuclear weapons and a triad of their means of delivery (these are, presumably, F-15, F-16 and F-35 fighters, cruise missiles on German-made *Dolphin*-class submarines, Jericho ballistic missiles).¹ The other regional power conflicting with Israel, the Islamic Republic of Iran (IRI), has made significant progress in developing its nuclear and missile programs, has come very close to creating nuclear weapons and belongs to the so-called “threshold countries” in this area. Large-scale armed conflicts between Israel and Iran in 2024–2025 and interference of the United States in these events have created an unprecedented threat to the security of the entire Middle East region and border states.

Gaza As One of the Region's “Hot Spots”

One of the main causes of instability and conflict in the region remains the unresolved Palestinian problem and the lack of progress in general in the Middle East settlement on its other tracks (Syrian and

1 Kristensen H.M., Korda M. Israeli nuclear weapons, 2021 // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2022. Vol. 78. No. 1. P. 38–50; Makarychev M. Chto izvestno o yadernoi programme Izrailiya: zakrytost' i neprozrachnost' [What Is Known About the Israeli Nuclear Program: Secrecy and Opacity] // *Rossiiskaya gazeta*, 19.06.2025. URL: <https://rg.ru/2025/06/19/chto-izvestno-o-yadernoj-programme-izrailia-zakrytost-i-neprozrachnost.html>.

Lebanese). An important feature of the present period of struggle of the Palestinians for the return of the territories occupied by Israel and the establishment of their national state in accordance with UN General Assembly Resolution 181 of November 29, 1947, is the intensification of the activities of radical Palestinian Islamist groups Hamas and Islamic Jihad and their active support from abroad.

In recent years, former sponsors and curators of the Palestinian national liberation movement from among the Arab countries have actually lost interest in the Palestinian problem, but under pressure from the “Arab street” they continue to outwardly condemn Israel’s actions and advocate recognition of the Palestinian State. However, Arab leaders refrain from any active action against Israel and military assistance to Hamas. They even call on Hamas leaders to voluntarily transfer power in the Gaza Strip to the Palestinian National Authority (PNA), headed by Mahmoud Abbas.² The exceptions are Qatar and Turkey, in whose territories Hamas headquarters are still located, while Doha provides this group with significant financial assistance.³

At the same time, the main ally and curator of Palestinian radicals and related regional non-governmental groups is now Tehran, which does not recognize the State of Israel’s right to exist, denies its legitimacy, and considers it the main enemy of Muslims.

The latest escalation of the Palestinian-Israeli conflict was triggered by an attack by Hamas and Islamic Jihad fighters from the Gaza Strip on Israel’s border areas on October 7, 2023. During this large-scale terrorist attack, about 1,200 Israelis were killed, several thousand wounded, over 240 people were taken hostage by the radicals.⁴

2 In 2013, a decree was issued by the chairman of the PNA M. Abbas, prescribing instead of the name “Palestinian National Authority” to use for official purposes exclusively the name “State of Palestine.” In this paper, these two names are used interchangeably.

3 Izrail’ molcha privetstvoval finansirovanie KHAMAS iz Katara, pishut SMI [Israel Tacitly Hailed Hamas Funding From Qatar, Media Say] // RIA Novosti, 11.12.2023. URL: <https://ria.ru/20231211/izrail-1914996262.html>.

4 Eksperty OON — o napadenii KHAMAS na Izrail’ 7 oktyabrya: vinovnye dolzhny ponesti nakazanie [UN Experts On Hamas’s Attack on Israel on 7 Oc-

In the expert community, there is an opinion that the main goal of this attack was to disrupt the process of recognizing the Jewish state by an increasing number of Arab countries. The UAE, Bahrain, Morocco and Sudan joined Egypt and Jordan, which had previously recognized Israel and established mutually beneficial relations with it under the 2020 Abraham Accords. Based on the current situation, it should be noted that this goal has been achieved: Israel's rapprochement with its Arab neighbors has been frozen.

In the course of the *Swords of Iron* reprisal military operation, the Israel Defense Forces (IDF) blockaded the Gaza Strip and began the systematic defeat of the military formations of Palestinian radicals and the elimination of their military infrastructure. According to the Palestinian Ministry of Health, as of August 18, 2025, there were about 62,000 Palestinians died,⁵ most of them civilians. Houses, hotels, infrastructure, electricity and water supply systems have been destroyed; humanitarian aid to the region is intermittent and insufficient. The Israeli authorities justify heavy casualties among the civilian population of Gaza by the actions of militants who have turned locals into a "live shield" — *de facto*, their hostages.

On January 15, 2025, with the mediation of Egypt, Qatar and the United States, a ceasefire agreement was concluded between Israel and Hamas. The first phase of the ceasefire was designed for 42 days, during which Hamas was to release 33 hostages. Israel, for its part, was to release 110 Palestinian prisoners in Israeli jails and 1,000 residents of Gaza who had been taken into custody since the start of the Israeli military operation. According to the text of the agreement, the IDF was also supposed to withdraw its military units from the densely populated areas of the Gaza Strip. Israel's military presence was to be main-

tober: The Perpetrators Must Be Punished] // United Nations, 08.01.2024. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/01/1448407>.

5 Makarychev M. Chislo pogibshikh v Gaze za poslednie dva goda prevysilo 62 tysyachi chelovek [More Than 62,000 People Have Died in Gaza Over the Past Two Years] // Rossiiskaya gazeta, 18.08.2025. URL: <https://rg.ru/2025/08/18/chislo-pogibshih-v-gaze-za-poslednie-dva-goda-prevysilo-62-tysiachi-chelovek.html>.

tained only in a special 700 m deep (1,300 m in several places) buffer zone south and west of the border with a sector. Israel also promised to open the Rafah checkpoint on the border of the Gaza Strip with Egypt for the movement of civilians and wounded after receiving all women and children from Hamas.⁶

However, on March 18, 2025, Israel resumed operation *Swords of Iron* under the pretext that Hamas refused to release the hostages in time and extend the agreement. Since the early spring of 2025, international humanitarian aid has ceased to flow directly to the Palestinian enclave. All border checkpoints were closed by the Israeli authorities. The distribution of food among the residents of the sector is now carried out through the Gaza Humanitarian Foundation, which is jointly managed by Israel and the United States.⁷

As a result, the exclave's 2 million population is once again on the brink of humanitarian disaster due to an acute shortage of food and medicine. According to the Gaza Ministry of Health, by early September 2025, the number of civilian deaths from hunger had risen to 382, including 135 children.⁸

Under the pressure of the international community, the government of Benjamin Netanyahu was forced on July 27, 2025 to announce the launch of "local tactical pauses" in the conduct of hostilities in densely populated areas of the Gaza Strip. Their main objective was to increase the delivery of humanitarian aid to the Palestinians.⁹

6 V Izraile opublikovali polnyi tekst soglasheniya s KHAMAS [Israel Published the Full Text of the Agreement With Hamas] // RBC, 16.01.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/01/2025/678901629a79478fd1194476>.

7 Axios: SSHA khotyat aktivizirovat' okazanie gumanitarnoi pomoschi zhitelyam Gazy [Axios: U.S. Wants to Step Up Humanitarian Aid to Gaza Residents] // TASS, 05.08.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24714847>.

8 Chislo pogibshikh ot goloda v sektore Gaza dostiglo 382 chelovek [Death From Starvation in the Gaza Strip Reached 382] // RIA Novosti, 06.09.2025. URL: <https://ria.ru/20250906/chislo-2040177015.html>.

9 Gasymov N. Izrail' poshel na gumanitarnoe peremirie v okhvachennoi golodom Gaze [Israel Enters Humanitarian Truce in Famine-Stricken

At the same time, the Israeli authorities do not abandon their previously declared military and political goals in the Gaza Strip: release of all Israeli prisoners and hostages, disarmament or physical elimination of Hamas and Islamic Jihad militants, transfer of power in the sector to Palestinians peacefully disposed towards Israel. Jerusalem believes that only by achieving these goals and excluding the coming to power in the Gaza Strip and the West Bank of radical Palestinian groups can the security of the State of Israel be guaranteed. Based on this, the Israeli government in August 2025 approved Netanyahu's plan to occupy the Gaza Strip and expand the military operation in the Palestinian enclave.¹⁰ On the question of whether Israel could recognize the State of Palestine, the head of the Israeli Foreign Ministry Gideon Saar stated: "We will continue to fight against the creation of a Palestinian terrorist state in the heart of our homeland."¹¹

At the UN conference on July 30, 2025, 17 states, including Qatar, Egypt, Saudi Arabia and Jordan, supported by the European Union and the League of Arab States, for the first time condemned Hamas and the events of October 7, 2023, called for the disarmament of Hamas, its exclusion from the Palestinian governance system and clearly expressed intention to normalize relations with Israel in the future.¹² The so-called moderate Palestinian leaders, led by the president of the partially recognized State of Palestine Mahmoud Abbas, do not object to the PNA participation in the management of the Gaza Strip, but also advocate

Gaza] // Vedomosti, 28.07.2025. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/07/28/1127322-izrail-poshel-na-gumanitar-noe-peremirie-v-ohvachennoi-golodom-gaze>.

- 10 OON i nekotorye strany osudili reshenie Izrailya okkupirovat' Gazu [UN and Some Countries Condemned Israel's Decision to Occupy Gaza] // Interfax, 08.08.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1040281>.
- 11 Gideon Saar, glava MID Izrailya [Israeli Foreign Minister Gideon Saar] (@tikvahadasharu) // Telegram, 30.07.2025.
- 12 Arabskie strany v pervye osudili KHAMAS i prizvali k ego razoruzheniyu [Arab Countries for the First Time Condemned Hamas and Called for Its Disarmament] // TASS, 30.07.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24659899>.

Israel's return to the 1967 borders and recognition of East Jerusalem as the capital of a Palestinian state. The Netanyahu government is ruling out such a scenario and continues to be hardline about resolving the situation in Gaza and the Palestinian problem in general.¹³

Trump's Peace Plan Did Not Eliminate Contradictions

On September 29, 2025, during a meeting with Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu at the White House, U.S. President Donald Trump presented his 20-point plan for resolving the conflict in the Gaza Strip. The plan envisages the withdrawal of Israeli troops from the Gaza Strip and an end to the IDF military operation in exchange for the release by Hamas fighters within 72 hours after the ceasefire of all remaining hostages, the disarmament of the militants, the removal of the radical Palestinian movement Hamas and related groups from power in Gaza and the subsequent reconstruction of the sector's infrastructure. Gaza is proposed to be governed under the temporary transitional governance of a technocratic, apolitical Palestinian authority, responsible for delivering the day-to-day running of public services and municipalities for the people in Gaza. It is also proposed to develop and deploy in Gaza an International Stabilization Force (ISF), which will train and support Palestinian police units. Oversight and supervision over the temporal technocratic government in Gaza and implementation of planned reforms is proposed to be transferred to international transitional body, the "Board of Peace," which will be chaired by Donald Trump.¹⁴

13 Netan'yakhu nazval pyat' printsipov, kotorye obespechat pobedu Izrailya v Gaze [Netanyahu Named Five Principles That Will Ensure Israel's Victory in Gaza] // TASS, 14.08.2025. URL: <https://news.mail.ru/politics/67446806/>.

14 Ivanov S. Gaza: mirnyi plan ili ul'timatum [Gaza: A Peace Plan or Ultimatum] // Infoshos.ru, 04.10.2025. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=43556>.

It is expected that the full flow of humanitarian aid will begin upon entry into force of this agreement. The restoration of peaceful life in Gaza will take place in the face of promising investment proposals from the monarchies of the Persian Gulf and other Muslim states. A special economic zone will be established on the territory of the sector with preferred tariff and access rates to be negotiated with countries participating in the restoration of the Gaza Strip.

In essence, Trump proposed to cut the “Gordian knot” of this protracted conflict by linking an immediate ceasefire with the exchange of Israeli hostages and Palestinian prisoners (up to 2,000 people), demilitarization of the Palestinian enclave, and the establishment of an external governance mechanism. Hamas members who agree to surrender their weapons and renounce violence will be granted amnesty, and Palestinians who wish to leave Gaza will be given a safe evacuation corridor.

Paragraphs 18 and 20 of the plan propose to establish a dialogue process between Israel and Palestinians in order to agree “on a political horizon for peaceful and prosperous co-existence.” The 19th paragraph says about the self-determination of Palestine — the United States recognizes this as a natural desire, but believes that the conditions “for a credible pathway to Palestinian self-determination and statehood” can be created much later, as Trump’s plan is implemented. In the meantime, Washington shares and supports the views of the Netanyahu government to exclude from the negotiation process the issue of recognizing the State of Palestine.

The world community as a whole, including a number of Arab and Islamic states (Egypt, Jordan, Indonesia, Qatar, UAE, Pakistan, Saudi Arabia and Turkey), expressed support for Trump’s peace plan. On September 30, the Palestinian National Authority under the leadership of M. Abbas also expressed support for the efforts of the U.S. President to resolve the situation in the Middle East.

Palestinian radicals did not directly reject the plan proposed by Trump, but expressed doubt about the reality of the dates for the return of hostages outlined in it. At the same time, they are in no hurry to disarm and do not hide fears that Israel, when it receives hostages, may force the military operation *Swords of Iron*.

The prospects for the implementation of this plan rest on the continuing fundamental contradictions between Israel and Hamas, which, although significantly weakened, still enjoys the support of Palestinians not only in Gaza, but also in the West Bank. Iran, Qatar and Turkey are also not going to stop helping and supporting Palestinian radicals.

For Hamas, fulfilling the terms proposed by Trump means actually self-destructing. Israel, formally agreeing with the terms of Trump's plan, openly threatens Hamas with tightening force methods of pacifying the sector, reserves its freedom of action and demonstrates readiness to fulfill only points beneficial to it.

Time will show where Trump's peace initiative can lead, but so far it does not inspire optimism. For Washington, Israel remains the most important strategic partner in the Middle East, and its unilateral support by the United States without regard to Palestinian interests is unlikely to bring lasting peace to the region. It is possible that a fragile truce may be reached between Israel and Hamas, and there will be some progress in reducing tensions around Gaza, but in general, the long-standing Israeli-Palestinian conflict is unlikely to be resolved in the near future.

Role and Importance in the Middle East of the “Axis of Resistance” to Israel

One of the features of Israel's armed conflict with Palestinian Islamist groups in recent years has been an attempt to open a broad anti-Israeli front by connecting non-state Islamist groups from neighboring Arab countries to attacks of Palestinian radicals on the Jewish state. Among them are, first of all, the Lebanese Shiite military-political group Hezbollah (“Party of Allah”) and the Yemeni military group of the Houthis Ansar Allah (“Supporters of Allah”). In the Islamic Republic of Iran, these groups together with Palestinian radicals are called the “Axis of Resistance” to Israel and the United States.

In Syria, before the overthrow of the Bashar al-Assad regime on December 8, 2024, in addition to the Lebanese Hezbollah forma-

tions, detachments of Shiite mercenaries from Afghanistan, Pakistan, Yemen and Iraq were deployed. In Iraq, Tehran established proxy forces represented by the non-governmental military groups Hashd al-Sha'abi and Kata'ib Hezbollah (the Iranian authorities considered them an important part of the "Axis of Resistance" as well). After the regime change in Damascus, all pro-Iranian Shiite groups were forced to leave Syria. Arab-Sunni radical groups came to power in this country, which have not yet decided on their attitude towards neighboring Israel. In general, the "axis of resistance" in recent years has been able, with the help of Iran, to create formations of militants equipped with powerful arsenal of mortars, rocket launchers, missiles of various classes, anti-tank guided missiles (ATGMs), portable anti-aircraft missile systems (MANPADS), strike drones and other modern weapons.

With the start of Israel's military operation *Swords of Iron* in Gaza, the "Axis of Resistance" sharply intensified. On October 8, 2023, Hezbollah attacked the Israeli border and began shelling settlements in northern Israel. The IDF responded with airstrikes on the group's militants, destroying Hezbollah's military equipment and weapons.

The bombardment of Israeli territory by Hezbollah fighters and the IDF's counterattacks on the positions of this group ended with a large-scale military operation *Arrows of the North* and an invasion of the Israeli army in southern Lebanon on October 1, 2024. As a result, Hezbollah suffered significant losses in manpower, military equipment and weapons and was forced to go for a ceasefire. On November 27, 2024, a corresponding agreement was reached, according to which the armed detachments and infrastructure of Hezbollah were withdrawn from southern Lebanon to the north of the Litani river. The Lebanese army committed itself to establish control over the southern areas of the country along the border with Israel, which in turn withdrew all its troops from Lebanon.¹⁵

15 O dostizhenii soglasheniya o dolgovremennom prekrashchenii boevykh deistvii mezhdru Izrailem i «Khizballoi» [On Reaching an Agreement on a Long-Term Cessation of Hostilities Between Israel and Hezbollah] // Ministry

A little later, Israel and its allies — the United States and Great Britain — managed to significantly weaken the Yemeni group Ansar Allah, whose militants used drones and cruise missiles to strike Israeli territory and organized a blockade of the Red Sea and the Gulf of Aden against Israeli ships and ships of associated countries. The U.S. and British air forces launched large-scale missile and bomb attacks on positions, bases and clusters of Ansar Allah militants.¹⁶ The IDF also fired ballistic missiles at Houthis military installations.

Thus, Tehran's attempts to create a unified anti-Israeli front in the region proved untenable as a result of the military defeat of Hezbollah fighters in southern Lebanon, the forcible change of pro-Iranian regime in Syria, and missile and bomb attacks on Yemeni Houthis. Having eliminated the threats of Islamist attacks from Lebanon, Syria and Yemen, and significantly weakened Iran's military capabilities, the Netanyahu government has focused on eliminating Hamas and Islamic Jihad militants and military infrastructure in the Gaza Strip.

Influence of Regime Change in Syria on the Situation in the Country and Region

The fall of the Assad regime occurred on December 8, 2024 after the armed opposition and radical Islamist groups launched a decisive attack on Damascus in late November 2024. Radical Islamist groups that seized power in the country, led by the leader of the umbrella organization Hayat Tahrir al-Sham ("Committee for the Liberation of Syria") Ahmed Hussein al-Sharaa (also known by pseudonym

of Foreign Affairs of Russia, 27.11.2024. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1984062/.

16 SSHA i Velikobritaniya nanесли udary po pozitsiyam khusitov [United States and UK Launched Attacks on Houthis Positions] // RIA Novosti, 08.01.2025. URL: <https://ria.ru/20250108/khushity-1992816322.html>.

al-Julani)¹⁷ formed a transitional government. However, Damascus has not yet formulated a clear external and internal policy: the new regime is merely adjusting to circumstances, trying to achieve legitimacy in the international arena and stay in power at any cost. In the mixed camp of Assad's victors, internal divisions persist. There have already been armed clashes between Islamist fighters and Alawite, Druze, and Kurds; and not all Syrians share the ideology and political views of the radicals.

Tehran thus not only lost Syria, but also lost land and air communication with the Lebanese Hezbollah, as a result of which the Iranian project to increase Shia influence in the Middle East was suspended. Israel took advantage of this and, following the strengthening of its border with Lebanon, began to establish a so-called buffer zone in southern Syria in the Golan Heights. In December 2024, the IDF brought in its troops and carried out rocket attacks on the region. A few months later, the Israeli army, under the pretext of protecting Druze Arabs friendly to Jerusalem, launched missile attacks on the presidential palace in Damascus and several other Syrian settlements. Syrian President Ahmed al-Sharaa was forced to stop his Druze pacification military operation and withdraw troops from the southern areas of the country.¹⁸

In the current conditions, Ankara hopes to turn Syria into its protectorate, because since the beginning of the civil war in 2011 it has supported Syrian Islamists — adherents of the ideology of Muslim Brothers, secular armed opposition and Turkoman detachments in the north and northwest of the country.¹⁹ It should also be borne in mind that the Afrin region and several other territories in north-

17 *De facto* leader of Syria from December 8, 2024, the President of Syria for the transition period from January 29, 2025.

18 Veselov Yu. Siriya: goryachee leto 2025-go [Syria: Hot Summer of 2025] // Infoshos, 22.07.2025. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=42757>.

19 Gasanov K. Sokhranit li Turtsiya svoe vliyanie v Sirii? [Will Turkey Retain Its Influence in Syria?] // Valdai Discussion Club, 17.02.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sokhranit-li-turtsiya-svoye-vliyanie-v-sirii/>.

ern Syria remain under occupation by the Turkish army and its proxy forces.²⁰

Erdogan and his entourage call on the new Syrian authorities to conduct a military-punitive operation jointly with the Turkish Armed Forces against the Kurdish militia of the Rojava Autonomous Region in north and northeast of Syria, hoping that the border areas liberated from the Kurds could be populated by Sunni Arabs and Turkomans and thus a pro-Turkish “security belt” there might be created. Ankara is also planning to place Turkish military bases in Syria.

So far, the prospects for implementing this Turkish project are very problematic. As noted above, the radical Sunni Arab Islamists who came to power in Syria are heterogeneous in their political and ideological views, and they are not easy to manage. Calls by the new Syrian authorities to disarm militants and start forming a regular army and other security structures are still hanging in the air. At the same time, objectively, the opposition to Damascus can be not only Kurds, but also Alawite Arabs from the Latakia and Tartus provinces, Shiite Arabs, Druze Arabs, Arab tribes of Trans-Euphrates, as well as representatives of the secular part of the former anti-Assad coalition.

Attempts by the new regime to clean up the Alawite provinces from Assad supporters in March 2025 led to new armed clashes and large protests of the local population. About 9,000 Alawites and Shiites, fearing physical violence, took refuge at the Russian military base Khmeimim.²¹

In As-Suwayda and Deraa provinces in southern Syria on July 13–16, 2025, a large-scale armed conflict took place between

20 Semenov K. Turetskie “protektoraty” v Sirii: upravlenie i integratsiya [Turkish “Protectorates” in Syria: Governance and Integration] // RIAC, 03.10.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskie-protektoraty-v-sirii-upravlenie-i-integratsiya/>.

21 MID nazval chislo ukryvshikhsya na rossiiskoi baze v Sirii zhitelei [The Russian Foreign Ministry Named the Number of Residents Who Have Taken Refuge in a Russian Base in Syria] // RBC, 13.03.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/13/03/2025/67d2da399a79477c13b19131>.

the self-defense units of the Druze Arabs²² and the Bedouin Arabs of one of the local tribes. The latter were supported by the “law enforcement forces” of the Islamist group Hayat Tahrir al-Sham, whose leader is the president of Syria.

The Islamist attack on Druze settlements was accompanied by looting and killing of civilians. Only a decisive intervention by the Israeli armed forces in this conflict has been able to prevent its escalation and mass casualties among the Syrian Druze. After Israeli shelling of the positions of the “law enforcement forces” and attacks by the Israeli Air Force on the presidential palace, the building of the Ministry of Defense in Damascus and other Syrian military facilities, Ahmed al-Sharaa recalled his military units and called on the Bedouin Arabs to cease fire and any hostilities against the Druze.

The Islamists who seized power in Damascus have not yet succeeded in establishing an inclusive government that expresses the interests of all population groups and political forces. Spontaneous protests are being brutally suppressed by the new authorities. Rojava Autonomous Region in northern and north-eastern Syria, which is managed by the administration of the Kurds and the Arab tribes of Trans-Euphrates, remains outside the control of Damascus. Well-armed and experienced in fighting against the gangs of the Islamic State Kurdish militias and their Arab allies with the support of a small U.S. military contingent (about 1,000 soldiers of special forces and army aviation) express readiness to negotiate with the new authorities in Damascus and participate in building a future state, but demand guarantees of maintaining their autonomous status in the new constitution.

Cities and towns in most of the country are in ruins, infrastructure, housing, health and education systems, water and electricity systems are destroyed, and there is an acute shortage of fuel, food and

22 The Druze are a rather closed ethno-religious group of Arabs with a particular religion based on Ismaili Shiism with elements of Judaism. They live compactly in the south of Syria and around Damascus (about 800,000 people), in northern Israel (about 200,000) and in Mount Lebanon (about 350,000). In Israel they are full-fledged citizens, serve in the army, special services, enjoy great influence and authority.

medicine. Of the 22 million people of the pre-war population of Syria in the territory controlled by Damascus (even taking into account the high birth rate), only about 15 million people remained.²³ Approximately 6 million Syrians in refugee status live in tent camps in neighboring countries (Turkey, Lebanon, Iraq, Jordan, Egypt), about one million in EU countries, 5 million in the Rojava Autonomous Region and on the East Bank of the Euphrates River.²⁴ The likelihood of a continuation of the civil war in Syria with the possible intervention of the Turkish or Israeli Armed Forces remains.

The United Nations Development Programme (UNDP) predicts that, at the current growth rate, the Syrian economy will be able to return to pre-war levels no earlier than 2080. Currently, nine out of ten Syrians live in poverty. To reduce the country's recovery period to ten years, annual economic growth should increase sixfold.²⁵

In general, it is still difficult to talk about the future of Syria and its disintegration into enclaves like Libya or Yemen cannot be ruled out. The determining factor will be the ability of the new authorities to consolidate Syrian society and create conditions for the restoration of the state through the adoption of a new constitution, the holding of general parliamentary and presidential elections.

Consequences of U.S. and Israeli Strikes on Iran

According to diplomatic sources, for several months until mid-2025, indirect negotiations on the Iranian nuclear program were conducted

23 Syria's Population // United Nations Department of Economic and Social Affairs: Population Division, 21.10.2025. URL: <https://countrymeters.info/en/Syria>.

24 Author's estimate.

25 UNDP Calls for Long-Term Investment to Support Recovery in Syria // United Nations, 20.02.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/02/1160346>.

between the United States and Tehran under the mediation of the Sultanate of Oman, and there was still hope for a conflict-free solution. On the eve of the attacks of Israel and the U.S. on Iran, the head of the International Atomic Energy Agency (IAEA) Rafael Grossi said that the agency had no reliable data about Iran's intentions to create nuclear weapons.²⁶ Tulsi Gabbard, the director of the U.S. National Intelligence, spoke in the same context.²⁷

This did not prevent Israel at first, and then the United States, from striking nuclear and other strategically important Iranian facilities. It is possible that the reason for this decision was the information of the IAEA that Iran had 400 kg of uranium enriched to 60%,²⁸ or some data from the Israeli and American special services on the Iranian nuclear program.

On the night of June 12–13, Israel launched a large-scale military operation against Iran. Around 3 a.m. the Israeli Air Force attacked key Iranian facilities of strategic importance: uranium centers in Natanz and Isfahan, missile bases in Kermanshah and Khorramabad, as well as Tehran, Isfahan, Tabriz and other major cities. The targets of the Israeli attacks were missile bases, air defense facilities, industrial enterprises related to ballistic missile production and nuclear technology, as well as representatives of the country's military leadership and Iranian nuclear scientists.

26 No Evidence Iran Is Actively Pursuing Nuclear Weapons: IAEA Chief // The Business Standard, 19.06.2025. URL: <https://www.tbsnews.net/world/no-evidence-iran-actively-pursuing-nuclear-weapons-iaea-chief-1168876>.

27 Trampa ne volnuet zayavlenie o tom, chto Iran ne sozdaet yadernoe oruzhie [Trump Doesn't Care About the Statement That Iran Is Not Building Nuclear Weapons] // TASS, 17.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24242585>.

28 Acton J.M. Opinion: JD Vance Said the Iran Strikes Set Their Nuclear Program Back "Substantially." He's Wrong // Politico, 23.06.2025. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2025/06/23/iran-strikes-nuclear-program-00419268>; Iran-Israel Crisis: IAEA Chief Called for Access to Damaged Nuclear Sites // United Nations, 23.06.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/06/1164766>.

The missile strikes were carried out by Israel using aircraft and precision weapons, including cruise missiles and drones. The attack also involved special forces and an Israeli agency inside Iran. Apparently, this IDF military operation was being prepared long before these events and was well conspired.

In the run-up to the IDF strike, Israel's intelligence services secretly transported a large number of precision weapons and drones to Iran, placed them near air defense facilities, which were then damaged or destroyed. According to some reports, Israeli intelligence agents of MOSSAD have identified in advance the location of the country's top military leadership, nuclear physicists and specialists involved in the Iranian nuclear program. High-precision strikes were inflicted on them, practically on their apartments and houses.²⁹

Despite the significant damage and losses from Israeli strikes in offensive weapons, Iran managed to carry out the response military operation True Promise 3 on June 13, 2025.³⁰ With a massive strike of its missiles and drones, Iran was able to damage Israel's infrastructure, military and civilian facilities in Tel Aviv and other parts of the country.

However, the missile strikes on Iran continued. On the night of 21–22 June, 2025, six GBU-57A heavy bunker bombs were dropped from B-2 stealth strategic bombers of the U.S. Air Force on the Fordow complex, located deep in the rocks 150 km south of Tehran. Presumably, these bombs of about 14 tons are capable of penetrating to a depth of 60 m and breaking through concrete slabs.³¹ In addition to the Fordow enrichment plant, the U.S. attacked two other Iranian

29 Sazhin V. Izrail' atakoval Iran — posledstviya [Israel Attacked Iran — The Consequences] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 13.06.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/51855>.

30 KSIR: Iran nanes otvetnyi udar po voennym ob"ektam i aviabazam Izrailya [IRGC: Iran Retaliates Against Israeli Military Facilities and Air Bases] // TASS, 13.06.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24214849>.

31 Ritchie N. GBU-57 Massive Ordnance Penetrator // *Defence Today*, 19.06.2025. URL: <https://www.defencetoday.com/equipment-profiles/gbu-57-massive-ordnance-penetrator/>.

nuclear facilities — in Isfahan and Natanz. According to the media, about 30 Tomahawk missiles were fired at them from submarines located approximately 640 km from the targets.³²

The data of Iran, the United States and Israel on the consequences of strikes on Iran differ, but experts express opinion that Iran's nuclear program has been pushed back a year and a half or two; leading nuclear physicists, a number of military leaders and the leadership of the Iranian Revolutionary Guard Corps (IRGC) were killed; the material and technical base of Iran's nuclear program, including its headquarters, archives, laboratories and test equipment, has been destroyed; significant damage was caused to the Iranian air defense system, aviation and missile complex. In Jerusalem and Washington, it is no secret that the purpose of attacks on Iran was not only to stop its nuclear and missile programs, but also to get Iran to suspend support for its proxy forces in the region. The option of displacing the theocratic regime in Tehran due to the spontaneous protest of the broad masses was not ruled out too.

Iranian officials, commenting on the U.S. bombing of uranium enrichment facilities, claim that they have ended inconclusively. At the same time, many experts outside of Iran believe that the facility in Fordow has been damaged, but only partially, and can be restored. Technical capabilities of the production of centrifuges, the conversion of gaseous uranium (uranium hexafluoride) to uranium metal, as well as the capabilities of assembling nuclear weapons, carrying out other activities in the nuclear field, and the high potential of scientific and technological personnel have been preserved by Tehran.³³

32 Pri udarakh po Iranu SSHA byli zadeistvovany shest' bombardirovshchikov B-2 i podvodnye lodki [Six B-2 Bombers and Submarines Were Used in the U.S Attacks on Iran] // Interfax, 22.06.2025. URL: <https://www.interfax.ru/world/1032561>.

33 Acton. Op. cit.; Lyman E. Iran Can Steel Build Nuclear Weapons Without Further Enrichment. Only Diplomacy Will Stop It // Bulletin of the Atomic Scientists, 02.07.2025. URL: <https://thebulletin.org/2025/07/iran-can-still-build-nuclear-weapons-without-further-enrichment-only-diplomacy-will-stop-it/>.

It is important to note that all works and materials that became the target of attacks by Israel and the U.S. in June 2025 were banned or controlled by Iran's 2015 multilateral agreement with the leading powers on its nuclear program (Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA). The United States withdrew from this agreement by decision of the first administration of Donald Trump in 2018, after which Iran considered itself entitled to resume nuclear activities limited by the JCPOA. As a result, in 2025, this became the cause of conflict (war) between two nuclear powers, one of which — Israel — is not a member of the Non-Proliferation Treaty (NPT). In general, the extent of damage to the nuclear proliferation regime caused by this conflict has yet to be assessed.

It is now quite difficult to predict the further course of events in Iran and around it. It should not be ruled out, in particular, the possibility of continuing the dialogue of Iranian representatives with the parties to the agreement on Iran's nuclear program (JCPOA) — Russia, China, Great Britain, France and Germany.

There is also information that the top leadership of Iran is discussing in a narrow circle the terms of resumption of negotiations with the U.S. on the nuclear program.³⁴ According to Western media agencies, the reason for such an initiative was the fear that the political system of the Islamic Republic of Iran could not withstand another full-scale military confrontation and the return of UN Security Council sanctions.³⁵ Meanwhile, moderate circles within the Iranian political elite are proposing to go further and initiate radical political reforms in order to prevent intra-civil conflict and the collapse of the power vertical.³⁶

34 Kerbelov N. Tegeran svorachivaet s tropy voyny [Tehran Turns off the Path of War] // Kurdistan.ru, 17.08.2025. URL: https://kurdistan.ru/2025/08/17/articles-50268_Tegeran_svorachivaet.html.

35 UN Security Council Rejects Bid to Continue Iran Sanctions Relief // United Nations, 19.09.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/09/1165891>.

36 Kerbelov. Op. cit.

Later, on September 27, 2025, the UN Security Council on the initiative of the European troika (Great Britain, France, Germany) restored restrictive sanctions against Iran. The representatives of these countries considered that Iran was not fulfilling its obligations under the JCPOA of October 18, 2015, and therefore the rapid reaction mechanism (snapback) provided by the JCPOA and UN Security Council Resolution 2231 was activated.³⁷ Russia and China opposed the restoration of sanctions, proposing to adopt a resolution on the technical postponement of the introduction of snapback for six months, but it was blocked on September 26 at a meeting of the UN Security Council.

If we summarize the preliminary results of the armed conflict between Iran and Israel on June 13–25, 2025, it can be concluded that the fundamental political and ideological contradictions between Iran and Israel will obviously persist for a long period. Jerusalem, under the pretext of its national security being threatened by radical Palestinian organizations, including Hamas, at this stage excludes the possibility of recognizing a Palestinian state and prefers to solve the Palestinian problem by force. Tehran, in turn, does not abandon the idea of destroying Israel as a “Zionist entity” hostile to the countries of the Middle East region, elevated to the rank of key foreign policy and ideological imperatives.

At the same time, the calculations of some politicians in Israel and the U.S. to undermine the theocratic regime in Tehran did not pay off. On the contrary, Israel’s attacks on Iran have largely rallied the Iranians in the face of a common threat. Despite the country’s serious finan-

37 UN Security Council Blocks China-Russia Resolution on Iran Sanctions // United Nations, 26.09.2025. URL: <https://news.un.org/en/story/2025/09/1165974>; E3 Joint Statement on Iran: Activation of the Snapback // Government of the United Kingdom, 28.09.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/e3-joint-statement-on-iran-activation-of-the-snapback>.

cial and economic crisis,³⁸ which is developing also due to the continued sanctions of the U.S. and its allies, Iran remains a powerful regional power with great scientific, technological, industrial and defense potential. The country has the capacity and resources to recover from Israeli and U.S. strikes in the coming months. It should be noted that the country's economy is also suffering from the inefficiency of the public administration system. Iranian economist Morteza Afghan, characterizing the financial and economic crisis that gripped Iran, stated: "The main root of the current situation is philosophical and influenced by the non-developmental value system of the decision-makers."³⁹

However, Iran, which has been under sanctions for years, is well adapted to the sanctions regime of the U.S. and Western countries; besides, Tehran expresses its readiness to be more flexible in its relations with the EU. In addition, China, India, the Russian Federation, many Arab, African and Muslim countries continue to develop cooperation with Iran in all areas, and IRI is a full member of the UN, International Monetary Fund, Shanghai Cooperation Organization and OPEC.

In general, at the end of 2025 in the Middle East region, besides major regional conflicts (Iran-Israel and Palestine-Israel), many internal conflicts remain unresolved — in Palestine (between Hamas and Fatah), Libya, Yemen, Syria, Lebanon, Iraq. The term "failed state" can be applied to any of these countries. The Middle East today is also characterized by the emergence of non-state actors in the political arena, such as radical Islamist military-political groups that not only undermine the statehood of their countries, but are also increasingly involved by external forces in regional conflicts. In this regard, the intensification of the actions of the Islamic State and similar international terrorist groups in the region cannot be ruled out.

38 For more details see Sazhin V. Iran: itogi neprostogo 2024 goda [Iran: The Results of a Difficult 2024] // *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 26.12.2024. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/49552>.

39 Iran's Economic Woes Run Deeper Than Sanctions, Economist Says // *Iran International*, 26.03.2024. URL: <https://www.iranintl.com/en/202403252126>.

Regional Security as Perceived by Tehran

EVDOKIA DOBREVA

NIKOLAY SURKOV

The senior leadership of the Islamic Republic of Iran has repeatedly stated that the U.S. military presence near Iranian borders destabilizes the situation. Similarly, Iran perceives Israel as a springboard for the implementation of U.S. policy in the region. Ideologically, Tehran does not recognize the legitimacy of the State of Israel, calling it a “Zionist regime” and a “cancerous tumor” in the region that must be eliminated.

The Outcome of the 2025 War

After Israeli June strike on Iranian territory in 2025, this threat became a reality for Tehran. The 12-day Iran-Israel war was the first open interstate conflict between Iran and Israel. The campaign began with surprise strikes by the Israeli Air Force on military and nuclear facilities in Iran, accompanied by targeted killings of military and political leaders and scientific personnel. In response, Iran carried out a series of combined missile and drone attacks (a total of over 500 ballistic missiles and about a thousand UAVs), which resulted in dozens of direct hits on Israeli territory, with a high percentage of interceptions by the air defense.¹ On June 22, the U.S. launched limited strikes with bunker buster munitions on the nuclear center in Natanz, the Fordow uranium enrichment plant, and the nuclear technology center in Isfahan. After that, on June 24, a ceasefire was agreed upon through the mediation of Washington and Qatar.

Estimates of the damage vary: the U.S. administration claims that the strikes set Iranian nuclear program back by 1–2 years, while Iran reported significant damage, although the facilities were not completely destroyed. In Israel, 28 people were killed and over 3,000 were injured, while in Iran, the death toll exceeded 600, as con-

1 Twelve Days That Shook the Region: Inside the Iran–Israel War // Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED), 04.07.2025. URL: <https://acleddata.com/2025/07/04/qa-twelve-days-that-shook-the-region-inside-the-iran-israel-war>.

firmed by both international and Iranian sources.² Overall, the campaign revealed the vulnerability of Iranian air defense to a high-tech adversary and the limited resources of the Islamic Republic for a protracted war. Israel avoided a scenario of war on several fronts because key Iranian proxy forces were not involved in the conflict. As a result, both sides preferred de-escalation in order to minimize strategic costs.

Neighbors as a Danger

In addition to the United States and Israel, Tehran also sees threats from certain regional powers. First and foremost among these are Saudi Arabia and other Gulf monarchies, which Iran perceives as rivals for influence and accuses of supporting American policy. Despite the normalization of diplomatic relations between Tehran and Riyadh in 2023, the Iranian leadership still takes a negative view of the Saudi-led coalition's military campaign in Yemen, seeing it as aggression against the Ansar Allah movement, which is close to Tehran. From Iran's perspective, KSA policy continues to serve the interests of the U.S. and Israel, undermining the security of the Islamic world, with Saudi Arabia itself acting as a "puppet of the West" in the region.

Tehran has tense relations with the Sunni monarchy of Bahrain, where the Shiite majority is discriminated against: it is accused of supporting local opposition groups. Iran maintains more pragmatic contacts with the UAE and Kuwait, but Tehran is concerned about these countries' cooperation with Israel, particularly the Abraham Accords. Turkey is an important neighbor, and trade and economic partner, but its expansionist ambitions and NATO membership are perceived as sources of risk. During the Syrian conflict, Iran viewed Turkey's military presence in northern Syria and Iraq with suspicion, fearing

2 Israeli Strikes Leave 627 Dead, 4,870 Wounded Across Iran // IRNA, 25.06.2025. URL: <https://en.irna.ir/news/85873076/Israeli-strikes-leave-627-dead-4-870-wounded-across-Iran-Health>.

an increase in Turkish influence in areas traditionally considered by Tehran to be within its own sphere of influence.

After the change of power in Damascus in 2024, Turkey's role in the Syrian settlement has grown significantly. This has become a challenge for Iran, as the ousting of pro-Iranian forces from Syria is perceived as a strategic loss. In addition to Syria, the countries are also competing in the South Caucasus: Ankara, together with Baku, is promoting the "Zangezur Corridor" as a through link between Nakhchivan and the rest of Azerbaijan and part of the Middle Corridor, while Tehran considers the extraterritorial option a threat to its access to Armenia and is lobbying for an alternative through Iran. In 2025, the U.S. proposed a compromise logistics project called TRIPP, which Turkey welcomed but Iran viewed with caution. Communications in the South Caucasus are becoming an arena of competition for control of logistics and influence from the Caspian Sea to the Black Sea.

At the same time, Turkey is seen as a key partner in energy transit, trade, and regional security. Joint mechanisms such as the Astana Process allow Iran and Turkey to maintain channels for dialogue. Overall, as of 2025, Iran does not view Turkey as an immediate military threat, but is concerned about its growing geopolitical ambitions.

Finally, Iran sees transnational terrorism and extremism as serious threats. The emergence of ISIS and other radical Sunni groups in the 2010s posed a direct challenge to Iran's security. When the Islamic State seized vast territories in neighboring Iraq and Syria, Iran perceived this as a threat requiring immediate response beyond its borders.

New Configuration of the "Axis of Resistance"

Iran has developed a proactive regional security strategy. Its essence is to move the line of defense as far away from national borders as possible, using allies, armed groups, and asymmetric means to neutralize threats at a distance. This approach is also sometimes referred to as a "forward defense strategy" or "security export."

The founder of the Islamic Republic, Imam Khomeini, proclaimed the goal of exporting the Islamic revolution, and this goal eventually transformed into the idea of creating a belt of allies in the Muslim world. Initially, the idea was to encourage the masses to rise up in Islamic revolutions, but over time, the focus shifted to supporting paramilitary groups. The Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) created a special unit called Al-Quds, responsible for operations abroad, from Lebanon and Palestine to Afghanistan. The “Axis of Resistance” became the collective name for a coalition that includes, in addition to Iran itself, a number of states and non-state actors united against common enemies: the West, Israel, and Sunni extremism.³ All of them receive some form of support from Iran — financial, military, or advisory. Their actions are often consistent with Iran’s interests, although the degree of control varies.

This expansion strengthened Iran’s position as one of the leading regional powers capable of challenging the interests of the U.S. and its allies. However, the dramatic events of 2024 called into question the effectiveness of the previous instruments.

Around Israel

During the armed conflict with Israel in 2023–2024, the Lebanese Hezbollah, Iran’s main and oldest proxy, suffered heavy losses. According to Reuters, up to 4,000 Hezbollah fighters were killed during 14 months of fighting against Israel, and the movement’s infrastructure in southern Lebanon and the southern suburbs of Beirut was left in ruins.⁴ Moreover, Hezbollah’s long-time leader, Sheikh Hassan Nas-

3 This “axis” includes: Hezbollah in Lebanon; Shiite militias in Iraq (Badr Organization; Kata’ib Hezbollah; Asa’ib Ahl al-Haq; Harakat Hezbollah al-Nujaba; Kata’ib Sayyid al-Shuhada; Kata’ib al-Imam Ali; Saraya al-Khorasani; Kata’ib Jund al-Imam; as well as Saraya al-Jihad, Harakat Ansar Allah al-Awfiya, etc.); Yemeni Houthis (Ansar Allah); to varying degrees, Palestinian groups (Hamas, Islamic Palestinian Jihad, Harakat al-Sabireen).

4 Bassam L., Perry T., Gebeily M. Still Counting Its Dead, Hezbollah Faces Long Road to Recover from War // Reuters, 28.11.2024. URL: <https://>

rallah, was killed, which greatly undermined the morale of the entire “Axis of Resistance.” During the 12-day Iran-Israel war, the organization did not open a full-scale northern front, limiting itself to sporadic attacks along the Blue Line.⁵ However, the complete demilitarization of Hezbollah does not seem realistic. The situation in Lebanon remains difficult due to a deep economic crisis and political vacuum. Hezbollah and the pro-Iranian Shiite camp face criticism within the country, but still retain decisive positions.

Iran maintains contacts with Islamist groups in Gaza and has increased its funding for Islamic Jihad. Relations with Hamas, which had deteriorated during the Syrian war, were restored after 2021 against the backdrop of the war in Gaza. However, Israeli campaign in Palestine has greatly weakened the capabilities of Palestinian groups. Tehran has publicly condemned Israel’s actions in Gaza and promised to restore the “resistance,” although it has avoided direct intervention. In 2025, the Palestinian issue remains a symbolic front for Iran to exert pressure on Israel.

The Loss of Syria

Until the end of 2024, Syria was the cornerstone of Iran’s security strategy. The collapse of the 50-year-old Assad dynasty was a strategic defeat for Tehran. Its main ally was lost, and Iran’s long-standing efforts to preserve its “35th province” proved futile. While there were up to 570 Iranian military facilities (including 55 bases)⁶ in Syria

www.reuters.com/world/middle-east/hezbollah-faces-long-recovery-officials-fear-thousands-fighters-lost-israel-2024-11-27/.

5 Chughtai A. Visualising 12 Days of the Israel–Iran Conflict // Al Jazeera, 26.06.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/6/26/visualising-12-days-of-the-israel-iran-conflict>. The Blue Line is a demarcation line south of the Litani River with no armed forces except the LNA and UNIFIL.

6 Eilam E. Why Israel and Iran Had Decided to Avoid a Long War // RUSI, 07.07.2025.

by 2023, this infrastructure was lost after the change of power, with pro-Iranian forces either leaving the country or being pushed out.

The vacuum of influence was quickly filled by other players. Turkey strengthened its control over the north by supporting the Syrian National Army and advancing deeper into the country, its protégés captured Tel Rifaat and Manbij, for example, pushing back Kurdish forces. Russia, which gave Assad refuge, retained its bases in Tartus and Hmeimim, but had to build relationships with rival factions and temporary administrations.

Damascus' departure from Tehran's orbit destroyed the land corridor from Iran to Lebanon that had been created by that time, sharply complicating the supply of Lebanese Hezbollah and other allies. Without an allied regime in Damascus, it lost its secure back areas and weapons' shipment channel, which increases its vulnerability. Tel Aviv has established a buffer zone on the Syrian-Israeli border to prevent the return of pro-Iranian forces.

The Relations with Iraq

Neighboring Iraq is an example of a complex, dramatic relationship with Iran. After Saddam Hussein was overthrown in 2003, Shiites began to play a key role in politics in the new Iraq, and many leaders of post-war Iraq had previously been in exile and educated in Iran. A Shiite government loyal to Iran was established in Baghdad, and numerous pro-Iranian militias, created from Shiite volunteers, especially during the fight against ISIS, became a key military force.

In fact, Iraq is now within Iran's sphere of influence. In addition to political and religious ties, economic cooperation has developed, with Iraq dependent on Iranian gas and electricity supplies. During the war with ISIS (2014–2017), Iran quickly sent military advisers to Iraq, including General Suleimani, and helped organize the Hashd al-Shaabi militia. Tehran viewed this campaign as a defense of its borders in the distant approaches.

At the same time, post-war Iraq remains a field of hidden rivalry between Iran and the U.S. American troops are partially present in Iraq,

and Iran is demanding their complete withdrawal, using loyal Shiite forces to exert pressure. The assassination of General Suleimani and Iraqi commander Abu Mahdi al-Muhandis in 2020 took place on Iraqi soil, demonstrating the extent to which Iraq has become an arena of confrontation. Iran seeks to prevent the resurgence of anti-Iranian forces in Baghdad, supports the unity of Shiite parties, and integrates Sunnis and Kurds into Iraqi politics as much as possible to prevent the country from splitting apart. In essence, Iraq today is Iran's "little brother." It is extremely important for Iran's security that Iraq remain friendly and not, under any circumstances, become a springboard for hostile forces again.

The War in Yemen

The Ansar Allah movement in Yemen is another important ally of Iran. Tehran viewed the Houthi movement as an opportunity to establish a foothold on the Arabian Peninsula, right on Saudi Arabia's southern border. After the war in Yemen began in 2015, Iran actively, albeit covertly, supported the Houthis politically, with information, and, according to Western intelligence, with weapons, including ballistic missile technology and drones. Iran officially denies military involvement in Yemen, claiming only humanitarian and diplomatic support. The Houthis are capable of increasing Tehran's strategic pressure by striking shipping or targets in southern Israel, but Iran retains the right to choose the timing, scale, and geography of the use of force, which distinguishes it from Hezbollah, which is more tightly integrated into Iran's orbit.

From an ideological point of view, the Islamic Republic of Iran justifies its strategy by referring to the Islamic duty to help the "oppressed" and fight imperialism. In fact, Iran has successfully created a transnational Shiite coalition that can respond quickly to security challenges.

The Security Mechanics

The most important element of Iran's security strategy is its missile forces. Ballistic missiles of various ranges are the pride and mainstay of Iran's defense capabilities. After the war of the 1980s, when Iranian cities were subjected to missile attacks, Tehran decided to focus on developing its own missile weapons. Iran now has the largest arsenal of ballistic missiles (with a range of up to 2,000 km and more) and cruise missiles, as well as strike drones, in the Middle East. These weapons are capable of reaching enemy bases throughout the region, from airfields in the Persian Gulf to Israeli territory. Iran sees missiles as its main deterrent, an "asymmetric response" to the technological superiority of the U.S. and Israeli air forces. With these missiles, Iran threatens to inflict unacceptable damage on its enemies in the event of an attack.

Through a multi-front deterrence system, a distributed network of proxies and allied forces, a so-called "Ring of Fire" has been created around Israel. Iran and its allied forces are creating a belt of launching areas around the enemy — from Lebanon, Gaza, Syria (until 2024), Iraq and Yemen. The idea was to launch coordinated missile and drone salvos from different directions in the event of a crisis, overloading the enemy's air defense, increasing the cost of escalation, and deterring preemptive strikes.⁷

In April 2024, during Operation True Promise in response to Israeli strikes on the Iranian consulate in Damascus, the "Ring of Fire" had limited effect. Iran launched over 300 weapons. However, coalition air defenses (the U.S., the U.K., France, Jordan) intercepted the vast majority, and the effect of "multi-front pressure" was largely symbolic.⁸

7 راهبرد خردمندانه حلقه آتش (Rāhbord-e kheradmandāne-ye halqe-ye ātash) [The Wise Strategy of the Ring of Fire] // Iranian Diplomacy, 12.12.2024. URL: <http://www.irdiplomacy.ir/fa/news/2030267/>.

8 U.S., U.K. and Jordan Intercept Many of the Iranian Drones Headed to Israel // The Times of Israel, 14.06.2024. URL: <https://www.timesofisrael.com/us-uk-and-jordan-intercept-many-of-the-iranian-drones-headed-to-israel/>.

In June 2025, during the 12-day Iran-Israel war, the “ring” was even weaker. Iraqi forces mostly “held back,” a weakened Hezbollah did not open a full-scale front, the Syrian link fell away after the regime collapsed, and the confrontation was mainly bilateral in nature — massive Iranian launches against Israeli air defenses.⁹ This confirmed the weakening of the potential for synchronized escalation and the shift of the “Ring of Fire” function to episodic participation.

However, such regional policies come at a cost to Iran itself. First, there is the economic burden: supporting allies is expensive, given that Iran is under sanctions and its economy is struggling. For example, it was not easy to support Hezbollah (according to various estimates, Iran allocated about \$700 million a year to it) and simultaneously finance operations in Syria.¹⁰ Second, there are human losses: several thousand Iranian military advisers and volunteers have died in Syria and Iraq, raising questions in Iranian society. Not everyone in Iran approves of such active intervention abroad, especially against the backdrop of domestic socio-economic problems. During the protests of 2017–2019, some demonstrators chanted, “Neither Gaza nor Lebanon — my life for Iran!”, expressing dissatisfaction with the state spending money on foreign allies instead of improving the lives of its citizens.¹¹

9 Malik H., Knights M. Iraqi Militias Show Cohesion and Restraint During Iran-Israel war // The Washington Institute Policy Analysis, 19.06.2025. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iraqi-militias-show-cohesion-and-restraint-during-iran-israel-war>.

10 افشای کمکهای صد‌ها میلیون دلاری--دولار هزینہ برای ایران (Efshā-ye sad-hā milyun dōlār hazīne-ye Iran barāye goruh-hā-ye mousum be moghāvat) [Disclosure of Iran's Hundreds of Millions of Dollars in Spending on So-called Resistance Groups] // IranWire, 01.04.2023. URL: <https://iranwire.com/fa/news-1/115755--دولار-صد-ها-میلیون-دلاری-افشای-کمکهای-صد-ها-میلیون-دلاری-دولار-هزینه-برای-ایران>.

11 نه غزه نه لبنان جانم فدای ایران (Na Ghaze Na Lobnān, Jānam Fadā-ye Irān) [Neither Gaza nor Lebanon, My Life for Iran] // Wikipedia, [n.d.]. URL: https://fa.wikipedia.org/wiki/ایران_جانم_فدای_ایران.

However, Iranian strategic culture is dominated by the view that if Tehran does not extend its influence in the Middle East, the vacuum will be filled by enemies, and Iran will then face new wars on its own territory.

The Change of the Regional Power Balance

The events described took place in 2024–2025 had a significant impact on Iran's relations with key players. Relations with Israel have clearly entered a new, extremely tense phase: although the direct confrontation has ended, mutual hostility has only intensified. Israel has declared a “glorious victory” and will continue its policy of containing Iran, building up its military capabilities and seeking to create a coalition against the Islamic Republic. Tehran has stated that Israeli aggression only strengthens its determination to “wipe the Zionist regime off the map” in the long term.

Both sides interpret the ceasefire of June 24, 2025, as a temporary truce. Israeli military leaders emphasize that “if Iran continues its nuclear development, the Israel Defense Forces will launch new strikes against it.”¹² Iranian official rhetoric is symmetrical in meaning: a post-war statement by the IRGC promises that “we will not refrain from any action to consistently punish [the enemy].”¹³

Overall, the configuration of the “Axis of Resistance” has changed. Whereas previously it stretched from Tehran through Baghdad and

12 کنیم می حمله دوباره برود اتمی سلاح سمت به باز ایران اگر: اسرائیل ارشد ام (Maqām-e arshad-e Esrāil: agar Irān bāz be samt-e selāh-e atomī beravad, dobare hamle mikonim) [Senior Israeli Official: If Iran Continues to Develop Nuclear Weapons, We Will Launch a New Strike] // Iran International, 27.06.2025. URL: <https://beta.iranintl.com/202506277011>.

13 بیانیه-پایانی-سپاه-پس از آتش-بس ایران و اسرائیل منتشر شد (Bayaneye pāyāni-ye Sepāh pas az ātashbas-e Irān va Esrā īl montasher shod) [IRGC Statement Released After Truce Between Iran and Israel] // Ettelaat, 25.07.2025 URL: <https://www.ettelaat.com/news/100373/-پس-از-آتش-بس-ایران-و-اسرائیل-منتشر-شد>.

Damascus to Beirut and Gaza, Iranian influence is now more fragmented, relying on its remaining strongholds (Baghdad, Beirut, Sana'a) and requires the rearmament of old allies and the search for new ones.

The region's reaction to the events of the 12-day war appears ambiguous. On the one hand, the six Arab monarchies that make up the Gulf Cooperation Council unofficially welcomed the weakening of Iran, which they continue to see as one of the main threats to their security. On the other hand, Iran's Arab neighbors unanimously condemned the Israeli and U.S. strikes on Iran and expressed concern about a possible further escalation of tensions in the region. Over the past two decades, the main danger posed by Tehran to the Gulf monarchies has been its policy of regional expansion through the destabilization of regimes in other countries and the creation of a network of proxy groups.

After the 12-day war, publications in influential Saudi media outlets directly point to the collapse of Iranian influence in the Middle East. Observers compare what happened to the collapse of Nasserism after Egypt's defeat in the 1967 Arab-Israeli war.

Since the 2000s, Iran has been perceived by the Arab masses as the only regional power that is not afraid to challenge the "Zionists" and America. And Tehran has successfully used this image to strengthen its prestige and promote its agenda. This continued until the 12-day war, which demonstrated the IRGC's inability to deter Israel, protect its strategic allies, or even its own territory. In other words, we are talking about the actual expulsion of the Iranians from the Levant, and possibly from the entire Middle East.

Until the recent conflict, it was generally believed that Iran might need nuclear weapons not as a tool for direct aggression, but as a means of deterrence and a guarantee of non-aggression by stronger countries, primarily the U.S. After Iran's de facto defeat in the 12-day war, regional observers have expressed concern that it is the nuclear program, rather than proxy groups, that will save the regime in Tehran. Analysts from the UAE are considering a scenario in which Iran could follow the example of North Korea and begin accelerated development of nuclear weapons in order to prevent further foreign military intervention aimed at regime change.

It is noteworthy that all six Arab monarchies condemned the Israeli and American strikes on Iran. They did everything possible to remain neutral. Their neighbors' greatest fears are caused by the scenario in which Iran is unable to guarantee the survival of the regime through nuclear weapons and is then forced to act by conventional means (ballistic missiles and drones) against the U.S. bases in the Gulf, creating risks for vulnerable infrastructure and shipping in the Strait of Hormuz. The negative economic impact of such events would be enormous, as the prosperity of the Gulf monarchies depends on the uninterrupted export of hydrocarbons, transit trade, investment inflows, and tourism.

For the Arab monarchies, a strategy involving the pooling of the military capabilities of the six monarchies has become relevant in order not to depend on the U.S. in this matter or, at a minimum, to create their own reliable air defense/missile defense system.

As for the U.S., the Trump administration has demonstrated the use of force against Iran's nuclear infrastructure. From Iran's perspective, the U.S. has once again confirmed its reputation as the main external threat, and trust has been undermined, as the attack was carried out in the midst of indirect negotiations between Iran and the U.S. Tehran has lodged official protests with the UN, accusing Washington of "unprovoked aggression." All channels for resuming the nuclear deal have been frozen, and Iran has accelerated programs aimed at reducing its dependence on the U.S. dollar economy and U.S. technology. In the military sphere, Iran has begun reforming its air defense with an emphasis on creating layered defense against high-tech threats, possibly with the support of new Russian air defense systems.¹⁴ Paradoxically, the direct confrontation forced both sides to return to the tactics of "managed confrontation": Washington has increased sanctions and military pressure but is avoiding a new attack, while Tehran, condemning the "imperialists," is still looking for ways to avoid direct military confrontation until it strengthens its position.

14 Eilam. *Op. cit.*

The military events of 2024–2025 inevitably affected the fate of Iranian nuclear program. By 2023, Tehran had enriched uranium to 60%, accumulating sufficient reserves that, if further enriched to weapon-grade level (about 90%), would be enough for a dozen warheads. Israel publicly threatened to prevent Iran from crossing the threshold, and in June 2025, it attempted to carry out this threat by force. According to Israeli data, the Iranian program has been “set back by several years.”¹⁵ However, Iran has managed to retain some of its potential thanks to deeply mothballed facilities and the dispersal of key production components.

On the one hand, Iran’s lack of nuclear weapons allowed Israel and the U.S. to act relatively freely without fear of a nuclear response. On the other hand, Iran’s proximity to nuclear status apparently prompted them to rush into action. After the assassination of Soleimani in 2020 and the strikes of 2025, the Iranian parliament passed demonstrative laws to accelerate the nuclear program, showing that in the face of an existential threat, the regime may even reconsider the fatwa banning nuclear weapons. Tehran subsequently stated that it did not plan to withdraw from the NPT and was seeking a diplomatic solution, but from a strategic perspective, Iran will clearly retain the nuclear option as a last resort. Iran may conclude that without nuclear weapons, its security is under real threat, and will be even more insistent in seeking threshold nuclear power status or even the creation of nuclear weapons.

There has been a noticeable strengthening of pro-nuclear sentiment in the Iranian public sphere. According to data published by the Young Journalists Club agency, 66% of respondents in a nationwide poll supported the idea of Iran acquiring nuclear weapons (June 19, 2025).¹⁶ At the same time, an online poll conducted by the Tab-

15 Chughtai. Op. cit.

16 باشگاه خبرنگاران جوان «۶۶ درصد پاسخگویان موافق دستیابی ایران به بمب اتم هستند» [66% of Respondents Support Iran Obtaining a Nuclear Bomb] // [Bāsh-gāh-e Khabarnegarān-e Javān; Youth Journalists Club, YJC], 19.06.2025. URL: <https://www.yjc.ir/fa/news/8965255>.

nak portal among 103,178 participants showed that 73% supported the creation of a “bomb” (August 16, 2025).¹⁷ Adding to this picture, the media resource Ettelaat Online refers to the results of the IRIB Research Center, according to which 78% of respondents opposed the agreement with the U.S. on the “wind-down” of the nuclear industry (i.e., in favor of “nuclear sovereignty,” July 4, 2025).¹⁸ Taken together, these publications are consistent with the trend recorded in 2024 by independent research by the *Bulletin of the Atomic Scientists* on the growth in the proportion of Iranians who approve of nuclear weapons possession.¹⁹

It is possible that negotiations on a new agreement will resume if Iran believes that it will gain time to rebuild its economy and strengthen its defenses. But there will be no complete abandonment of nuclear capabilities: the lessons from the history of countries in the Middle East that renounced their nuclear ambitions and became victims of aggression are too obvious.

Within the country, the growth of external threats has led to further militarization of the political course. Conservative forces have rallied around the thesis that any concessions to enemies lead to deception: Iran limited its nuclear program by signing the JCPOA in 2015, but the U.S. withdrew from the agreement, resumed sanctions, and has now even started a war. This narrative strengthens the influence of the IRGC and radicals who demand that no weakness be shown.

17 «درصد مردم خواهان دستیابی ایران به بمب اتمی هستند ۷۳٪» [73% of Citizens Support Iran's Pursuit of Nuclear Weapons] // Tabnak, 16.08.2025. URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/1323059>.

18 «اطلاعات آنلاین» نتایج یک نظرسنجی: مردم درباره مذاکره با آمریکا چه گفتند؟ [Poll Results: What Did Citizens Say about Negotiations with the U.S.?] // Ettelaat Online, 04.07.2025. URL: <https://www.ettelaat.com/news/101459>.

19 Asadzade P. A Majority of Iranians Now Favor Possessing Nuclear Weapons — Their Leaders Take Note // *Bulletin of the Atomic Scientists*, 13.06.2024. URL: <https://thebulletin.org/2024/06/a-majority-of-iranians-now-favor-possessing-nuclear-weapons-their-leaders-take-note/>.

Conclusion

If the *Strategic Review 2024* presented a very alarming picture of the state of international security, then the current issue of the *Review* hardly gives more reason for optimism. Unpredictability is growing in the world, exacerbated by the zigzags of the new U.S. leadership's policies; the use of force is increasing, international conflicts are spreading and the spheres of military rivalry between states are expanding. A high level of international tension and conflict persists both in Europe and in the Asia-Pacific region, South Asia, and the Middle East.

Nevertheless, one should not fall into hopeless pessimism. Too much depends on the state of affairs in conflict resolution and arms control, especially between Russia and the U.S. It is therefore crucial to bring these topics back into the official Russian-American dialogue. Indeed, in the field of arms control, Russia is the only country in the world capable of conducting such a dialogue with the United States on an equal footing. Moscow has a huge responsibility for global security, despite sometimes annoying ridiculous declarations and strategic surprises coming from overseas. As the experience of recent years has shown, without a supporting structure in the form of interaction between two superpowers, the stability of the entire international system is eroded.

This primarily refers to the fundamental component of the arms control building — the Non-Proliferation Treaty, the next Review Con-

ference on which will be held in 2026. After two consecutive failed conferences of this level (in 2015 and 2022), a new war in the Middle East and the third failure of the Conference could be fatal to the NPT. Especially if the extended New START period expires in February of the same year without any follow-up. And even more so, if full-scale nuclear tests are renewed and the Comprehensive Nuclear-Test-Ban Treaty is denounced.

The state of the entire arms control system now raises the question not of its further development, but of the “emergency measures” to save at least its main constituent components. The second extension of New START is not permitted under Article XIV, paragraph 2, which states: “If the Parties decide to extend this Treaty, it will be extended for a period of no more than five years...”¹ Moreover, in the time remaining until February 5, 2026, it is almost impossible to negotiate the next treaty. So, at best, there is hope for politically binding declarations by the parties that they intend to comply with the basic restrictions of the New START for the foreseeable future.

It was with such an initiative that Moscow came forward on September 22, 2025. “In order to prevent the emergence of a new strategic arms race and to preserve an acceptable degree of predictability and restraint,” said President of Russia Vladimir Putin, “we consider it reasonable to maintain at this turbulent time the status quo established under New START. Accordingly, Russia is prepared to continue observing the treaty’s central quantitative restrictions for one year after February 5, 2026.”² In the future, the preservation of these voluntary self-restrictions is stipulated by the condition that “the United

1 Treaty Between the Russian Federation and the United States of America on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms // President of Russia, 08.04.2010. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/512>.

2 Meeting with permanent members of the Security Council. Vladimir Putin held a meeting with permanent members of the Security Council in the Kremlin // President of Russia, 22.09.2025. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/78051>.

States acts in a similar spirit and refrains from steps that would undermine or disrupt the existing balance of deterrence.”

After a little pause, Donald Trump replied on October 5: “It sounds like a good idea.”³ After a long break, the first exchange of views on this issue, of course, was a positive change in relations between the two nuclear superpowers and in the dynamics of international security in general. But this is only the beginning of the path, and its prospects remain very uncertain. In the past, Trump was very skeptical of this Treaty, concluded and then extended by his democratic predecessors in 2010 and 2021, respectively. Moreover, there is pressure from expert-political circles close to the Republicans for the restructuring of nuclear weapons strategy and programs in order to confront simultaneously with the two largest adversaries in the name of Russia and China,⁴ which does not presume a limitation, but a build-up of nuclear potential and the development of the latest non-nuclear weapon systems and destructive technologies.

In addition, the general state of Russian-American relations remains very unstable, the two powers stand on opposite sides of many international and domestic crises in the world. New initiatives, such as on the transfer of American Tomahawk cruise missiles to Ukraine, can once again drive into a deep impasse the strategic dialogue that has just begun, and worse, entail a dangerous escalation of the confrontation between NATO and Russia around the Ukrainian conflict. In October, talks on the Ukrainian issue were suspended without resuming, and the Budapest summit was postponed.

3 Shalal A. Trump says Putin’s offer on nuclear arms control “sounds like a good idea” // Reuters, 05.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/trump-says-putins-offer-nuclear-arms-control-sounds-like-good-idea-2025-10-05/>.

4 Edelman E., Miller F. No New START. Renewing the U.S.–Russian Deal Won’t Solve Today’s Nuclear Dilemmas // Foreign Affairs, 03.06.2025. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/no-new-start>.

Responding to the growing military instability, President Putin made televised statements on 26 and 29 October about successful tests of Russia's latest nuclear weapon systems with unlimited range: the Burevestnik cruise missile and the Poseidon autonomous underwater vehicle. For the first time in history, these systems are equipped with nuclear propulsion plants. As for Burevestnik, the president also set the task to "determine possible ways to use" this missile.⁵

Apparently, the answer was Trump's impromptu of October 29 on the urgent resumption of nuclear tests by the United States "on an equal basis" with other states. In Trump's style, this statement was fraught with many ambiguities. Did he mean the actual tests of nuclear weapons banned by the CTBT or allowed tests of nuclear carriers? What did he mean by "equal basis," if none of the other nuclear states has been conducting nuclear test explosions for many years? Either way, this announcement has created great uncertainty for the prospects of nuclear arms control.

The seriousness of the situation prompted a special discussion during the Russian Security Council meeting on November 5. The general opinion was expressed that not only the words but also the actions of the United States significantly increase the level of military danger for Russia. President Putin stressed that Russia strictly adheres to its obligations under the CTBT and has no plans to deviate from these obligations. At the same time, he instructed all responsible agencies to gather additional information and submit proposals on the possible start of preparations for nuclear weapons testing.

The turbulence in the international situation that characterized 2025 continued literally until the very last day. According to Russian official sources, on the night of December 29, the Ukrainian Armed Forces attempted to attack the Russian President's residence in the Novgorod region using 91 UAVs. All of them were shot down by air defense forces, which was an unprecedentedly high indicator

5 Putin skazal o neobkhodimosti opredelit' klass rakety «Burevestnik» [Putin Said About the Need to Define the Class of the Burevestnik Missile] // Interfax, 26.10.2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1054740>.

of the effectiveness of such a system. For its part, Moscow announced its intention to launch a powerful retaliatory strike and reconsider its position on a peaceful settlement of the crisis, without interrupting the dialogue with Washington.⁶

Unlike the 2023 and 2024 issues, this edition of the *Review* does not have a special section on strategic stability in relations between Russia and the United States. Despite the fact that the nuclear and conventional arms race between these countries is on the threshold of a new cycle, this year there have been no qualitative changes in this regard, except for the proclamation of the so far speculative U.S. Golden Dome project. There have been no negotiations and new arms control agreements, apart from the Putin's political initiative of September 22 and the apparently positive reaction of Trump on October 5. Most likely, the major changes in strategic relations between Russia and the U.S. in terms of arms and equipment, strategy and diplomacy will occur in 2026, which will be the subject of consideration for the next issue of this publication.

6 Foreign Minister Sergey Lavrov's Statement, Moscow, December 29, 2025 // Ministry of Foreign Affairs of Russia, 29.12.2025. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/2070334/.

Об авторах

Authors

Богданов Константин Вадимович — кандидат технических наук; заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза Центра международной безопасности (ЦМБ) Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН).

Добрева Евдокия Ивановна — младший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Ермаков Александр Сергеевич — младший научный сотрудник Сектора стратегического анализа и прогноза ЦМБ ИМЭМО РАН.

Загорский Андрей Владимирович — кандидат исторических наук; профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института (университета) международных отношений Министерства иностранных России (МГИМО МИД России); заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Bogdanov, Konstantin — Candidate of Sciences (Engineering); Head of the Section for Strategic Analysis and Forecasting, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS).

Dobрева, Evdokia — Junior Researcher at Center for Middle East Studies, IMEMO RAS.

Ermakov, Alexander — Junior Researcher at the Section for Strategic Analysis and Forecasting, IMEMO RAS.

Zagorsky, Andrey — Candidate of Sciences (History); Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University; Head of the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Иванов Станислав Михайлович — кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник Сектора по нераспространению и ограничению вооружений Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Куприянов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук; руководитель Центра Индоокеанского региона ИМЭМО РАН.

Никитин Александр Иванович — доктор политических наук; главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Ознобищев Сергей Константинович — кандидат исторических наук; профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России; заведующий Сектором военно-политического анализа и исследовательских проектов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Ромашкина Наталия Петровна — кандидат политических наук; старший научный сотрудник Отдела разоружения и урегулирования конфликтов ЦМБ ИМЭМО РАН.

Стефанович Дмитрий Викторович — научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций Отдела военно-экономических исследований безопасности ЦМБ ИМЭМО РАН.

Сурков Николай Юрьевич — кандидат политических наук; руководитель Группы изучения общих проблем региона Центра ближневосточных исследований ИМЭМО РАН.

Ivanov, Stanislav — Candidate of Sciences (History); Lead Researcher at the Section for Non-Proliferation and Arms Limitation of the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Kupriyanov, Alexey — Candidate of Sciences (History); Head of the Center for Indian Ocean Region, IMEMO RAS.

Nikitin, Alexander — Doctor of Sciences (Political Sciences); Principal Researcher at the Institute for International Studies (IIS), MGIMO University; Principal Researcher at the Section of Military-Political Analysis and Research Projects, IMEMO RAS.

Oznobishchev, Sergey — Candidate of Sciences (History); Professor at the Department of International Journalism, MGIMO University; Head of the Section for Military-Political Analysis and Research Projects, IMEMO RAS.

Romashkina, Nataliya — Candidate of Sciences (Political Sciences); Senior Researcher at the Department for Disarmament and Conflict Resolution Studies, IMEMO RAS.

Stefanovich, Dmitry — Researcher at the the Section for Military Economy and Innovations of the Department for Military and Economic Security Research, IMEMO RAS.

Surkov, Nikolay — Candidate of Sciences (Political Sciences); Head of the Group on Common Problems in the Region, Center for Middle-East Studies, IMEMO RAS.

Стратегический обзор 2025

Ответственный редактор

Арбатов Алексей Георгиевич

Редакционная группа проекта

Константин Богданов,

Ольга Гусарова,

Марианна Евтодыева

Перевод

Константин Богданов,

Марианна Евтодыева,

Алексей Куприянов

Дизайнер издания

Яков Красновский

Компьютерная верстка и препресс

Юрий Мосягин

Издательский дом МГИМО

119454, Москва, проспект Вернадского, 76

Подписано в печать 15.01.2026.

Формат 60х90^{1/16}. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 23.

Шрифты: FF Nort, ITC Charter

Тираж 300 экз. Заказ № ЧК-02014-26

Отпечатано в АО «Первая Образцовая
типография», филиал «Чеховский
Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Strategic Review 2025

Edited by

Alexei Arbatov

Editorial Group

Konstantin Bogdanov,

Olga Gusarova,

Marianna Yevtodyeva

Translation

Konstantin Bogdanov,

Marianna Yevtodyeva,

Alexei Kupriyanov

Design by

Yakov Krasnovsky

Typeset and Print Proofing

Yuri Mosyagin

MGIMO University Publishing House

76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454,
Russian Federation

Format 60x90^{1/16}. Offset printing.

Offset paper. 23 conventional printed

sheets. Typefaces: FF Nort, ITC Charter

Circulation: 300 copies.

Order No. ЧК-02014-26

Printed in JSC «First Exemplary Printing
House», Chekhov Printing Yard

1 Poligrafistov St., Chekhov, Moscow

Region, 142300, Russian Federation

9 785922 831291

Выпуск регулярного издания «Стратегический обзор» посвящен анализу наиболее острых и актуальных проблем международной безопасности, стоявших перед мировым сообществом в 2025 г. Авторами изучена эскалация Украинского кризиса и его переговорная динамика, влияние прихода новой администрации в США на европейскую политику безопасности, а также зарождающееся многомерное противостояние США и КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подробно рассмотрены состояние и перспективы проекта ПРО США «Золотой купол», а также перспективы применения искусственного интеллекта в военном деле. Региональный блок издания посвящен военно-стратегическим аспектам индо-пакистанской конфронтации, развитию конфликтов на Ближнем Востоке, а также анализу политики безопасности Ирана.